

13.526

ЕВГ. ЛЯЦКІЙ

ТУНДРА

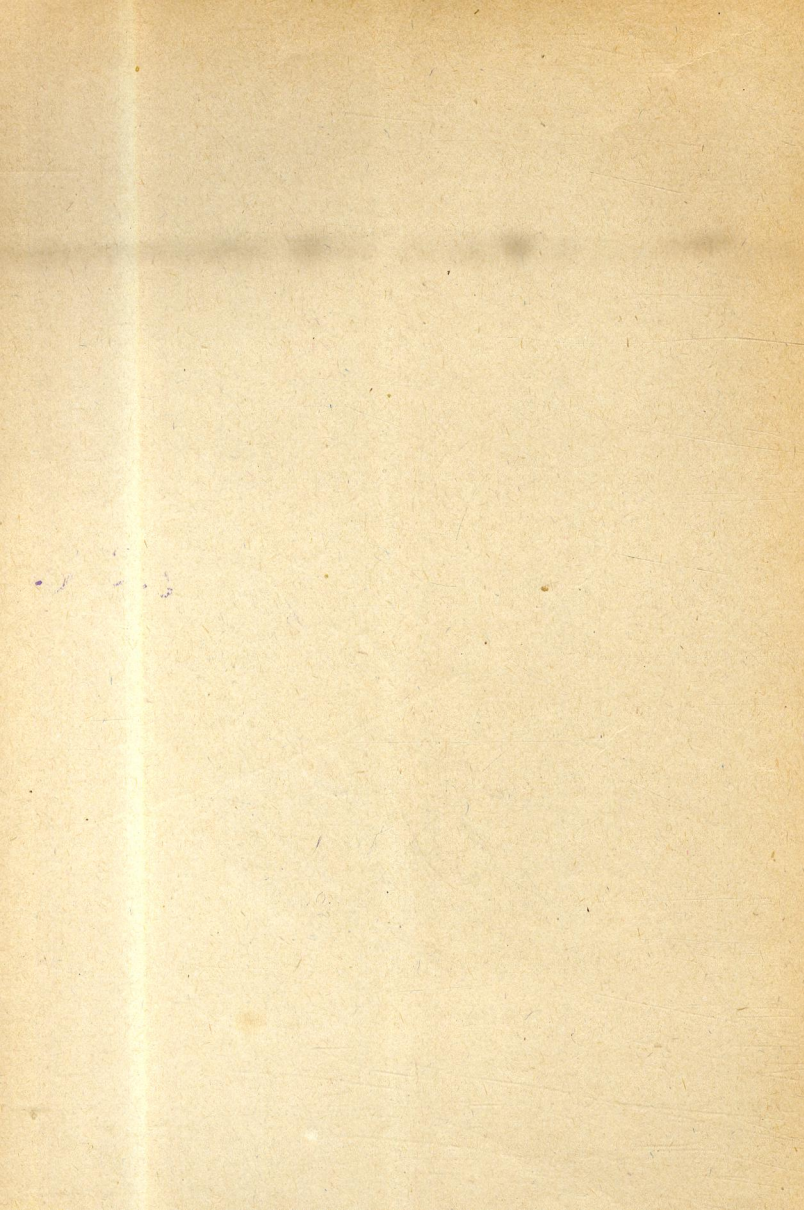
I

П Л А М Я

П Р А Г А

ЕВГ. ЛЯЦКІЙ — ТУНДРА

~~Об. см. ГА Арм. и
Лавров. ССР - 1949 г.~~

06
10

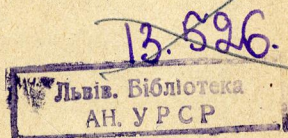
ЕВГ. ЛЯЦКІЙ

ТУНДРА

РОМАНЪ

ИЗЪ БЪЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ

Часть первая

П Р А Г А

445/2=P/53-644

1925

„LEGIOGRAFIE“
Praha-Vršovice, Sámova 665.

Дописалъ романъ до конца — и пришелъ въ смущенье. Сколько тревоги и муки въ каждомъ образѣ, въ каждомъ изгибѣ рисунка! Но такова русская зарубежная жизнь. Нельзя коснуться ни одной стороны ея, не поднимая завѣсы надъ страшными картинами горя и скорби. Думалось: не лучше ли не касаться вовсе? Но скорбь и боль сроднились и какъ бы срослись съ нашимъ существомъ, а жизнь бѣжитъ впередъ, образы, черты и краски мѣняются и, не схваченные словомъ, безслѣдно исчезаютъ въ сѣрой забвенности вчерашняго дня.

Я былъ далекъ отъ мысли писать что-нибудь историческое, или вообще такое, что претендовало бы на многосторонность и полноту. Исторія русскаго бѣженства будетъ когда-нибудь написана. Ее напишутъ люди, которые обрѣтутъ въ себѣ способность безстрастно созерцать цифры и факты. Она будетъ написана, когда никто изъ современниковъ не станетъ мѣшать ея торжественной объективности. Мнѣ же хотѣлось уловить въ перелетномъ бѣгѣ мгновений именно то, что ускользнетъ отъ исторіи, что просочится сквозь цифры и фак-

ты и безслѣдно исчезнетъ въ забвеніи. На общемъ тускломъ и невеселомъ фонѣ мелькали, словно китайскія тѣни, лица и событія, волновались сердца, жаждали счастья и исходили тоской и слезами; неудержимо кружились, какъ въ вихрѣ, сталкивались, разбивались, дробились, разсыпали искры. Изъ нихъ рождались слова и стоны, волненія, желанія, жалобы и порывы. Мною овладѣлъ соблазнъ выхватить изъ этого кипучаго водоворота нѣсколько отраженій, подхватить настроенія, уловить слова, еще не остывшія отъ чувства, ихъ породившаго, запечатлѣть два-три луча изъ той страшной огненной радуги, которая вспыхнула надъ широко разлившейся бѣженской волной. Тайное внушеніе заставляло меня отзываться на одни явленія, обходить другія, и я не могъ не повиноваться ему. Люди серьезные посмѣются надъ этимъ внушеніемъ и замѣтятъ, пожалуй, что я писалъ мой романъ безъ плана и руководящей идеи. Не стану ничего объяснять, пусть думаютъ, что хотятъ. Но читателямъ менѣе положительнымъ открою, чѣмъ я руководствовался въ выборѣ моихъ наблюденій: прихотью каприза. Пусть будетъ такъ.

Начинающій беллетристъ долженъ выслушивать всяческіе упреки, особенно несправедливые: въ нихъ больше темперамента. Но одинъ возможный упрекъ я долженъ отклонить самымъ рѣшительнымъ образомъ: портретовъ живой дѣйствительности нѣтъ въ моемъ романѣ. За разгадками моихъ героевъ, если угодно, обращайтесь къ толпѣ. Въ ней должны оказаться не одинъ,

не два, а по нѣскольку прототиповъ. Я стремился не къ внѣшнему сходству, а къ тождеству впечатлѣній. Если будете настаивать на сходствѣ, — значить, вы надѣлены слишкомъ тонкой наблюдательностью, проницательностью, развитой чрезмѣрно. Не больше. Портретовъ, повторяю, у меня нѣтъ.

Впрочемъ, позвольте. Стремясь къ отраженію общихъ впечатлѣній, я подслушалъ мысли Вяльцева о русской эмиграціи, когда онъ только что пришелъ изъ совѣтской Россіи: не удивительно поэтому, что мысли у него были мрачныя, сужденія невеселыя. Я самъ признавалъ ихъ отчасти односторонними, но какъ наблюдатель, не считалъ себя въ правѣ ни поучать, ни исправлять его. Меня занимало въ его словахъ то особенное, что казалось типичнымъ для человѣка, неожиданно и остро ощутившаго на себѣ всѣ изломы бѣженскаго быта.

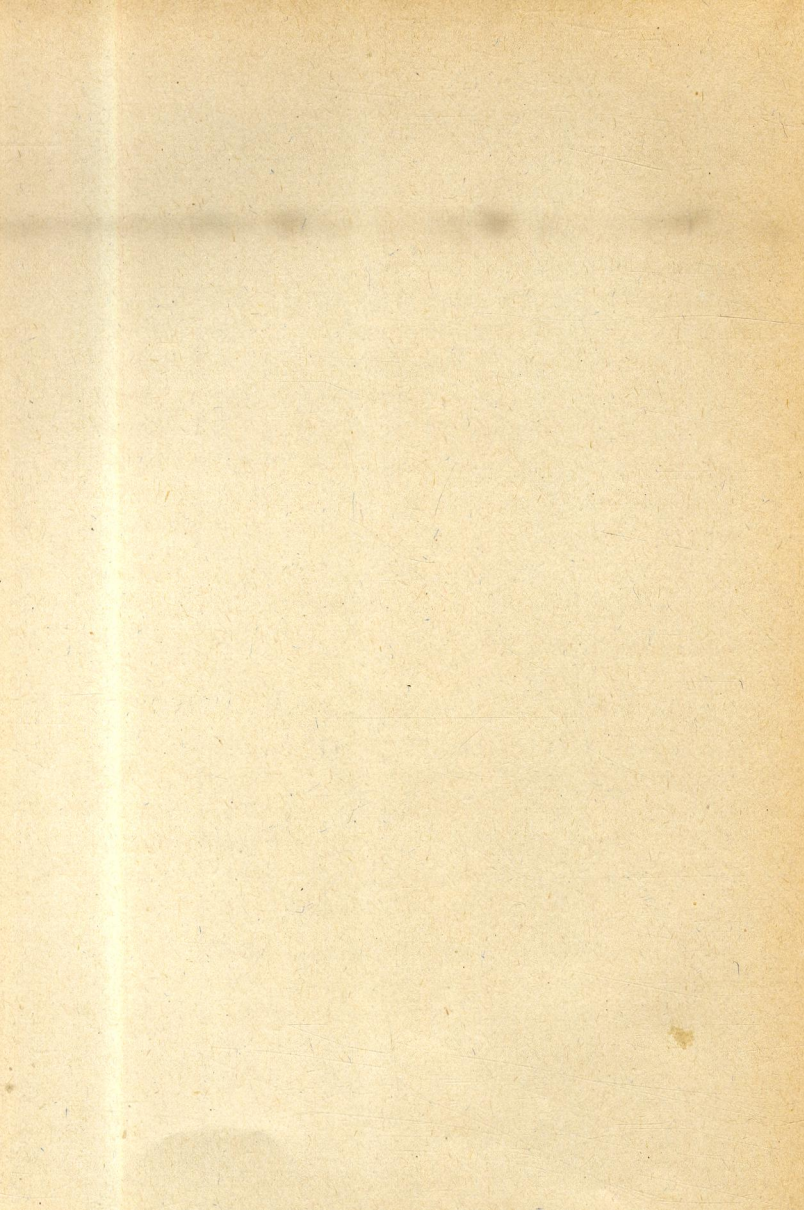
Въ страстныхъ исканіяхъ Человѣка, который сдѣлалъ бы міръ счастливымъ, Вяльцевъ одно, и самое важное, проглядѣлъ въ эмиграціи. За это важное отпущится ей много грѣховъ. Онъ проглядѣлъ ея единую, общую боль за Россію. Не за ту Россію, что была велика и обильна, а за Россію иную, ту, что рождала въ тайныхъ помышленіяхъ и молитвахъ красоту высокаго подвига. Красота эта творить духовную личность, спасаетъ душу и роднитъ живой связью кроткую ясность терпѣнья съ пламенной вѣрой въ грядущее пробужденіе отъ тяжелаго сна. Вяльцевъ искалъ красоту въ

идеалъ будущаго, она же, не слышная и не видная въ суетѣ и шумѣ жизни, обступала его со всѣхъ сторонъ, какъ тончайшій эфиръ въ пыльномъ воздухѣ улицы. Но Вяльцевъ со своими исканіями былъ самъ по себѣ, не мой и ничей, свой собственный. Я не сливался съ нимъ. Вообще не хотѣлъ смѣшиваться съ моими героями: пусть идутъ къ читателямъ, какъ хотятъ и умѣютъ, а меня оставятъ въ покоѣ.

Такъ лучше, не правда ли?

Прага. Апрѣль 1925.

ТУНДРА

I

Вечеръ у Клеопатры Ивановны Невѣдомской удался на славу. Еслибы не спиртовка на умывальникѣ, безъ конца грѣвшая воду, да не странная смѣсь въ жалкой обстановкѣ, имѣвшей видъ запасной комнаты, куда ставятъ случайно купленные вещи, можно было бы подумать, что дѣло происходитъ въ какомъ-нибудь западномъ захолустѣ дореволюціонной Россіи. Потолокъ, несмотря на полуоткрытое окно, туманился клубами ѣдкаго дыма, на блюдахъ, на скатерти, на полу валялись груды окурковъ. На большомъ черномъ облупленномъ подносѣ замеръ послѣдній бутербротъ съ колбасой. Вокругъ двухъ плотно сдвинутыхъ столовъ, на продавленной кушеткѣ, на жесткихъ деревянныхъ стульяхъ и табуретахъ сидѣли русскіе интеллигенты, не старые, но уже и не молодые, того примятаго типа, какой вырабатывается сейчасъ на чужбинѣ. Такъ и хочется сказать объ этихъ людяхъ: душа еще держится, душа русская, а воли къ размаху въ ней нѣтъ. Не видно ни лѣтъ настоящихъ, ни смѣлости, ни веселья. Лишь очень опытный глазъ могъ бы отличить бывшаго гвардейскаго офицера, молчаливо сидѣвшаго

на диванѣ, отъ захудалаго кооператора, когда-то служившаго приказчикомъ мучного лабаза въ Нижнемъ: такъ оба они тонули здѣсь въ чемъ-то общемъ, сѣромъ, въ тощихъ поношенныхъ пиджакахъ и мягкихъ воротничкахъ, бѣлѣвшихъ какъ-то неувѣренно...

Говорили степенно, солидно; иные, слушая себя и охорашиваясь, словно плавая въ пріятной мягкости своего краснорѣчія; иные бросали слова отрывисто и рѣзко. Не стѣснялись, потому что знали, что квартирная хозяйка Клеопатры Ивановны ушла въ этотъ вечеръ въ «кино», поэтому говорить можно было свободно. Однако, въ общемъ, собраніе вело себя разсудительно и чинно.

— Я вамъ еще чашечку налью, — тепло и вкрадчиво говорила Клеопатра Ивановна, — ужъ вы простите, что ручка обломана. Я вѣдь эту чашечку изъ Россіи вывезла... дѣтей и чашечку... Не могла разстаться, ни за что. Не повѣрите, какая у меня любовь къ вещамъ развилась. Больше всего «быта» хочу, быта, понимаете? — своей квартирки, самовара, кошечки.... хочу до смерти. И дѣти мнѣ говорятъ: «мама, когда мы на «своемъ» ѣсть будемъ?»

Вкрадчивость и теплота тона очень шли къ розовымъ, пухлымъ щечкамъ и пунцовымъ губкамъ красивой молодой женщины. На это обращалъ вниманіе только одинъ изъ гостей, журналистъ Нордманъ, которому природа не отказала во вкусѣ ко всему прекрасному. Другіе же получавшіе чай взглядывали на Клеопатру Ивановну съ признательной улыбкой, слушали съ учтивой снисходительностью, отхлебывали и возвращались къ прерванной бесѣдѣ. Клеопатра Ивановна суетилась и была, видимо, польщена тѣмъ, что въ ея комнатѣ собрались такіе именитые и умные люди.

— У меня и сыръ есть, вотъ только хлѣба не хватило...

— Сыръ и безъ хлѣба можно, — безцеремонно отозвался агрономъ Дрючинъ, къ которому ласково, почти заискивающе, обратилась Клеопатра Ивановна. Она, какъ и многіе здѣсь, не любила его за рѣзкость, часто переходившую въ грубость, но именно по этой причинѣ съ нимъ особенно считались. И сегодня его позвали единственно потому, что онъ, узнавъ стороной, ради чего собрались, могъ повредить дѣлу. Это былъ маленькій, худенькій человѣкъ съ острыми, высматривающими глазами и черной бородкой клинушкомъ. На носу, у праваго глаза, замѣтна была рыжая бородавка, отчего иногда казалось, что глазъ у него былъ подбитъ.

— Дадите сыру, и сыръ съѣдимъ, — продолжалъ онъ съ тѣмъ же циническимъ добродушіемъ. — Аристократы всегда сыръ безъ хлѣба ѣдятъ, а мы — чѣмъ хуже ихъ?

— Сними съ насъ заплаты — мы аристократы, — сострилъ Обручевъ, любившій подыскивать созвучія. Это былъ приземистый, широколицый, съ длинными рыжими волосами и жидкой, козлиной бородкой, человѣкъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, считавшій себя писателемъ и ученымъ. Самолюбивый и обидчивый, онъ не развился, однако, ни въ писателя, ни въ ученаго и остановился на полпути, посвятивъ себя записи и подбору фактовъ для «будущей» русской науки. И теперь онъ сидѣлъ съ тетрадью, незамѣтно записывая вслѣдъ за ораторами иностранныя слова, засорявшія русскую рѣчь. Одѣтъ онъ былъ не бѣдно и даже не безъ претензіи на артистическую внѣшность, хотя и лишенную заботы о необходимой опрятности. На пиджакѣ были пятна, волосы, бѣлая пыль.

Засѣданіе, собственно, кончилось. Оно было посвящено обсужденію вопроса о новой газетѣ. Большинство уже высказалось въ томъ направленіи, что отъ новой газеты многое зависѣло въ ближайшихъ судьбахъ эмиграціи, а, можетъ быть, и Россіи. Трое самыхъ умныхъ и принципиальныхъ ораторовъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ успѣли убѣдить собраніе въ томъ, въ чемъ его убѣждать было излишне: что задуманная газета была нужна именно Россіи, а не кучкѣ маленькихъ писателей, которымъ негдѣ было себя проявить. Все было сказано — и о недостаткахъ существующихъ газетъ, гдѣ будто бы по этическимъ и инымъ причинамъ не могли высказываться присутствующіе писатели, и о кристальной политической чистотѣ новаго органа. Наступилъ моментъ практическихъ рѣшеній.

Собраніе насторожилось. Еще больше нахмурился Викентій Антоновичъ Кубицкій, бывшій земскій статистикъ, называвшій себя экономистомъ. Онъ уже такъ много разъ предсказывалъ спасеніе Россіи то отъ голода, то отъ урожая, что всѣмъ наскучилъ своими предсказаніями, основанными на убѣдительнѣйшихъ, казалось, выкладкахъ. Не предсказывать дальше — значило для него прежде всего потерять право на непререкаемую докторальность, которая сквозила во взглядѣ, голосѣ и презрительной манерѣ обращенія съ людьми «вообще». Здѣсь онъ имѣлъ видъ чловѣка, которому поневолѣ приходится сдерживаться и «снисходить». Онъ, то и дѣло, повторялъ:

— Если мы, экономисты, не скажемъ своего слова міру, Россія погибнетъ... — словно міръ и впрямь заинтересованъ былъ въ томъ, чтобы Россія существовала такой, какой она представлялась экономисту Кубицкому.

Кооператоръ Флегонтъ Ивановичъ Званковъ,

которому удалось гдѣ-то въ провинціальной газетѣ напечатать статейку о значеніи «куаперациі» — онъ такъ произносилъ это слово—въ табачномъ дѣлѣ, мечталъ о литературныхъ лаврахъ. Свою простецкую рѣчь онъ любилъ въ собраніяхъ пересыпать иностранными словами:

— Ежели «коифицентъ» нашей промышленности потребуеть, по совѣсти говоря, консолидаціи капиталовъ, «куаперациі» придется, по совѣсти говоря, взять обывателя въ щипцы.

Экономистъ бралъ его всюду съ собой, какъ своего штатнаго льстеца и переписчика, причемъ нещадно бранилъ за ошибки. Высокій, съ окладистой черной бородой, съ кудрями на вискахъ и лысиной на затылкѣ, съ доброй улыбкой надъ тонкими безкровными губами, Званковъ вызывалъ образъ цѣловальника стараго времени и готовъ былъ служить и бѣгать за каждымъ, кто назвалъ бы его имя въ газетахъ или помѣстилъ рецензію объ его докладѣ на какомъ-либо засѣданіи или съѣздѣ. Когда онъ приносилъ переписанную рукопись Кубицкаго, послѣдній не безъ удовольствія выслушивалъ отъ него одни и тѣ же слова:

— Ахъ, Викентій Антоновичъ, ваши цифры, по совѣсти говоря, — пирамиды фактовъ. Ихъ никакой логикой не расшибешь.

Кубицкій поднималъ очки:

— Вы думаете?

— По совѣсти говоря — да.

Флегонтъ Ивановичъ читалъ о коопераціи на какихъ-то курсахъ, и сознаніе, что и онъ не послѣдняя спица въ колесницѣ, доставляло ему огромное наслажденіе.

И теперь онъ, нагибаясь то къ одному, то къ другому, повторялъ:

— Да - съ... истинную правду сказалъ Викентій Антоновичъ: безъ газетки въ нашей актуальности никакъ невозможно.

Кудринъ, профессоръ обѣщаннаго, но пока не открытаго института, вель собраніе. Онъ угадалъ висѣвшій надъ каждымъ вопросъ: «а я причемъ тутъ?» — и заявилъ, что присутствующіе должны считать себя учредительнымъ собраніемъ и намѣтить редакціонную группу...

Объявивъ, оглядѣлъ присутствующихъ. Минута напряженнаго молчанія.

— Итакъ, если мы всѣ согласны...

Но едва онъ произнесъ эти слова, какъ тутъ-то и начались разногласія.

— Да вы скажите прежде всего: есть у васъ издатель? — безцеремонно, вразрѣзъ напряженному молчанію, спросилъ Нордманъ. До того онъ сидѣлъ молча, съ иронической усмѣшкой, не вынимая папирсы изо рта, съ видомъ специалиста, которому незачѣмъ тратить слова — дѣло безъ него все равно не обойдется.

Почти всѣ встрепенулись при этомъ вопросѣ. Нордманъ съ нескрываемымъ ехидствомъ смотрѣлъ на профессора.

— Да, въ самомъ дѣлѣ...

Профессоръ на минуту смутился:

— Я къ этому вопросу хотѣлъ перейти въ концѣ.

— Съ него слѣдовало бы начать, — раздраженно прервалъ его Дрючинъ, раздосадованный тѣмъ, что не догадался задать раньше столь простой и естественный вопросъ.

Поспорили. Рѣшили объ издателѣ «подумать». Стали намѣчать сотрудниковъ и членовъ редакціоннаго «коллектива».

Взоры прежде всего обратились на экономиста.

— Готовъ работать въ газетѣ, — вѣско сказалъ Кубицкій, — готовъ... условно... да... при наличности обстоятельствъ, обеспечивающихъ свободу въ выраже-
ніи моихъ мыслей...

И добавилъ послѣ минутной паузы:

— Я долженъ передать мои мысли Россіи...

— Я съ удовольствіемъ, подъ руководствомъ, говоря по совѣсти, Викентія Антоновича, — сказалъ кооператоръ Званковъ.

— Вы, Дмитрій Павловичъ?

Вопросъ этотъ относился къ Вяльцеву, неудачно-му мыслителю, какъ онъ самъ опредѣлялъ себя; другіе называли его «человѣкомъ не отъ міра сего».

— Благодарю васъ. Но я недолго останусь въ Прагѣ. Притомъ же мнѣ не о чемъ писать.

— Бориса Сергѣевича Нордмана незачѣмъ спрашивать, — не правда ли? — профессоръ любезно качнулся въ сторону журналиста: — онъ будетъ нашимъ учителемъ въ газетномъ дѣлѣ.

Нордманъ потеръ лысую узколобую голову и неопредѣленно хмыкнулъ носомъ, что съ нимъ бывало, когда представлялся случай «козырнуть» своей особой.

— Да, господа, безъ меня, я вижу, вамъ трудно будетъ обойтись. Журналисту всегда есть о чемъ писать. Журналисту надо только деньги платить, и онъ будетъ писать, о чемъ нужно и не нужно... ха, ха... Вотъ что смогу вамъ сказать.

Онъ самодовольно улыбнулся и прищурилъ большіе черные глаза, въ которыхъ свѣтилась безграничная наглость. Почти всегда ехидная улыбка его толстыхъ, слегка выпяченныхъ губъ была столь плотоядна, что казалось, будто говоря и улыбаясь, онъ глоталъ что-то жирное и сладкое — восточный пловъ,

что ли... Онъ былъ небольшого роста, съ брюшкомъ, въ пиджакъ мутно-сѣраго цвѣта, о которомъ не скажешь, поношенъ онъ или свѣжъ, скорѣе свѣжъ, и притомъ сшитъ у хорошаго портного.

Послѣ переворота Нордманъ долго жилъ въ Финляндіи, потомъ игралъ, говорятъ, на биржѣ въ Берлинѣ, наконецъ — мѣсяца три назадъ, появился въ Прагѣ. О немъ рассказывали разное, но такъ какъ въ Прагѣ не было ни одного русскаго бѣженца, о которомъ не говорили бы «разнаго», то и Нордманъ былъ принятъ въ интеллигентскихъ кругахъ, какъ свой — не родной и не дальній, а такъ, «ничего себѣ», — какъ всѣ случайные товарищи по несчастью.

Макѣевъ, высокій, стройный блондинъ, пожилой, не могъ дать отвѣта о своемъ участіи: «скорѣе нѣтъ, чѣмъ да». Онъ былъ членомъ активной партіи и на повторный вопросъ отвѣтилъ уклончиво:

— Не могу сказать... Какъ «группа»...

Его пригласили, впрочемъ, не столько для сотрудничества, сколько для «связи» съ «демократическими организаціями». Онъ посидѣлъ недолго и скоро ушелъ, сославшись на необходимость быть еще въ одномъ собраніи.

Дрючинъ его не любилъ и отзывался кратко:

— Зналъ Азефа. Иныхъ заслугъ нѣту.

И когда профессоръ спросилъ Дрючина, намѣренъ ли онъ принять участіе въ газетѣ, онъ отвѣтилъ:

— Если будетъ дѣло, а не брехня. А вѣрнѣе всего — ничего не будетъ...

Ему не возражали. Въ этомъ кружкѣ охотнѣе нападали, чѣмъ защищали. Такъ ужъ установилось, такъ повелось.

— Вопросъ объ издателѣ крайне существенный, — продолжалъ профессоръ, дѣлая обѣими руками кру-

глый жестъ, словно охватывая мѣшокъ съ деньгами... — весьма существенный, — повторилъ онъ, — но, господа, мнѣ кажется, онъ компетенціи нашего собранія не подлежитъ...

— Да, да, ужъ поздно, — сказалъ изъ своего угла на диванѣ Владиміръ Ивановичъ Азбелевъ, нѣкогда гвардеецъ, нынѣ безпартійный демократъ, съ продолговатымъ лицомъ, холодными и умными глазами. Кожа на лицѣ и тонкихъ породистыхъ рукахъ была бѣлая, черные рѣдѣющіе волосы гладко зачесаны на проборъ, подбородокъ уходилъ въ острую тщательно подрѣзанную бородку. Онъ такъ тихо сидѣлъ, откинувшись къ стѣнѣ, что его никто, кажется, не замѣчалъ и съ вопросами не обращался. «Тихій омутъ», отзывались о немъ одни, «тайный блудникъ», — говорили другіе. Онъ то появлялся, то исчезалъ на пражскомъ горизонтѣ, но никто не зналъ, чѣмъ и какъ онъ жилъ. Знали только, что онъ заклятый врагъ совѣтской власти. Утверждали даже, что бомба, взорвавшая вагонъ съ чекистами года два назадъ подъ Петербургомъ, была брошена именно имъ. Видѣли, что, не избѣгая бывать въ русскихъ столовыхъ и вообще не боясь соотечественниковъ, онъ никого не оклеветалъ и не оболгалъ. За это втайнѣ уважали.

И снова спорили. Хотѣли «голосовать», но всѣ устали.

— Да, половина одиннадцатаго, — зѣвнулъ агрономъ.

— Еще нѣсколько минутъ. Для «информациі» объ издателѣ.

Въ разныхъ мѣстахъ комнаты шли уже частные разговоры. Обручевъ, трудившійся надъ составленіемъ словаря иностранныхъ и паразитныхъ словъ, давно уже исподтишка заносилъ въ тетрадь, гдѣ у него былъ

отдѣль «порча языка», падавшія изъ устъ ораторовъ иностранныя слова. Теперь его занимала статистика употребленія ихъ.

— Двадцать первое на букву «И», — сосчиталь онъ, записывая «информація»...

— Надо констатировать, господа...

«Констатировать» — записываль Обручевъ.

— Надо констатировать, что издателя пока еще нѣтъ.

— Прошу слова, — подняль руку кооператоръ Званковъ. Онъ даже всталъ во весь ростъ и сдѣлаль ораторскій жестъ.

«Ну, теперь заведеть», — со страхомъ подумали нѣкоторые.

Азбелевъ нервно посмотрѣль на часы.

Но Званковъ былъ кратокъ.

— По совѣсти говоря, издателя у насъ нѣтъ. Но онъ будетъ, будетъ, господа. Степанъ Николаевичъ сказалъ, — Званковъ обвелъ собраніе значительнымъ взглядомъ, — Степанъ Николаевичъ сказалъ, что онъ готовъ поѣхать, куда слѣдуетъ, и просить... Я даже слышалъ, по совѣсти говоря, что Воячекъ — вы знаете его вліяніе — утверждалъ, будто тамъ, «наверху», даже одобрили бы изданіе такого, по совѣсти говоря, демократическаго органа.

Онъ сѣль, чрезвычайно довольный всеобщимъ вниманіемъ.

— А что вы сдѣлали для того, чтобы Степану Николаевичу выгодно было просить для васъ деньги? — спросиль агрономъ Дрючинъ: — безъ смазки его не сдвинешь.

Кубицкій хотѣль что-то сказать, хмуро щуря глаза и шевеля густыми усами, но профессоръ своимъ круглымъ жестомъ остановиль его.

— Мнѣ кажется, — онъ кивнулъ на Дрючина, — Павелъ Павловичъ правъ. Надо бы, я хочу сказать, надо бы, конечно, справиться... того... будутъ ли деньги. Я предлагалъ открыть маленькую дискуссію, не избрать ли намъ финансовую комиссію.

«Дискуссія», «комиссія» — записывалъ Обручевъ.

— Ну, вотъ, какую тамъ еще комиссію, — проворчалъ агрономъ: — просто дать Степану Николаевичу процентъ съ объявленій.

— Нѣтъ, господа, такъ нельзя...

— Нельзя оскорблять отсутствующаго.

Званковъ снова поднялся.

— Господа, по совѣсти говоря... Вы насчетъ Степана Николаевича — потише!

— Я совершенно согласенъ, — вставилъ Кубицкій. — Въ своей области Степанъ Николаевичъ можетъ быть очень полезенъ.

Званковъ благодарно взглянулъ на него и продолжалъ:

— Степанъ Николаевичъ есть тотъ человѣкъ, который... по совѣсти говоря... свою связь съ чехами кровью запечатлѣлъ — и тутъ онъ понизилъ голосъ, и глаза стали хитрыми, по-купецки прищуренными, — и, по совѣсти говоря, не одной кровью... Онъ по возвращеніи съ легіонерами столько пива пилъ, что ему ни въ чемъ не откажутъ...

Агрономъ задребезжалъ мелкимъ смѣхомъ, и другіе, глядя на него, стали улыбаться. Только Кубицкій сдѣлалъ презрительную гримасу.

— Ха-ха-ха... это вы вѣрно, Флегонтъ Ивановичъ, ей-Богу вѣрно, — смѣялся Дрючинъ. — Больше

пролилъ пива на столы и штаны своихъ собутыльниковъ, чѣмъ крови на поляхъ сраженія.

Тонъ собранія срывался. Однако, поручили Кубицкому и Званкову «дискутировать» вопросъ объ издателѣ со Степаномъ Николаевичемъ, причемъ, если понадобится, «заинтересовать» послѣдняго въ формахъ, общественно допустимыхъ...

Встали, задвигались. Нордманъ бросалъ красно-рѣчивые взгляды на Клеопатру Ивановну, но та, какъ бы умышленно, не замѣчала ихъ и отвертывалась. Азбелевъ, не покидая своего мѣста, слѣдилъ за ними соображающимъ взглядомъ. Онъ видѣлъ, что Вяльцевъ, напротивъ, неопредѣленно-уклончиво и застѣнчиво опускалъ глаза, когда Клеопатра Ивановна съ подчеркнутой ласковостью обращалась къ нему.

Всѣ говорили одновременно въ разныхъ углахъ комнаты, но всѣ на ту же тему: объ издателѣ. Экономистъ Кубицкій доказывалъ, что, молъ, была бы программа, а деньги на изданіе непременно найдутся; однако, всѣ чувствовали, что проклятый издатель — сфинксъ, незамѣтно присутствовавшій въ собраніи, глядѣлъ своими загадочными глазами до наглости равнодушно, даже насмѣшливо.

Степана Николаевича можно заинтересовать и инымъ способомъ, — сказалъ Званковъ: — позволить ему писать передовицы.

Журналистъ Нордманъ протестовалъ:

— Развѣ можно дѣлать такія предложенія? Степанъ Николаевичъ человѣкъ почти неграмотный, письма дѣльнаго не напишетъ. Онъ, можетъ быть, достойный общественный дѣятель, но здѣсь журналистика. Вотъ, когда я работалъ в «Товарищѣ» у Ходскаго...

— Да, я помню, — перебилъ его агрономъ, — вы

въ «Товарищѣ» Ходскаго простымъ хроникѣромъ были...

Нордманъ поднялъ свои рыжія брови такъ высоко, что онѣ, казалось, собирались улетѣть со лба. Онъ дернулъ головой, словно готовясь ринуться въ битву.

— Да, я былъ и хроникеромъ, и, если вамъ угодно знать, — нервно повернулся онъ къ агроному, — то въ моей хроникерской дѣятельности было больше смысла, чѣмъ... чѣмъ.... чѣмъ...

Онъ захлебывался, ища ѣдкаго слова, но въ то же время и боясь «сдачи».

Профессоръ быстро повернулся и, разводя руками, будто успокаивая и благословляя въ одно и то же время, предупредилъ бурю.

— Господа, господа, нельзя же такъ. Мы стоимъ передъ фактомъ огромнаго общественнаго значенія. Моментъ, переживаемый нами, въ высшей степени отвѣтственный... Господа, нельзя вмѣшивать личные счеты...

Агрономъ погрозилъ кулакомъ, но профессоръ величаво и рѣшительно остановилъ его:

— Господа, не допускаю никакихъ расхожденій, если они не вызваны идейными причинами. Борисъ Сергѣевичъ, вашу руку!

Злобно, по-псиному поворчали, потомъ помирились. Клеопатра Ивановна обрадовалась:

— Ну, и славно, — звучно крикнула она и потрепала Дрючина по плечу. — Зачѣмъ ссориться, когда можно миромъ? А я вотъ лучше вамъ чайку согрѣю.

Но въ это время въ передней раздались какіе-то шаги, потомъ легкій стукъ въ дверь. Клеопатра Ивановна замерла и приложила палецъ къ губамъ.

— Тс... Хозяйка пришла. Злющая. Голубчики,

уходите, родные, уходите, а то сгонить, ей-ей. Вы не можете себѣ представить, что это за вѣдьма...

Гости засуетились и стали разбирать свои фуражки и палки. Клеопатра Ивановна нервно помогала имъ, на ходу пожимая руки и виновато улыбаясь:

— Спасибо, спасибо. Приходите ужо, только пораньше...

Профессоръ, шлепая галошами и оступаясь, первымъ спустился по лѣсенкѣ на мостовую.

— Какая досада! — ворчалъ онъ: — надо бы еще многое выяснить...

— А мы пойдемъ въ кофейную, — предложилъ Званковъ: — я знаю такую, гдѣ можно сидѣть до утра.

— А не поздно?

Нѣкоторымъ предложеніе Званкова понравилось: не любятъ русскіе люди, не договорившись до-сыта, идти по домамъ. Рѣшили подождать остальныхъ.

Недоставало Нордмана и Вяльцева. Нордманъ давно уже юлилъ около Клеопатры Ивановны, но та не смотрѣла на него. Теперь онъ взялъ ее за руку, недовольно поглядывая на Вяльцева, искавшаго шапку въ углу за кушеткой.

— Могу я сказать вамъ нѣсколько словъ по секрету?

Клеопатра Ивановна отвела его руку:

— Не можете, да и не нужно. Прощайте.

— У меня дѣло... вы знаете...

— Уходите!

Онъ окинулъ ее холоднымъ, мстительнымъ взглядомъ и вышелъ. Собирался выйти и Вяльцевъ, но Клеопатра Ивановна удержала его:

— А ты приходи завтра, непременно приходи...

Перекрестила и поцѣловала въ лобъ.

На воздухѣ дышалось легче — ужъ очень въ комнатѣ было накурено и душно. По календарю, гдѣ-то вдали отъ Праги, у каждаго на родинѣ, свершалось таинство весенней ночи, благоуханной, растворенной въ томленіи безсмертной сказки о любви и счастья. Но здѣсь, на Смиховѣ, въ рабочемъ кварталѣ, воздухъ былъ насыщенъ зловоніемъ и копотью; фабричныя трубы неустанно дымили и закрывали звѣзды. Очертанія одного изъ красивѣйшихъ уголковъ этого страннаго города тонули въ какой-то слизи, поглощавшей воздухъ. Вышли на набережную. Два ряда огоньковъ глянули съ противоположнаго берега: одинъ — неподвижный, яркій, другой — колеблющійся, рассыпавшійся въ водѣ.

— Теперь бы, по совѣсти говоря, соловьевъ хорошо дома послушать, — вздохнулъ Званковъ: — какъ вы думаете, Викентій Антоновичъ?

— А? Что? — встрепенулся, не разслышавъ, Кубицкій.

— Соловьевъ бы того... по совѣсти говоря, на родинѣ послушать бы...

— А-а... соловьевъ, — разсѣянно отвѣчалъ ему экономистъ, погруженный въ свои мысли. — Да, конечно, соловьевъ... вы правы: соловьи обыкновенно поютъ весною...

«Эхъ ты, таблица умноженія! — подумалъ улыбувшись, Обручевъ, шедшій рядомъ: — тебя и палками не разбудишь»...

А Званковъ вспомнилъ покойную жену, какъ она невѣстой ожидала его въ саду у цвѣтущихъ яблонь... Тоской сжалось сердце, и онъ рѣшилъ выпить, если представится случай...

Особенностью всего этого круга людей, за исключеніем Вяльцева и Азбелева, «не своихъ», было то, что они жить другъ безъ друга не могли и въ то же время не любили одинъ другого. У каждого было что рассказать о другомъ: тотъ какое-то «правительство» провалилъ, этотъ Деникину помогалъ, одинъ «ренегатствовалъ», выйдя изъ партіи, другой наклеивалъ рога женѣ, которая, впрочемъ, и сама развлекалась... И хотя каждый изъ этихъ и многихъ другихъ интеллигентовъ, ютившихся въ захолустьяхъ Праги, готовъ былъ на подмосткахъ «общественности» копыя ломать за свободу мнѣнія и право жить въ частномъ быту, какъ кому хочется, тѣмъ не менѣе въ ежедневномъ быту враждовали, ссорились, исподтишка клеветали или просто сгущали атмосферу, повторяя интимныя и нечистыя слова и мысли изъ кухонной и альковной хроники своихъ соотечественниковъ. Только немногіе, особенно независимые люди изъ ученой и литературной среды, держались вдали отъ всѣхъ этихъ носителей индивидуализма безъ интеллигентности и интеллигентовъ безъ живой, движущей мысли. Въ общей массѣ пражской эмиграціи, морально пришибленной и духовно убогой, полуинтеллигенты типа Кубицкаго и даже Званкова играли роль умственныхъ вождей: они охотно выступали съ лекціями и не краснѣли, когда ихъ называли «профессорами».

— А знаете что, — заговорилъ Дрючинъ, обращаясь къ Обручеву, — я бы всѣхъ васъ, вмѣсто газеты, на землю въ Подкарпатской Руси посадилъ. Земля отличная, а работниковъ нѣтъ...

— Не пойдутъ, Павелъ Павловичъ, не пойдутъ! Ни за милую душу! Кто же станетъ «общественность» поддерживать? Кто будетъ лекціи читать?

— Опомнятся, какъ жрать нечего будетъ да суб-

сидіямъ конецъ придетъ... Лекціи! Ихъ ремеслу учить надо, портняжничеству, сапожному дѣлу, капусту разводитъ... Артель бы имъ основать, а не газету! Тьфу, людишки... Вотъ вы, не въ обиду вамъ будь сказано, что дѣлаете?

— Словарь составляю, словарь порченныхъ словъ...

Дрючинъ даже остановился и отъ удивленія развелъ руками.

— Что? Я оглѣхъ, что ли! Словарь какихъ словъ?

— Порченныхъ, паразитныхъ, начавшихъ засорять русскую рѣчь со временъ революціи...

Дрючинъ бурно недоумѣвалъ:

— Не понимаю, хоть убей, не понимаю! Допускаю, что слова порченія есть, отъ всякой нечисти пошли, а извѣстно, что нечисть по-нечистому и говорить... А если они порченія, такъ на какого шута словарь изъ нихъ дѣлать?

— Нужно, Павелъ Павловичъ, для цѣлей науки нужно...

— Тьфу ты чортъ! Да развѣ вы академикъ, что ли, чтобы надъ бесполезной наукой трудиться?

Обручевъ, какъ всѣ малозамѣтные и малодаровитые труженики, былъ обидчивъ, хотѣлъ было вспылить, но удержался и, засмѣявшись, спросилъ:

— Капусту лучше сѣять?

— Обязательно...

— Не слишкомъ ли все капустой зарастетъ, какъ всѣ за нее примутся?

— Ничего, свиней откармливать будемъ...

Обручевъ отсталъ отъ него.

— Слыхали нашъ разговорецъ? — спросилъ онъ рядомъ шагавшаго Званкова.

— Слыхаль-съ...

— Ну что?

— Что-жъ, ничего! Дозвольте каждому выражаться такъ, какъ ему, по совѣсти говоря, нутро повелѣваетъ...

Онъ думалъ о своемъ — о соловьяхъ, о женѣ. И то, что говорилъ Обручевъ, было ему чуждо. Онъ вздохнулъ.

«Выпью, непременно выпью!» — сухой тоской пронеслось у него въ головѣ.

Свернули на мостъ. Направо—Стрѣлецкій островъ.

Въ густой чащѣ каштановъ и акацій военный оркестръ рывкалъ бравурный маршъ. Прекрасная, величаво упавшая на широкое ложе рѣка, вся въ искрахъ, въ играющихъ огняхъ съ прозрачными мостами, съ островами, живыми, какъ людская толпа, казалось, звала изъ этого душнаго и для изгнанника неуютнаго города вдаль, въ другой міръ. Пусть будетъ тамъ, среди холмовъ и лѣсовъ, одинаково чужихъ и холодныхъ, еще сиротливѣе, еще тяжелѣе, только бы подальше отъ этой сѣрой безнадежности и скуки среди своихъ въ Прагѣ.

На другой сторонѣ моста разстались. Профессоръ и экономистъ направились на Винограды, въ свой «латинскій кварталъ» въ тотъ гостепріимный отель, гдѣ для русскихъ никогда не бываетъ отказа, прочіе пошли влѣво, въ поискахъ ночного пріюта.

Вяльцевъ не хотѣлъ было идти сначала съ этими мало знакомыми ему людьми въ душную комнату, гдѣ будутъ пить и курить... Но когда подумалъ, что ему придется остаться одному среди мгlistой и холодной ночи, вздохнулъ и, посмотрѣвъ на звѣзды, покорно пошелъ со всѣми.

— Мы съ вами рискуемъ пропустить всѣ трамваи, — замѣтилъ Обручевъ. — Вы гдѣ живете?

— Въ Коширжахъ. За послѣдней остановкой.

— Но вѣдь это страшная даль!

— Ничего... Бываетъ пріятно послѣ долгой бесѣды идти пѣшкомъ и думать, что идешь домой.

Кафе помѣщалось въ одномъ изъ мало-замѣтныхъ переулковъ въ нижнемъ этажѣ стараго сводчатого зданія, хранившаго въ своей архитектурѣ и расцвѣтѣ и упадокъ барокко. Ни своды, ни толстыя стѣны не потеряли своей старины. Реставрировали его въ различное время только маляры да штукатуры, наивные, какъ дѣти, и потому зданіе не очень пострадало отъ «реставраціи». Въ небольшихъ, сводчатыхъ, пропитанныхъ табакомъ и виннымъ уксусомъ комнатахъ, стояли длинные столы, непритязательно заставленные «лахвичками» вина и кофейной посудой. Скатерти были несвѣжія. Небольшой оркестръ, явно рассчитанный на то, что посѣтителемъ не до музыки, энергично наигрывалъ славянскіе танцы.

Свободныхъ мѣстъ было еще много. Азбелевъ и Нордманъ уже сидѣли за столомъ у стѣны. Тамъ же размѣстились и остальные. Нордманъ заявилъ, что у него есть деньги: онъ угощаетъ и просить не стѣсняться. Появилось вино въ маленькихъ графинчикахъ и «хлѣбчики обложены» — ветчина, сыръ и яйца на большихъ ломтяхъ хлѣба. Вокругъ было, какъ всегда здѣсь, въ мѣру хмельно, усидчиво и солидно. Большинство курило «виржинки», и никто изъ курившихъ не падалъ въ обморокъ, нервы были крѣпкіе. Говорили громко, но не кричали. Подпѣвали, но не перепѣвали музыку. Смѣялись, но не оглушали. Веселились на свой ладъ — говорили дамамъ двусмысленности, дамы смущались только слегка, для приличія. Ихъ туалеты съ низкими вырѣзами, ихъ голыя крѣпкія руки подчеркивали скорѣе добротность и округлость формъ, чѣмъ красоту. Зато щеки горѣли, глаза

искрились, вино туманило голову... Было непринужденно, словно собирались тамъ все близко знакомые люди, и каждый чувствовалъ себя въ однородной, даже родственной средѣ. Можно было не только закурить у сосѣда папиросу, но и заговорить съ его дамой. Можно было вмѣшаться въ разговоръ, и къ одной остроумной шуткѣ примазать другую: будетъ больше смѣха, руки потянутся къ стаканамъ, скрестятся взгляды дружелюбно и смѣшливо — и только. Это своя пражская «братская» веселость, столь непохожая на ту, какою бурлятъ, шумятъ и дымятся ночныя кафэ большихъ городовъ Европы.

Обручевъ сразу выпилъ свою «четвертинку» и помолодѣлъ на десять лѣтъ, сталъ такимъ, какимъ его помнили до войны и революціи. Нордманъ смаковалъ ликеры, Дрючинъ сердился, что его заставили пить вино, Званковъ пилъ большими глотками и, не пьянѣя, вздыхалъ: «теперь водочки бы, по совѣсти говоря...» Вяльцевъ отхлебывалъ изъ вѣжливости, Азбелевъ не пилъ вовсе.

— Терпѣть не могу эту здѣшнюю добродѣтель, — разсуждалъ Нордманъ, оглядывая посѣтителей. — Въ ней, впрочемъ, больше порочнаго, чѣмъ въ самомъ порокѣ. По сравненію съ ней, такъ называемая, парижская порочность — сама добродѣтель. Увѣряю васъ... Тамъ, по крайней мѣрѣ, все наружу и на выность — душа и тѣло свѣтятся насквозь... А здѣсь — онъ указалъ на тучную даму, сидѣвшую на другомъ концѣ стола, — вонъ, смотрите, на плечахъ земной сводъ выдержать, а поди, разбери, есть ли у нея душа подъ жиромъ...

Не одобрялъ, а самъ плотоядно косился на могучую грудь, выпиравшую изъ-подъ легкой матеріи, и

воловьѣ глаза его подергивались какой-то матовой лаской.

Агрономъ хлопнулъ его по рукѣ.

— Ну нѣтъ, братъ, это вы... невѣрно. Понятіе о красотѣ у васъ подсырѣло. Ваши французенки — тѣфу! Чешская женщина — хозяйка и мать. Оттого и наплодитъ она здоровыхъ дѣтей и выкормить ихъ «кнедликами», и будетъ Чехія сильная и богатая страна, вотъ какъ!

Для пущей убѣдительности онъ даже поднесъ кулакъ къ своему носу.

— И не тронуть ея никакіе милые сосѣди, потому что ни у кого не будетъ такого увѣсистаго кулака, какъ у чеха! А человѣкъ онъ серьезный и даромъ кулакомъ размахивать не станетъ, двинетъ въ рыло только по нуждѣ, когда воры въ его хату залѣзутъ. А Франція ваша — что! Дѣтей и тѣхъ нарожать не можетъ. Ужъ, кажется, — не трудное дѣло...

Онъ звонко ударилъ своимъ стаканомъ по стакану Вяльцева:

— Выпьемъ за Чехію!

Нордманъ махнулъ рукой.

— Страна здоровая, — сказалъ онъ съ кривой усмѣшкой, глядя на кончикъ дымящейся папиросы: — какъ сядетъ, сидѣть долго будетъ на мѣстѣ... Но для высшихъ потребностей духа...

— Парижскіе бульвары? — спросилъ агрономъ, допивая стаканъ. — Или вотъ еще, — съ злобной ироніей обратился онъ къ Званкову, — для духа такіе скопцы мысли, какъ вашъ профессоръ и экономистъ... Ну, не пародія ли? Вы думаете, они серьезно вѣрятъ въ свою затѣю? Ни чуточки! просто игра въ общственность... Помилуйте, назначается собраніе, въ собраніи нуженъ предсѣдатель, предсѣдателемъ избира-

ють профессора, профессоръ произноситъ вступительную рѣчь, начинается распредѣленіе ролей въ будущей газетѣ, всѣ присутствующіе — редакторы отдѣловъ, а издателя-то и нѣтъ... Ха-ха-ха! Понимаете ли, именно нѣтъ того, кто окажется глупѣе шестерыхъ глупцовъ и дастъ имъ на газету деньги... Чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ, только вечеръ убилъ понапрасну.

Онъ съ остервенѣніемъ хрустнулъ сухимъ «хлѣбичкомъ», запустивъ въ него большіе бѣлые зубы.

— Ну, это вы не правы, — возразилъ Нордманъ, глядя какъ-то въ сторону, — деньги можно было бы достать...

Онъ оборвалъ себя на этомъ словѣ, даже поперхнулся, точно обжегся. Азбелевъ внимательно смотрѣлъ на него.

— Я хочу сказать, — продолжалъ онъ, откашлявшись, — что при извѣстномъ искусствѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ можно начать газету. Хотите — начну?

— Начните, — сказалъ Званковъ: — только хвастаете...

— И начну...

Нордманъ хмыгнулъ носомъ и вызывающе посмотрѣлъ на Званкова и Дрючина.

— Да кому она нужна будетъ, ваша газета? — не унимался Дрючинъ. — Сбивать съ толку людей и безъ того сбитыхъ?

— Нѣтъ, вы не понимаете этого. Съ вами трудно спорить. Пейте лучше вино.

— Правильно! Пью. Ваше здоровье!

Дрючинъ хмелѣлъ.

— А вы, Званковъ, не сердитесь за вашего мудреца, — онъ намекалъ на Кубицкаго — силищи въ васъ много. Пріѣзжайте, будемъ рѣпу сѣять...

Вяльцевъ, тихо говорившій съ Обручевымъ, вдругъ оживился.

— Скажите, а каково было бы направлѣніе вашей газеты? Я, какъ вы знаете, недавно изъ Россіи, а тамъ у насъ о направлѣніяхъ и думать боятся.

Нордманъ повернулся къ нему, нѣсколько смущенно и снисходительно улыбаясь.

— Направлѣніе, — говорилъ онъ, смачно жуя, — направлѣніе будетъ такое, какое понадобится.

Онъ скользнулъ боковымъ взглядомъ по Азбелеву и снова запнулся.

— Направлѣніе, — повторилъ онъ, проглатывая, словно давясь послѣднимъ кускомъ, — будетъ... Какъ вамъ сказать... Я самъ не эсэръ, но съ эсэрами работать смогу...

— Эсэры и безъ насъ, по совѣсти говоря, работаютъ хорошо, — вставилъ Званковъ. — Мы за ними не угонимся. Главное — ониклады знаютъ.

— Это жаль, — продолжая какую-то мысль, сказалъ Вяльцевъ, — что вы не знаете иныхъ путей, жизнь давно уже старые пути забросила.

Нордманъ опустилъ поднятый было стаканъ.

— Новые пути? — укажите...

— Новые пути не надо указывать, — отвѣтилъ Вяльцевъ. — Они передъ вами, и вы на скрещеніи этихъ путей. Они сходятся къ одному: Человѣка — онъ вѣско произнесъ это слово — освободить надо... а вы всѣ, простите меня, вы всѣ крѣпостники. Тѣломъ рабовъ, конечно, не торгуете, а душу человѣческую спутали цѣпями...

— Мм... вотъ вы какой, — протянулъ Обручевъ.

— Такъ, такъ, — сказалъ Азбелевъ, придвигаясь къ Вяльцеву.

Вяльцевъ смутился. Поднявъ глаза, онъ разгля-

дѣлъ входившихъ посѣтителей, разслышалъ музыку, увидалъ суетливо снующихъ лакеевъ и почувствовалъ, что слова его чуждо и глухо раздались въ этомъ ночномъ притонѣ. Но такъ какъ онъ ихъ произнесъ, то отбирать не хотѣлъ и прготовился защищать то, что считалъ своимъ убѣжденіемъ.

— Вы правильно поставили вопросъ, — сказали Азбелевъ, — только освобожденіе человѣчества шло всегда однимъ путемъ — огнемъ и желѣзомъ. Операція только еще началась...

Азбелевъ не говорилъ — бросалъ слова, отрывисто, законченно въ звукахъ, но не рѣзко. Тонъ его не оскорблялъ. Пока говорилъ — глаза вспыхивали, умолкалъ — потухали.

Вяльцевъ поднялъ руку, будто просилъ слова. Онъ хотѣлъ бы избѣгнуть спора, но нѣсколько глотковъ вина бросились въ голову, и онъ рѣшилъ возражать, если придется. Его красивое блѣдное лицо съ сѣдѣющими висками и усами смягчалось улыбкой, тогда какъ въ свѣтлыхъ, добрыхъ и грустныхъ глазахъ блеснуло фанатическое упорство.

— Огнемъ и желѣзомъ? — говорите вы, — обратился онъ къ Азбелеву, и взгляды ихъ встрѣтились. — Огонь — благородная, единственная чистая стихія, согрѣвающая и животворящая міръ. Огню поклоняться надо. Огнемъ горять лампы передъ тѣмъ, что есть прекраснаго и святаго въ душѣ человѣка. Огонь падаетъ съ неба. Огонь надо беречь и лелѣять.

Къ нему съ любопытствомъ прислушивались. Даже говоръ кругомъ, даже назойливый вальсъ не мѣшалъ. Только Нордманъ безцеремонно расхохотался.

— Да вы, батюшка, гимны поете огню! Ну-ка, ну-ка, это забавно...

— Да, гимны, только моему огню, не вашему. Вашъ

огонь — огонь смрадныхъ пожаровъ, огонь преступленія и разврата, мой огонь...

Агрономъ сморщилъ лобъ. Съ усиліемъ соображалъ что-то, и не могъ понять.

— Не люблю философію, — проворчалъ онъ. — По моему, всякій мальчишка знаетъ, что такое огонь.

Азбелевъ жадными глазами — они снова проснулись у него — уставился на Вяльцева.

— Позвольте... нѣтъ, это очень важно... доскажите вашу мысль... Я сказалъ: огнемъ и мечемъ покупается свобода.

Вяльцевъ, все такъ же улыбаясь, что странно вязалось съ несокрушимымъ упорствомъ во взглядѣ и голосѣ, отвѣчалъ, обращаясь по преимуществу къ Азбелеву:

— Да, я вамъ скажу, если угодно. Я не хочу только, чтобы меня ложно поняли, и постараюсь говорить самыми простыми, самыми старыми словами. Есть въ мірѣ, гдѣ живетъ человѣкъ, двѣ вещи: духъ, стремящійся къ господству, и плоть, или матерія, какъ хотите, по существу своему, долженствующая служить и служащая духу...

— Что такое «духъ»? — цинически черезъ столь спросилъ Нордманъ, уже возбужденный и красный. — Что такое духъ? — я васъ спрашиваю.

Вяльцевъ смутился, но затѣмъ спокойно отвѣтилъ:

— Духъ — то, что не существуетъ для васъ, ибо и вы для него не существуете.

— Чепуха! — захохоталъ Нордманъ, ища глазами лакея:

— Налейте проповѣднику вина!

— Оставьте его, — сказалъ Азбелевъ, презрительно кивнувъ въ сторону Нордмана, — продолжайте. Меня это глубоко интересуеть.

Къ нимъ прислушивался только агрономъ. Званковъ, нагнувшись къ Обручеву, что-то выплакивалъ ему, проливая вино на скатерть, а Обручевъ, блѣдный, теребя жидкую бородку, повторялъ:

— Да, да... такъ, такъ... Конечно, что-жъ мы безъ Россіи... Мы безъ Россіи — ничто...

— Продолжайте, — настаивалъ Азбелевъ, не спуская въ то же время глазъ съ Нордмана, который дѣлалъ какіе-то знаки кому-то изъ публики и постоянно поднималъ рюмку.

— Можно говорить свободно? — спросилъ Вяльцевъ. — Я буду говорить со всей прямою, какъ думаю, хотя я вовсе не знаю васъ, но мнѣ почему-то кажется, что вы преслѣдуете какую-то большую идею... Такъ вотъ, что я думаю. Вашъ огонь и ваше оружіе, — какія бы вы слова ни писали на знаменахъ, какъ бы вы ни назывались, социалистами, монархистами, республиканцами, какъ хотите, — служатъ только рабству, поддерживаютъ рабство, укрѣпляютъ рабство, и вы сами, даже лучшіе изъ васъ — тѣ, что жизни свои отдаютъ за идею, — и вы являетесь не идеологами свободы, а служителями рабства. Оттого и теоріямъ вашимъ грошъ цѣна. Изъ рабства феодальнаго попали въ рабство капитализма, вмѣсто капиталистическаго рабства пытаетесь надѣть людямъ хомутъ социалистическій или коммунистическій, что, въ концѣ концовъ, одно и то же...

— Это идея, — воскликнулъ Нордманъ, вслушиваясь, — позвольте для фельетона украсть...

— На этомъ пути вы личности не освободите, — продолжалъ Вяльцевъ, — на этомъ пути не разорвете цѣпей и тюремныхъ вратъ не раскроете...

Онъ въ волненіи отпилъ вина... Дрючинъ задорно посмотрѣлъ на него.

— А вы раскрывали врата не золотыми ключами?

— спросилъ онъ, усмѣхаясь и не умѣя сосредоточить своей мысли въ общемъ шумѣ.

— Раскрывалъ... — тихо, но отчетливо произнесъ Вяльцевъ и опустилъ глаза. Онъ недавно пришелъ изъ Россіи, гдѣ какимъ-то чудомъ спасся отъ смерти, и былъ еще полонъ гнетущихъ воспоминаній о видѣнномъ и пережитомъ.

— Это любопытно, — сказалъ Азбелевъ, — и очень важно. Я, конечно, не хочу будить въ васъ тяжелыхъ или непріятныхъ воспоминаній, но если бы вамъ было нетрудно, то я попросилъ бы васъ отвѣтить на одинъ вопросъ: чѣмъ же вы ихъ раскрывали?

— Словомъ человѣческимъ, — попрежнему негромко, но, какъ и раньше, вѣско, почти торжественно и непререкаемо-убѣдительно отвѣтилъ Вяльцевъ.

— Хорошо еще, не Божьимъ, — засмѣялся Нордманъ. — За Божье слово сразу бы къ стѣнкѣ поставили...

Онъ сочно жевалъ, облизывая взглядомъ то, что ѣлъ, и смѣялся, растворяясь въ общемъ гамѣ и гулѣ.

Дрючинъ хотѣлъ что-то сказать, но только потеръ лобъ, потомъ хлебнулъ вина:

— Не понимаю, хотъ убей — не понимаю. А понять надо...

Чокались, смѣялись. Дрючинъ подхватилъ послѣднее, что сказалъ Вяльцевъ: «слово человѣческое, что слово Божье — все можетъ».

— Позвольте, — сказалъ онъ, не выдержавъ, — развѣ кромѣ человѣческихъ, или тамъ, скажемъ, божескихъ, есть еще какія-либо слова?

Вяльцевъ засмѣялся тихимъ, неслышнымъ смѣхомъ.

— Бываютъ слова животныя, своего рода зоологическія.

— Порченныя, — сказалъ Дрючинъ, погрозивъ Обручеву.

— Я ничего не хочу сказать дурного, — продолжалъ Вяльцевъ. — Но огромная масса данныхъ человѣчеству словъ расходуется имъ зря, по пустякамъ, — на выраженіе его дурно сознанныхъ ощущеній, низменныхъ желаній, ничего не значущихъ впечатлѣній, а на человѣческое, истинное, горящее и сгорающее въ красотѣ, остается такъ мало словъ полныхъ, одухотворенныхъ, отданныхъ мысли и Богу, такъ мало, что кажется, будто у иныхъ и вовсе нѣтъ такихъ словъ.

Азбелевъ снова обратился къ Вяльцеву:

— Продолжайте, пожалуйста, продолжайте... Васъ какъ зовутъ?

— Дмитрій Павловичъ.

И внимательно посмотрѣлъ на Азбелева, недоумѣвая, что въ немъ могло привлекать къ себѣ этого не совсѣмъ обыкновеннаго человѣка.

III

— Вы не можете себѣ представить, какъ меня интересуетъ все, что вы говорите, Дмитрій Павловичъ, хотя мнѣ кажется, что мы съ вами на разныхъ полюсахъ...

Вяльцевъ чувствовалъ, что въ словахъ Азбелева звучитъ не фраза, но искреннее и волевое желаніе проникнуть въ его мысли.

— Да что-жъ, — я все сказалъ. И притомъ трудно говорить въ такой обстановкѣ.

Азбелевъ поднялъ на него возбужденные, теперь довѣрчиво глядѣвшіе глаза.

— Нѣтъ, давайте поговоримъ. Врядъ ли представится случай. А меня къ вамъ тянетъ. На обстановку не обращайтесь вниманія. Въ Прагѣ всякая обстановка хороша, гдѣ на человѣка наткнешься, а вы — человекъ...

Вяльцевъ смотрѣлъ на него и не могъ разгадать, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Какая-то странная смѣсь добрыхъ и недобрыхъ внушеній шла отъ этой благородно посаженной головы, съ тонкими какъ бы удлинненными чертами носа и губъ, со взглядомъ рѣшительнымъ и холоднымъ. «Этотъ человекъ долженъ былъ испытать очень много», — подумалъ онъ, вглядываясь въ глубокую складку на лбу и мелкія морщинки, разбѣгавшіяся отъ глазъ, когда онъ улыбался. Но такъ и не рѣшилъ Вяльцевъ, чего было больше въ его собесѣдникѣ — добра или зла. Тянуло думать лучше, чѣмъ хуже.

Словно угадывая его мысли, но переносясь на другую плоскость, Азбелевъ продолжалъ:

— Воспользуемся нашей встрѣчей, чтобы поговорить. Постарайтесь забыть обстановку, благо насъ оставили въ покоѣ. Мнѣ хочется ближе узнать васъ и подѣлиться съ вами нѣкоторыми мыслями. Вы думали обо мнѣ сейчасъ: что онъ за человекъ?

Вяльцевъ кивнулъ головой.

— А я думалъ о васъ. Я думалъ: онъ изъ тѣхъ, кто убѣждены, будто добро выше зла, что оно — царь міра, и что Богъ правитъ міромъ черезъ добро. Но вотъ явился въ міръ умный человекъ съ тѣмъ, чтобы творить добро. Въ то время, какъ онъ творилъ добро, его ужалила гадюка. Что дѣлаетъ умный человекъ, котораго ужалила гадюка? Гадюкѣ расшибаетъ голову, а ужаленное мѣсто выжигаетъ каленымъ желѣзомъ. Такъ или нѣтъ?

Мускуль на щекѣ его нервно дрогнулъ. Глаза свер-

кнули, по лицу прошло жестокое выраженіе рѣшимости и боли.

— Позвольте вамъ доложить, Дмитрій Павловичъ, — что вотъ я, напримѣръ, не могу помириться съ ролью безсловеснаго крота, котораго садовникъ выбросилъ изъ земли на лопаткѣ. Я живо чувствую, какъ и вы, вѣроятно, оскорбленіе и несчастіе быть тѣмъ паріемъ, котораго враги Россіи украшаютъ отвратительнымъ словомъ «эмигрантъ». Каждый человѣкъ долженъ имѣть родину, и тотъ, кто ее у меня отнялъ — преступникъ. Нѣтъ надо мной никакого судилища или закона въ этомъ вопросѣ. Я и верховный судья и вершитель своего приговора надъ преступникомъ. Такъ или нѣтъ?

Въ голосѣ его послышались стальныя нотки. Онъ еще ближе подвинулся къ Вяльцеву. Послѣдній слушалъ съ широко раскрытыми глазами, въ которыхъ отражалась тревога.

— Такъ или нѣтъ? — спрашиваю васъ. Вы скажете «нѣтъ», я скажу — «да», и никого нѣтъ, кто бы насъ разсудилъ. Вы можете пройти весь свѣтъ со своей, простите меня, кислой философіей, а я, можетъ быть, паду, не успѣвъ поднять знамени мщенія тѣмъ недоямъ, что оскорбили меня подлымъ словомъ «эмигрантъ». Я не только о большевикахъ говорю. Большевики, какъ и самый большевизмъ, — порожденіе той трескотни на гніющемъ болотѣ европейской политики, которая зовется концертомъ великихъ державъ. Гиены и шакалы европейской, особенно англійской политики, хотятъ омолодить себя кровью и сокомъ разлагающейся Россіи. Поймите меня. Я прошелъ длинный путь искусства. Я побѣдилъ самого себя, я преодолѣлъ въ себѣ многое изъ того, что ранѣе наполняло мою душу жаждой мести. Я говорилъ себѣ: у тебя застрѣлили отца, разорили твой домъ, осквернили твой храмъ, отняли

радость и счастье, потому что ты родился въ средѣ, вѣками создававшей честь и культуру націи, — прими-
рись: пришла революція, она — катастрофа, обрывъ,
сдвигъ соціальныхъ пластовъ... И я убѣдилъ себя, хотя
подчасъ все еще мнѣ кажется, что революцію могли и
должны были сдѣлать мы, потомки декабристовъ, мы,
боровшіеся съ самовластіемъ Грознаго, мы, повѣрившіе
въ геній Петра, мы, увидавшіе на себѣ кровь, — я буду
говорить вашимъ языкомъ, — со страницъ, писанныхъ ру-
кою дворянина Радищева, а не какая-то шайка захват-
чиковъ, подмѣнившая нашъ подлинный революціонный
пылъ за минуту до нашего взрыва ядовитыми газами
вражды и растлѣнія. И я спрашиваю васъ, Дмитрій Пав-
ловичъ, вы — русскій или нѣтъ?

Лицо Вяльцева нервно дрогнуло. Щеки вспыхнули
краской глубокаго внутренняго волненія.

— Я человѣкъ, рожденный въ Россіи, — сказалъ
онъ не безъ усилія.

— Вы — націоналистъ?

— Не знаю...

— Позвольте: вы интернаціоналистъ или націона-
листъ? — продолжалъ настаивать Азбелевъ.

— Не знаю...

— Ну, а къ тому, что есть русскаго въ васъ, какъ
вы относитесь?

— Люблю все человѣческое во всякомъ русскомъ,
но не хотѣлъ бы надѣть и русской узды на человѣче-
скую душу.

Азбелевъ сразу ушелъ въ себя. Въ разгорѣвшихся
глазахъ сверкнула на мгновенье злоба, даже ненависть.

— Да, я долженъ былъ ждать этого отъ васъ. Но
будетъ жаль, если мы разойдемся. Скажите, если бы вы
были коллекціонеръ, приобрѣли бы вы черепъ какого-

нибудь недавняго англійскаго премьера, разрушителя Россіи.

Вяльцевъ вспыхнулъ. Вся кровь бросилась ему въ лицо. Но онъ сдержался, только пристальнымъ взглядомъ остановился на блѣдномъ лицѣ Азбелева. Тотъ съ дьявольской усмѣшкой выдержалъ этотъ взглядъ. Оба что-то поняли.

— Мы еще поговоримъ, если позволите, — сказалъ онъ наконецъ, опуская глаза.

— Если встрѣтимся, — отвѣтилъ Вяльцевъ. Его глаза говорили: встрѣча будетъ бесполезна.

И добавилъ, понижая голосъ:

— Пути наши различны.

Черная пропасть сразу раздѣлила ихъ. Но именно съ этого момента Азбелевъ приобрѣлъ для него интересъ страшной загадки.

Крѣпкое, тяжелое вино ударило по нервамъ, пьянило, особенно непривычныхъ.

Временами Вяльцевъ переставалъ видѣть и слышать. Музыка отдавалась какимъ-то неяснымъ шумомъ въ его ушахъ, — передъ глазами мелькали лица, свои и чужія, долетали обрывки разговоровъ, потомъ все это уносилось куда-то, и только сердце, растравленное сознаниемъ гибнущихъ минутъ, сжималось тоской одиночества. Онъ, словно въ полуснѣ, видѣлъ, какъ Нордманъ подсѣлъ къ стройной и красивой дѣвушкѣ и изъяснялъ болѣе жестиами, чѣмъ ломаными чешскими словами, свое восхищеніе передъ славянской красотой.

— Я никогда не предполагалъ, что въ Чехіи женщины такъ прекрасны, — кричалъ онъ кому-то черезъ столъ.

Вяльцевъ видѣлъ, какъ двое чеховъ чокались съ агрономомъ и увѣряли, что они любятъ русскихъ, какъ братьевъ. Онъ не слыхалъ, что именно говорилъ Азбе-

левъ своему сосѣду, какому-то русскому, по выправкѣ судя, тоже изъ военныхъ, подсѣвшему незамѣтно, но, по выраженію его лица и по кривой улыбкѣ тонкихъ губъ, догадывался, что тотъ говорилъ что-то недоброе, даже положительно злое, убійственное. «Странно», — подумалъ Вяльцевъ, почувствовавъ, что, несмотря на все, и его какъ-то само собой потянуло къ этому сильному, властному, жестокому человѣку.

Онъ отвелъ глаза и посмотрѣлъ кругомъ. Какое-то видѣніе, какъ яркій утренній лучъ, ворвалось въ его мутныя мысли. Ему вдругъ показалось, что всѣ эти русскіе люди, столь странные въ чуждой имъ обстановкѣ, оторвались отъ берега на льдинѣ и уносятся вдаль, въ голубое, играющее море, подъ горячими лучами солнца. Растаетъ подъ ними льдина, и упадутъ они въ холодную воду и станутъ добычей морскихъ чудовищъ. Сжалось тоской его сердце...

IV

Было около трехъ часовъ, когда вышли на улицу и потянулись къ мосту Легій. Азбелевъ ушелъ первый, сославшись на усталость. Вяльцевъ, Дрючинъ и Нордманъ пошли черезъ мостъ, жадно втягивая ночную свѣжесть. Ноги передвигались съ трудомъ, мысли ползли въ головѣ, какъ свинцовыя тучи. Говорить не хотѣлось. На душѣ лежала неудовлетворенность и тупая жалость къ самому себѣ и ко всѣмъ.

Такъ было у Вяльцева. Нордманъ взялся проводить его и былъ необыкновенно возбужденъ и веселъ.

— Я терпѣть не могу нытиковъ! — воскликнулъ онъ, обращаясь то къ Вяльцеву, то къ агроному. — Ныть — значитъ терять право на жизнь. Ноешь — значитъ умирай. Собака воетъ на покойника, не бей

собаку: помретъ кто-то — однимъ нытикомъ меньше будетъ.

— Ну, ваша философія дырявая, — угрюмо замѣтилъ Дрючинъ. Онъ усталъ, медленно и съ трудомъ передвигалъ ноги.

Нордманъ снялъ шляпу, широко зѣвнулъ и засмѣялся.

— Нѣтъ, вы посмотрите, какая прелесть! — патетически заговорилъ онъ, разводя руками. — Еще длится ночь, фабрики устали коптѣть, свѣжо, хорошо... А что — «хорошо»? Въ чемъ красота? По-вашему, небось, въ лучахъ золотого солнца, въ яркости дня? Въ томъ, что все станетъ ясно. Нѣ-ѣтъ-съ, дурую пѣснь напѣли вамъ поэты про золотые лучи... не въ нихъ красота! Красота — вотъ въ этихъ крадущихся тѣняхъ, въ сумеркахъ, въ этомъ неясномъ, смутномъ, куда чловѣкъ уйдетъ и станетъ невидимъ, гдѣ онъ — и Богъ и злодѣй въ одно и то же время. Ясная жизнь — бухгалтерія настоящая. Жизнь — въ тѣни, гдѣ и на людей можно смотрѣть, какъ на проходящіе призраки, въ мистической неизвѣданности, которая допускаетъ всѣ возможности. Сравните горный потокъ днемъ и ночью. Днемъ онъ — вода, пѣна, брызги.... Дураки - фотографы со своими кодаками, туристы съ кружками... А ночью? Ночью — это темный богъ, рожденный хаосомъ. Онъ раздираетъ міръ на части, подчиняетъ себѣ самую упрямую волю, играетъ жизнью, наполняетъ воображеніе ужасомъ... Ползите къ нему змѣей и бросьте въ его пасть свою жизнь, какъ ничтожную пылинку...

— Вишь, расходился! — сказалъ агрономъ, улыбувшись: — видно, что пражскіе виноградники дѣлаютъ свое дѣло.

— Эхъ, упущеніе: было бы вино, выпилъ бы за тьму, да за самую кромѣшную, на погибель всѣмъ гла-

шатаямъ свѣта, которому они столь же нужны, какъ свѣтляки кассиру, считающему газетныя строчки! Ха-ха-ха!..

На углу Пильзенской простились.

Дрючинъ и Вьялцевъ пошли направо, поднимаясь въ гору. Нордманъ, насвистывая веселую пѣсенку, повернулъ влѣво, въ небольшую пустынную улицу, шедшую къ рѣкѣ. Отойдя шаговъ сто, онъ пересталъ свистать, подтянулся и пошелъ осторожно. Прислушался. Запоздалый прохожій ковылялъ пьяной походкой впереди. Онъ обошелъ его другой стороною переулка и, сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ, очутился у окна домика, гдѣ жила Клеопатра Ивановна. Перевелъ духъ, оглядѣлся, подождалъ. Все было безлюдно и тихо.

Издали доносился гудокъ автомобиля да какой-то неясный шумъ изъ-за рѣки. Потомъ все стихло. Онъ легонько постучалъ палкой въ раму окна и подождалъ съ минуту. Окно беззвучно открылось. Изъ-за темной занавѣски показалась голова, повязанная бѣлымъ. Голосъ Клеопатры Ивановны внятно раздался въ тишинѣ тревожнымъ прерывистымъ шопотомъ.

— Это вы? Я васъ не ждала этой ночью.

— Деньги нужны. Завтра передать надо. Онъ ѣдетъ — знаете куда.

Въ голосѣ Клеопатры Ивановны слышались слезы.

— Боже мой, Боже мой, въ какую грязь завели вы меня! Пусть на васъ падетъ весь позоръ этого дѣла...

Нордманъ топнулъ ногой.

— Объ этомъ разсуждать поздно. О позорѣ завтра поговоримъ, а деньги и вамъ и мнѣ нужны. Къ дѣлу! Вы получили пакетъ? И письма? И копіи?..

— Да... Но не могу же я, не могу больше...

Раздались тихія всхлипыванія.

— Послушайте, пощадите меня. Бога ради, пощадите... Я не знала, я не представляла себѣ того, что дѣлаю... Я отравлюсь — право. Уходите, оставьте меня!

— Отравите раньше вашихъ дѣтей. Но вы этого не сдѣлаете, потому что вы ничтожная женщина, глупая баба, самка... Ну, отравитесь сами, а ваши любовники, вашъ братъ, ваши дѣти завтра же будутъ въ тюрьмѣ... Къ дѣлу, говорю я, вамъ были заплачены деньги, вамъ было заплачено больше, чѣмъ стоитъ этотъ ничтожный пакетъ. Бросьте его сюда. Я дамъ вамъ еще денегъ...

Голова скрылась, занавѣска на кольчикахъ затянула темноту комнаты.

Невдалекѣ раздался стукъ отворяемой двери.

— Я жду еще минуту, — бросилъ онъ въ окно угрожающимъ, сдавленнымъ шопотомъ, напоминавшимъ шипѣніе змѣи. — Слышите? — Я ухожу навсегда... Раздѣлывайтесь потомъ сами...

Глухое рыданіе вырвалось изъ комнаты. Скрипъ шкапа, движеніе мебели... Изъ-подъ занавѣски протянулась бѣлая обнаженная рука и швырнула что-то обернутое въ бумагу.

— Мерзавецъ! — послышался сдавленный крикъ.

— Душка, мерсі, — отвѣтилъ Нордманъ, подбирая пакетъ.

— Вотъ такъ-то лучше, — добавилъ онъ, развязно усмѣхнувшись. — Хотите, что ли, денегъ... подь слѣдующую работу?

— Негодай!

Окно закрылось быстро и осторожно.

— Какъ угодно... Подождемъ, пока сами попросите... О, какія дуры бываютъ на свѣтѣ!..

Положивъ пакетъ въ карманъ дождевика, онъ сдвинулъ шляпу на затылокъ, примялъ ее и, поднявъ воротникъ, пошелъ развязной походкой ночного гуляки,

тщательно выбирая болѣе темныя и безлюдныя улицы. Обогнувъ набережную и завернувъ за уголъ, онъ вдругъ инстинктивно почувствовалъ, что подъ сводомъ воротъ углового дома кто-то ждалъ его, чьи-то свѣтившіеся по-кошачьи глаза, какъ ему показалось, впились въ него, словно когти. Онъ метнулся было съ панели, но желѣзная рука схватила его за воротъ и втянула въ мертвую темень свода. Послышался твердый, властный голосъ — нѣсколько хриплыхъ, отрывистыхъ словъ.

— Ни съ мѣста!.. Еще движеніе — перерѣжу горло...

«Азбелевъ» — огнемъ пронеслось въ мозгу похолодѣвшаго Нордмана.

Тонкіе пальцы стальной руки сжимали горло. Онъ хотѣлъ отмахнуться, но почувствовалъ сильный ударъ въ затылокъ. Ужасъ и темнота на минуту охватили сознание. Руки безсильно повисли. Онъ чувствовалъ на себѣ горячее дыханіе челоуѣка, сжимавшаго ему горло, какъ тисками. Чужая рука быстро шарила въ его карманахъ.

«Пакетъ, пакетъ!.. Завтра, завтра...» мучительно и мгновенно отдавалось въ сознаніи. Глаза выкатывались изъ орбитъ. Дышать становилось нечѣмъ. «И записныя книжки и письма» — колючими искрами отщелкивалось въ мозгу. Онъ начиналъ уже конвульсивно хрипѣть, какъ вдругъ тонкіе съ рѣжущими ногтями пальцы освободили горло, и прежній голосъ, жесткій и хриплый, произнесъ у самого уха:

— Ступай. Если пикнешь, — застрѣлю, какъ собаку...

Сильный толчокъ въ спину метнулъ его въ другой уголъ свода. Когда онъ опомнился, никого вблизи не было, только на шеѣ что-то саднило и болѣло.

«Должно быть, кровь! — подумалъ онъ: — и зачѣмъ онъ отпускаетъ такіе длинные ногти?»

Мозгъ его былъ до такой степени пораженъ происшедшимъ, что онъ боялся даже думать о томъ, что случилось. Чувствовалъ себя такимъ раздавленнымъ и несчастнымъ, что готовъ былъ заплакать надъ самимъ собой.

— Да, да, — повторялъ онъ, — да... Вотъ тебѣ и темень... При свѣтѣ бы онъ не посмѣлъ... Да... поздно свѣтаетъ... Что же лучше: свѣтъ или тьма? Ерунда все это! Э, чортъ!

Хватился рукой за бумажникъ. «Деньги, деньги!...» Но бумажникъ былъ цѣль.

— Деньги *имъ* не нужны, — рассуждалъ онъ, все время стараясь скрыть отъ себя то, главное, большое, что останавливало кровь въ его жилахъ.— Деньги не нужны. Они сами дѣлаютъ деньги.

Онъ шелъ, прихрамывая и шатаясь, жалобясь, словно хотѣлъ самому себѣ показать, какъ у него тамъ, внутри, болѣло. Дойдя до небольшого сквера, онъ отыскалъ скамью и въ изнеможеніи опустился на нее.

Полоска зари робко зажглась на гребнѣ горы.

V

Покидая Россію, Вяльцевъ съ отрадой думалъ о томъ, что огромная масса бѣженцевъ, разметавшихся по всему міру, работаетъ, учится, собираетъ опытъ человечества, чтобы, вернувшись, передать его родинѣ. Не сомнѣвался, что страшная кара, постигшая правящіе классы за народную темноту и угнетение, не пройдетъ даромъ. Полученный опытъ отучить русскихъ людей отъ великодержавнаго эгоизма и сблизить ихъ въ об-

щихъ стремленіяхъ къ культурѣ и миру со всей чело-
вѣческой семьей. Онъ живо представлялъ себѣ, какъ
послѣ тяжелыхъ лѣтъ изгнанія и нужды, русскіе потя-
нутся назадъ, вернутся въ свои разоренные дома и хи-
жины и примутся за новую муравьиную работу. Они
стекутся со всѣхъ частей свѣта, изъ полярныхъ странъ
и тропиковъ и будутъ рассказывать объ успѣхахъ че-
ловѣческаго знанія, о мудрости облегченія труда, о на-
выкахъ культурнаго общежитія. И молодые поколѣнія
вокругъ нихъ станутъ проникаться иными взглядами
на жизнь, исключаящими національную ненависть и
насиліе. Особенно думалось ему такъ, когда онъ
сидѣлъ въ совѣтскихъ тюрьмахъ. Тамъ онъ вспо-
миналъ и сравнивалъ, насколько государственный и
бытовой опытъ Европы былъ глубже, разностороннѣе и
умнѣе азіатской идеологіи принужденія и національной
исключительности. «Теперь Европа стала другою, — ду-
малъ онъ: и она получила урокъ, который не скоро за-
будеть».

Однако, какъ только онъ перешелъ русскую гра-
ницу, сразу же начались горькія разочарованія. Уже
Польша бросила тѣнь на его надежды. Тамъ, въ бѣжен-
ской средѣ, онъ впервые увидалъ страшную борьбу
за существованіе со всѣми послѣдствіями, къ которымъ
приводятъ лишенія и безправіе. Но въ Польшѣ печаль-
ное состояніе русскаго бѣженства онъ отнесъ къ же-
стокой и мелкой мстительности поляковъ за истори-
ческія обиды.

Нѣсколько встрѣчъ съ польской интеллигенціей,
которую онъ считалъ культурной, убѣдили его, какъ
легко уступала культура дурнымъ чувствамъ мести и
политическаго тщеславія. Онъ удивлялся, какъ быстро
люди, хваставшіеся своей культурой и гуманностью, при-
обрѣтали навыки того же насилія и угнетенія другихъ,

которымъ подвергались сами еще недавно въ Россіи. Они забыли, что ихъ страданія отъ самовластия дѣлили и тѣ русскіе граждане, на которыхъ они теперь вымещали свою злобу. Его бывшіе друзья, ученые, писатели, философы, которыхъ онъ разыскалъ, или высококомѣрно отвергивались отъ него, или сами страдали молча.

— Надо переждать, — говорили ему, — пока пройдетъ полоса звѣринаго націонализма, пока благородство польскаго духа не проявитъ всей глубины своей человечности.

Многимъ русскимъ людямъ, съ которыми онъ бесѣдовалъ, думалось, что ждать конца этой полосы придется слишкомъ долго... Озвѣрѣла вся Европа, и Польша не стремилась стать исключеніемъ.

Однако, иное онъ слышалъ о Прагѣ. Мудрое демократическое правленіе... республика, равняющая всѣхъ передъ закономъ... народъ, пронесшій сквозь вѣка неволи идеалы независимости и человечности... братское отношеніе къ русскимъ... цѣлая сѣть благотворительныхъ учрежденій и школъ... Вотъ гдѣ спасается русская душа, вотъ гдѣ рядомъ съ положительнымъ знаніемъ, вырабатываются и моральные устои общественнаго быта, вотъ гдѣ русскіе люди учатся быть терпимыми и гуманными. Скорѣе, скорѣе туда, въ эту Прагу, о которой въ Россіи складывались цѣлыя легенды, исторгавшія слезы признательности и умиленія...

И вотъ, онъ въ Прагѣ. Смотритъ, слушаетъ. Съ нимъ вѣжливы, улыбаются, охотно говорятъ по-русски, особенно легіонеры. Разспрашиваютъ о Россіи, съ отрадой вспоминаютъ о ней. Въ общественной жизни ощущается не легендарная, но дѣйствительная свобода: надо только приспособиться къ нѣсколько жесткимъ формамъ пониманія ея. Изрѣдка кажется, впрочемъ, что отъ этого пониманія вѣетъ еще порядками старой Ав-

стріи, гдѣ вся система держалась на подозрительности и недовѣріи. Но чешская государственная мысль терпѣлива — она не выбрасываетъ за бортъ стараго, пока не созрѣло новое. Все это не бѣда — и досадныя формальности, обременительныя лишь для честныхъ людей, и ненужное количество опросовъ, доказывающихъ, что чиновничьи штаты еще слишкомъ богаты людьми. Все это молодо, зелено въ новомъ государствѣ, но во всемъ чувствовалась неустанная работа творческой мысли и непоказного, но истиннаго демократизма, отвѣчающаго кореннымъ свойствамъ славянской души.

Первыя недоразумѣнія начались при встрѣчахъ съ соотечественниками. Здѣсь Вьяльцеву дали сразу почувствовать, что онъ — не человѣкъ независимой мысли, не ученый, не писатель, даже не обыватель, желающій сохранить свѣжесть любопытствующаго индивидуализма, а простой бѣженецъ, котораго не знаетъ никто. Къ нему обращали вопросы.

— Ваша партійная принадлежность?

— Не принадлежу ни къ какой партіи.

— Простите, въ такомъ случаѣ необходимой вамъ справки выдать не можемъ.

Вьяльцевъ шелъ къ чехамъ, въ официальные учрежденія, и объяснялъ, что требуемой справки ему не выдали, такъ какъ здѣшнимъ русскимъ онъ былъ неизвѣстенъ. Его грубо выбрали на этотъ разъ, но затѣмъ, погонявши попусту изъ одной канцеляріи въ другую, выполняли формальности и безъ справокъ.

Заглядываль въ «культурно-просвѣтительныя» организаціи, удивлялся и радовался подчасъ серьезности работы, знакомился, бесѣдовалъ съ руководителями, замѣчалъ иногда, что во главѣ стояли люди недостаточно свѣдушіе. Пробоваль объяснять, готовъ былъ помочь, но люди, именно несвѣдушіе, отшатывались отъ него, какъ

отъ прокаженного, и холодно и вмѣстѣ строго спрашивали:

— Вы членъ академической организаціи?

— О, нѣтъ!

Тогда ему давали понять, чтобы онъ не въ свое дѣло не совался, что всюду, во всѣхъ организаціяхъ существуютъ «коллективы» — только имъ принадлежить право инициативы и рѣшеній. Вяльцевъ понялъ, что его пугались, какъ лишняго претендента — не изъ «своихъ», и пересталъ бесѣдовать съ руководителями «організацій». Недѣли черезъ двѣ, обѣдая въ русской столовой, онъ услышалъ замѣчаніе, относившееся явно къ нему:

— Кто его знаетъ! — ни правый, ни лѣвый, говорятъ — философъ... А по-моему, просто темный чловѣкъ.

Прошла еще недѣля, и «любопытные», обратившись къ сибирякамъ, выяснили, что Вяльцевъ когда-то готовился къ профессорскому званію, имѣетъ научные труды. Долженъ былъ начать чтеніе лекцій, но помѣшала война. Продалъ свою библіотеку университету, сидѣлъ въ тюрьмѣ, едва не былъ разстрѣлянъ. Пользуется поддержкой какого-то американскаго общества, куда началъ посылать свои работы еще изъ Россіи. Образа мыслей — незамѣтнаго...

Упоминаніе о тюрьмѣ успокоило, но не примирило скептиковъ. Говорили:

— Довольно намъ этихъ философовъ!

— Политически чуждый!

— Пускай идетъ къ правымъ!

Но Вяльцевъ и у правыхъ не имѣлъ успѣха. Тамъ тоже была своя дисциплина, свои организаціи и свои люди.

Вяльцевъ былъ слишкомъ гордъ и независимъ, что-

бы выслуживаться передъ ними и исповѣдываться въ казенномъ патріотизмѣ.

А «любопытные», установили, что Вяльцевъ заходитъ въ церковь и кладетъ на себя крестное знаменіе. Словомъ, общее мнѣніе было:

— Такой намъ не надобенъ!

Вяльцевъ и самъ не собирался оставаться слишкомъ долго въ Прагѣ, особенно, когда одинъ изъ добродушныхъ и глупыхъ завсегдатаевъ русской столовой неожиданно подошелъ къ нему и, фамиллярно похлопавъ по плечу, заявилъ:

— А я, батенька, о васъ вчера въ одномъ ученомъ кружкѣ кое-что слышалъ.

— Что же именно?

— А то, батенька, что вы одно изъ вашихъ философскихъ сочиненій у покойнаго профессора Грота стянули.

Вяльцевъ вспыхнулъ. Даже ложка выпала у него изъ рукъ.

— Я? У Грота? О томъ, о чемъ я писалъ, Гротъ не писалъ вовсе... Кромѣ того, я и Гротъ—мы разныхъ направленій...

Потомъ успокоился, овладѣлъ собою, даже улыбнулся:

— Это могъ сказать вамъ только невѣжда.

— Какъ понимать... математикъ.

— И клеветникъ! — при всей своей сдержанности воскликнулъ Вяльцевъ.

— То ли они еще сплести могутъ! — добавилъ, слегка конфузясь, завсегдатай и отошелъ.

И чѣмъ пристальнѣе вглядывался Вяльцевъ въ бѣженскую массу, тѣмъ большее уныніе испытывалъ. Главное: она не отдавала себѣ отчета, какими благами пользовалась сравнительно съ тѣми, кто остался въ Россіи.

«Тундра непролазная» — пришло ему на умъ сравненіе: тѣмъ цѣннѣе въ ней свѣтлые люди, тѣ, что работали въ ея средѣ. Работали, впрочемъ, все тѣ же старые, почтенные люди, чьи имена были извѣстны прежней Россіи. Вяльцевъ зналъ многихъ — кого по книгамъ, кого лично. Они старѣли, сѣдѣли, горбились, но бодро несли свой трудъ — культурную дань будущей невѣдомой родинѣ. Учили молодежь на лекціяхъ, вырабатывали методы изученія экономическихъ и социальныхъ явленій въ различныхъ «кабинетахъ», читали доклады, печатали книги и все они же, одни и тѣ же неутомимые, неугашающіе духа. Около нихъ группировалась молодежь, вдумчивая, горѣвшая жаждой знанія, неустанно и самоотверженно трудившаяся, но она насчитывалась единицами, много — десятками и тонула въ морѣ невѣжества и безразличія. Людямъ, не потерявшимъ чувства культурной и моральной отвѣтственности за Россію, приходилось постоянно страдать и подвергаться ежедневнымъ уколамъ и оскорбленіямъ. Разложенію массы содѣйствовали всякаго рода темные проходимцы, любители сыска и легкой наживы, международные аферисты, по недоразумѣнію носившіе русскія имена, коммунистическіе волки, агенты державъ, которымъ выгодно было, какъ и совѣтской власти, разлагать зарубежную Россію. Подозрительность и озлобленность прежде всего окрашивали настроеніе общей массы. Руководители организацій слишкомъ были заняты политикой, чтобы въ достаточной мѣрѣ противодействовать моральному разложенію. Для культурной работы посылались ими люди не яркіе, не всегда способные найти необходимую грань между политикой и культурой.

— Нѣтъ, — думалъ Вяльцевъ, — придется оставить надежды... Освобожденіе Россіи, если оно еще возможно, совершится силами самой Россіи. Бѣженцы ей не

помогутъ. Съ ними такъ же борются темныя силы, какъ и тамъ, на необъятныхъ поприщахъ новаго, неслыханнаго ига.

Въ общемъ бѣженская масса представлялась Вяльцеву чѣмъ-то въ родѣ гигантскаго оползня, спустившагося къ порогамъ быстрой рѣки. Каждого человѣка въ отдѣльности было безконечно жаль, но въ отвлеченіи, въ умственномъ созерцаніи, онъ часто ненавидѣлъ массу. И допускалъ обычную ошибку: принималъ часть за цѣлое, относилъ то, что характеризовало лишь небольшую кучку людей, за все бѣженство. Тогда атмосфера казалась ему, слишкомъ насыщенной ненавистью и злобой. И точно, отдѣльныя явленія были отвратительны, но ихъ слѣдовало выдѣлять изъ общаго впечатлѣнія. Это вначалѣ было трудно сдѣлать. То, съ чѣмъ ему приходилось подчасъ встрѣчаться въ пражской средѣ, болѣзненно напоминало недавнія картины совѣтской дѣйствительности. Въмѣсто дружелюбнаго общенія и взаимной поддержки, какая-то свальная грызня; вмѣсто новыхъ понятій о людяхъ и жизни, внушенныхъ тяжелымъ и часто мудрымъ опытомъ, — шакалій лай, зовущій на травлю. Главное, что его поражало, — это необыкновенная грубость, которая такъ же была далека отъ народной естественности, какъ и отъ демократіи — въ томъ видѣ, какъ она складывалась въ Европѣ передъ войной. Встрѣчалось хамство циничное, откровенное, выдвинутое низменными слоями духовнаго и социальнаго мѣщанства. Немало было бѣженцевъ, которые ничѣмъ не отличались ни по общему складу, ни по развитію, ни по инстинктамъ отъ тѣхъ въ босняческой беззаботности рожденныхъ гражданъ совѣтской Россіи, которые теперь выдвигались на первый планъ.

И тѣ и другіе могли съ одинаковымъ успѣхомъ выполнять главнѣйшую задачу большевицкой политики

— разбить старую культуру, ибо не они ее создавали. И та же скверная русская рѣчь, уснащенная пошлыми словечками мѣщанскаго жаргона, и то же подозрительное обнюхиваніе другъ друга, и та же способность расталкивать локтями и рвать все, до чего дотянется рука. И какъ среди мѣщанъ новѣйшей совѣтской культуры, такъ и здѣсь, всѣ люди дѣлились на «своихъ», все равно — сытыхъ или голодныхъ, но одинаково жадныхъ и готовыхъ на все, и на «чужихъ» — тѣхъ, что не хотѣли и не могли смѣшиваться съ ними, не имѣя прежде всего общаго языка. Эти, часто люди высоко-одаренные, истинные демократы, скромные, работающіе, мудрые, должны были выдерживать сильнѣйшія атаки со стороны тѣхъ, кому политическіе вожаки изъ своихъ расчетовъ навязывали роль представителей русскаго общества. Первые — въ неизвѣстности прозябали, вторые — шумѣли, выдвигались, приспособлялись и устраивались и, устраиваясь, вносили во всевозможныя, нужныя и ненужныя, организациі присущій имъ духъ моральнаго разложенія и вражды. Въ сущности, такъ поступали далеко не всѣ, часто весьма немногіе, бывшіе у всѣхъ на примѣтѣ; но ихъ поведеніе ложилось пятномъ на всю бѣженскую колонію. И еще глубже уходили въ себя серьезные, сосредоточенные люди. Еще незамѣтнѣе старались существовать тѣ, кого безтактность и грубость оскорбляли и мучили. Они страдали за грѣхи темнаго прошлаго, не жалуясь, съ сознаниемъ общей вины, къ которой и они причастны. Прежніе дворяне, аристократы и богатые купцы разлагались по-иному: они, въ большинствѣ случаевъ, не умѣли примѣняться къ новымъ условіямъ и изнывали отъ злобнаго бездѣлья и жажды мести. Къ кому? Ко всѣмъ, кто согналъ ихъ съ насиженныхъ мѣстъ, начиная съ Керенскаго...

Когда Вяльцевъ отдалъ себѣ отчетъ во всемъ

этомъ, его охватилъ ужасъ. Когда онъ думалъ, что въ этой массѣ заражались и морально гибли крестьяне, наполнявшіе ряды бѣлыхъ армій, казаки, юное офицерство, развращенное гражданской войной, еще способное къ труду и мысли, ему казалось, что и бѣженство — не стихійное явленіе, но часть того же адскаго плана, направленнаго на гибель человѣчества, какъ и большевизмъ, претворившій геніальнѣйшія идеи соціальнаго переустройства въ орудія неслыханнаго насилія и издѣвательства надъ разумомъ. «Что же дѣлать? Что дѣлать?» — въ холодномъ ужасѣ спрашивалъ онъ себя, бросаясь отъ одной книги къ другой, перебирая въ головѣ безчисленныя теоріи и системы. Истомившись, приходилъ къ одному и тому же выводу:

— Обрѣсти въ себѣ Бога — безъ этого нельзя стать Человѣкомъ.

Постигая Бога, нельзя держаться человѣческаго — ни государства, ни границъ, ни общественныхъ отношеній, основанныхъ на неравенствѣ. Надо отказаться отъ перегородокъ — національныхъ, вѣроисповѣдныхъ и иныхъ, опутывающихъ сердце и мысль. Правы тѣ, кто уходятъ изъ Россіи, стремясь къ высшимъ постиженіямъ культуры и знанія. Но пусть возвращаются всѣ, кто только на землѣ, на русской нивѣ, можетъ сознать себя въ родной стихіи. Думая такъ, онъ проникался величайшимъ презрѣніемъ къ проповѣди невозвращенія на родину людей темныхъ, пригодныхъ къ одному лишь физическому труду.

Въ сущности Вяльцеву представлялось безразличнымъ, куда долженъ былъ направляться русскій трудъ, лишь бы это былъ дѣйствительно трудъ, а не безцѣльное измелъчаніе въ предмѣстьяхъ Праги или въ холодныхъ и сырыхъ казармахъ, носившихъ имена общежитій. Онъ искренно радовался, когда Дрючинъ рассказы-

валъ ему, какъ дружно работаютъ казаки рядомъ съ чехами:

— Сначала, какъ рабы, а потомъ, глядь и осядутъ, не то домой уйдутъ, научившись...

Но возмущался, когда слышалъ о продѣлкахъ авантюристовъ, разѣзжавшихъ по провинціи въ качествѣ артистовъ и бродячихъ труппъ. Эти люди ничего общаго съ искусствомъ не имѣли и только развозили соблазнъ и обманъ. Ему не смѣшно, а досадно было, когда Обручевъ показалъ ему однажды афишу русской театральной труппы, гдѣ нѣкій Кузьма Максимовъ именовалъ себя «примадономъ всероссійской сцены», когда другой «артистъ» желалъ удивить зрителей новѣйшими танцами подъ гармонику и разными модными «фортелями» въ казацко-европейскомъ вкусѣ. А Званковъ, съ которымъ часто бесѣдовалъ Вяльцевъ, утѣшалъ:

— Ничего, Дмитрій Павловичъ, не тревожьтесь: людямъ, по совѣсти говоря, не сразу подыхать хочется. Попробуйте на таракана въ мискѣ легонько воду лить, онъ, прежде чѣмъ потонуть, будетъ ежиться, топорщиться, хорохориться, словомъ — всѣ свои штуки показывать... а потомъ возьметъ и помретъ.

Вяльцевъ улыбался и думалъ о книгѣ, которую онъ долженъ написать въ назиданіе людямъ.

VI

Четкая въ линіяхъ, причудливая въ контурахъ, сѣрая въ краскахъ, Прага не сразу открывала тайны своего обаянія чужеземцамъ. Къ ней надо было приглядѣться, въ нее надо было вдуматься, надо было вчитать-ся въ ея исторію, и только тогда своеобразная красота этого особеннаго города проникала въ сердце и говори-

ла съ нимъ языкомъ спокойнаго очарованія и застѣнчивой старины. Такъ было и съ Вяльцевымъ. Нѣсколько дней провелъ онъ, бродя по самымъ глухимъ и пустыннымъ мѣстамъ, забираясь на вершины Петршина и опускаясь боковыми дорожками и крутыми, кривыми переулками, пока не понялъ, что Прага не обычный красивый европейскій городъ, но городъ именно славянскій, городъ древней, трудовой и мирной культуры. Познакомившись нѣсколько съ исторіей Праги, онъ живо представлялъ себѣ, какъ, обвѣянная преданіями о многотрудной борьбѣ, она вырабатывала свои мягкія линіи и колоритъ. Твердость и мощь каменныхъ стѣнъ и старинныхъ дворцовъ сочетались въ ней со спокойной легкостью очертаній зеленѣющихъ горъ и холмовъ и женственно-прекрасной, кроткой, устало раскинувшейся въ каменныхъ берегахъ рѣки. Все показалось Вяльцеву крѣпкимъ, упругимъ и твердымъ въ торговой части города. Солидно пыхтѣли грузовики, чудовищныхъ размѣровъ лошади развозили, оглушая громомъ такихъ же чудовищныхъ телѣгъ, всякое добро. Нигдѣ не замѣтно было суеты и толчеи. Зря не бранились, не кричали. Трамваи и тѣ не спѣшили развозить пассажировъ и не звонили безъ толку, какъ у какихъ-нибудь итальянцевъ, любителей всякаго рода звуковъ. Люди шли солидно и степенно, и въ нихъ чувствовалась та же надежность, какъ и въ домахъ, толстостѣнныхъ и глухихъ къ наружному шуму. И когда утомленный глазъ искалъ отдыха отъ холодной суровости тяжелаго сѣраго камня, онъ съ отрадой встрѣчалъ стройныя, уходившія въ небо, верхушки церквей — увлекавшихъ мечту изъ яркой зелени холмовъ и уносившихъ ее въ небесную лазурь. Сѣдая старина особенно внятно говорила душѣ Вяльцева по вечерамъ, когда звѣзды робко проступали надъ волшебными стройными иглообразными верхуш-

ками собора св. Вита. Поднимаясь крутой, каменистой улочкой мимо высокихъ стѣнъ, перевитыхъ плющемъ до самой земли, онъ настраивалъ свою душу на тотъ полусонъ-полуявь, когда легенды возвращаютъ свои видѣнія землѣ, и прошлое оживаетъ въ образахъ и звукахъ. Въ легендахъ поражала Вяльцева та же смѣсь суроваго, даже прозаическаго реализма съ застѣнчивой ласковостью сказочной поэзіи, ронявшей въ славянскую душу сѣмена любви и мира. Онъ представлялъ себѣ и легендарную Либушу, избравшую королемъ и мужемъ скромнаго пахаря; вспоминалъ и мудраго Вацлава, вопрошавшаго звѣздочетовъ о судьбѣ Праги, и тысячи тысячъ угасшихъ невѣдомо жизней, изъ которыхъ каждая несла свои мысли и чувства будущей силѣ и славѣ народа. Въ темнотѣ парка онъ вслушивался въ шумы и шорохи ночного безлюдія. Испытывалъ сладкую жуть мысли, что древности нѣтъ, что нѣтъ ни прошлаго, ни настоящаго, есть только жизнь, мигающая людямъ, какъ эти звѣзды, зрачками своихъ тысячелѣтій.

Приходили на память стихи Хомякова:

И Прагу я видѣлъ, и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петршинѣ храмъ,
Молитва славянская громко звучала
Въ напѣвахъ, знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ...

Однажды онъ гулялъ со Званковымъ и читалъ и рассказывалъ ему легенды объ основаніи города. Слушалъ Званковъ и дивился, какъ просто и случайно, если вѣрить легендѣ, назвала Либуша новый городъ Прагой, т. е. «порогомъ».

— Хорошее имя — сказалъ Званковъ: — вотъ и мы, по совѣсти говоря, объ этотъ порогъ зацѣпились. Умная была королева, должно быть, предвидѣла...

Прочиталь ему Вяльцевъ и о томъ безумцѣ архитекторѣ, который укрѣпилъ на слабыхъ подпорахъ тяжелый куполъ церкви на Карловѣ съ помощью нечистаго духа. Затѣйливо повелъ свою работу строитель и, когда строилъ, взяло его сомнѣніе, выдержать ли куполъ, не упадетъ ли. И запродалъ онъ дьяволу душу, и укрѣпилъ дьяволъ куполъ на церкви наперекоръ всѣмъ расчетамъ, а когда кончена была работа, налетѣла туча съ грозой и вихремъ, разметала лѣса вокругъ церкви, куполъ не шелохнулся. Вспомнили о строителѣ, стали искать его, но бѣдныя и слѣды простыли: утащилъ его нечистый въ свои преисподнія бездны. Слушалъ Званковъ и не вѣрилъ:

— Не можетъ того быть, чтобы куполъ донынѣ стоялъ, если что нечистое тутъ замѣшалось.

И рассказалъ такую же легенду о строеніи одной изъ приволжскихъ церквей. Тамъ подрядчикъ душу по контракту продалъ, и чортъ честь - честью все выполнилъ по условію. Дивной красоты вышелъ храмъ, а какъ стали святить его, какъ только упали первыя капли освященной воды на стѣны, такъ и разсыпался весь, какъ порошокъ. Живы остались всѣ бывшіе въ церкви, только подрядчика синимъ огнемъ спалило.

Очень понравилась Званкову легенда о Фаустовомъ домѣ. Долго простояли они однажды передъ этимъ, мирнымъ и жилымъ нынѣ, стариннымъ домомъ, переживая воображеніемъ рассказъ объ его судьбѣ. Въ стародавнія времена о немъ шла дурная слава. Отсюда Мефистофель въ положенный срокъ утащилъ Фауста, пробивъ огромную дыру въ потолокъ и крышѣ. Такая же судьба, рассказывали, постигла и бѣднаго студента, который поселился въ немъ, бралъ отъ нечистаго сначала по талеру, а потомъ потребовалъ цѣною своей души большія

деньги на прогульную жизнь. Пришелъ день, и онъ въ то же отверстіе вылетѣлъ вслѣдъ за чортомъ.

Съ жаднымъ любопытствомъ слушалъ Званковъ разсказъ о студентѣ и смѣялся, скаля зубы:

— Вотъ бы и мнѣ... того... по совѣсти говоря, по талеру въ день раздобывать!

— И вы бы чорту душу продали? — улыбался Вяльцевъ.

Званковъ лукаво подмигивалъ:

— Ну, зачѣмъ продавать... вѣдь и поторговаться можно! Я бы, Дмитрій Павловичъ, больше одного талера не бралъ бы, ей-ей не бралъ бы... Былъ бы сытъ, и конецъ...

— Увлечлись бы! — шутил Вяльцевъ.

— Вотъ какъ передъ Истиннымъ говорю — не бралъ бы!

И крестился... впрочемъ нѣсколько неувѣренно.

Вечерняя Прага во множествѣ огней стлалась передъ ними. Медленно всплывала луна. Темный воздухъ былъ прозраченъ, и подъ луннымъ свѣтомъ огни, сіявшіе изъ домовъ, глядѣли безчисленными золотыми точками.

— Такъ глядятся души, озаряющія взоры людей, — говорилъ Вяльцевъ.

Притихъ и Званковъ, плѣненный очарованіемъ вечерней панорамы.

— Да, по совѣсти говоря, картина! За энтузіазмомъ въ карманъ не полѣзеть! А со мной, Дмитрій Павловичъ, разъ такая «абберрація» вышла: сидимъ мы на горѣ въ Нижнемъ, а вдали Кунавино виднѣется... Ярмарка тамъ, знаете... вино льется, пѣсни, женщины... А мы съ пріятелемъ сидимъ въ темнотѣ и въ тишинѣ да говоримъ про себя. Евлампій Егоровичъ, страховою инспекторъ, душевно такъ шепчетъ мнѣ на ухо: — Что, братъ, у тебя на душѣ кошки не скре-

буть? — Нѣтъ, отвѣчаю — а у тебя, Евлампій Егоровичъ? — У меня, — говорить, — душа, какъ портянка, на-двое рвется: въ Кунавинѣ грязно, а здѣсь божественно: и того и другого хочется, а соединить никакъ невозможно... — Такъ ты, — говорю я Евлампію Егоровичу, страховому инспектору, — сначала по грязи пройдишь, а потомъ въ божественное вступи — угодникомъ и обернешься. Не всѣ вѣдь и угодники въ міру святыми были... Послушалъ онъ меня и говорить: — Пойдемъ, Флегонтъ, выпьемъ!.. — Эхъ, время какое было!

Вяльцевъ молча смотрѣлъ на темныя массы домовъ, оживленныхъ огнями, потомъ медленно поднималъ глаза къ небу. Луна словно умывала ликъ свой въ прозрачной молочной пѣнѣ.

— А здѣсь, Дмитрій Павловичъ, такъ хорошо, что и къ грязи не тянетъ, и, думается мнѣ, что ежели бы и выпили мы здѣсь съ вами, то не только отъ божественности не отошли бы, а напротивъ, стали бы къ ней ближе. Потому концепція такая душу томить, скорбь великая о томъ, — онъ вздрогнулъ, — что у насъ такое тамъ, въ Россіи матушкѣ, дѣлается. И скорби этой не изжить, если не выпить.

— Выпивкой душу не спасете, — задумчиво говорилъ Вяльцевъ, — только замутите ее.

— А что же дѣлать? Если душа не выноситъ тоски по родинѣ?

— Страдая, ищите въ себѣ Человѣка. Думайте о томъ, какой огонь въ себѣ понесете вы на родину, что ей дадите, вернувшись? Вотъ поэтому-то я такъ ненавижу общій духъ эмиграціи! Въ ней, вмѣсто духовнаго горѣнія — одна муть, вмѣсто исканія въ себѣ высшихъ свойствъ божественной человѣчности — купаніе въ грязи животныхъ инстинктовъ и низменныхъ побужде-

ній. Къ страданію я присмотрѣлся, и самъ немало пострадалъ, повѣрьте. Но тамъ, въ Россіи, страдая, спасали душу, подвигъ духовный совершали... и въ этомъ подвигѣ испытывали великое счастье христіанскаго единенія въ любви и вѣрѣ.... А здѣсь?

— Ждемъ, все ждемъ, Дмитрій Павловичъ, какъ на бивуакѣ живемъ. Каждый день просыпаемся съ мыслью, авось-либо, по совѣсти говоря, прилетитъ ласточка изъ Россіи. Что же зря-то маяться, еще душу терзать, искать въ ней «человѣка», какъ вы изволите выражаться.

Вяльцевъ махнулъ рукой:

— Не понять намъ съ вами другъ друга, Флегонтъ Ивановичъ, а я вамъ одно скажу: если вы здѣсь, хотя бы на бивуакѣ, Человѣка въ себѣ не обрѣтете, то и въ Россію съ пустыми руками вернетесь. — Вы подумайте-ка лучше вотъ о чемъ: а если вашъ бивуакъ превратится въ постоянное для васъ жительство, вы такъ и будете жить однимъ ожиданіемъ безъ пользы для себя и другихъ?

— Не дай Богъ! — воскликнулъ Званковъ и перекрестился. — Лучше умереть!..

— Зачѣмъ умирать, когда вы полны силъ? Я вамъ добрый совѣтъ дамъ, Флегонтъ Ивановичъ... вы работаете гдѣ-нибудь?

— Временно пристроился въ переплетной... Золотое тисненіе по кожѣ исполняю... Самъ выучился... Только работы мало, по совѣсти говоря.

— Значить, досугу у васъ много, — продолжалъ Вяльцевъ. — Постарайтесь занять вашу голову такими размышленіями, которыя примиряли бы васъ съ жизнью, гдѣ бы и какъ бы вы ни жили. Поработали, и за книгу — хорошую книгу, настоящую, исполненную любовью къ Богу и человѣчеству, а не тѣ дрянныя книжонки, ко-

торыя вы при мнѣ изъ бібліотеки брали. Если захотите, я списочекъ вамъ приготовлю.

Званковъ снова вздохнулъ, снялъ шапку, посмотрѣлъ въ темное небо — луна ушла въ эту минуту за облако — и сказалъ:

— Спасибо, Дмитрій Павловичъ, совѣтъ вашъ приму... А только не знаю, приметъ ли душа ваши книги. Души-то у насъ неотмытыя: романы о послѣдней войнѣ проходятъ по нимъ, какъ грубые пальцы по струпьямъ незалѣчившейся раны, а Божьи слова отскакиваютъ, какъ горохъ отъ стѣны. Я вамъ, Дмитрій Павловичъ, одну вещь скажу изъ моихъ, по совѣсти говоря, наблюдений надъ нашей интеллигенціей. Вы въ церкви бываете?

— Бываю.

— И здѣсь, въ Прагѣ?

— Да, и здѣсь. Отчего же мнѣ не бывать въ церкви? — удивился Вяльцевъ.

Званковъ лукаво усмѣхнулся.

— Могли бы усмотрѣть спекулятивность одного обстоятельства, по совѣсти говоря. Въ церковь-то многіе изъ интеллигенціи весьма нерѣдко заглядываютъ... изъ интеллигенціи настоящей, демократической... Только приходятъ въ нее незамѣтно... И становятся больше въ темныхъ уголкахъ, такъ, чтобы ихъ наличность по возможности не была обнаружена. Конечно, Дмитрій Павловичъ, чужая душа потемки, а только и о себѣ могу сказать: я, хотя и по всѣмъ швамъ демократъ, однако, по совѣсти говоря, отъ православнаго Бога не отрещивался и въ церковь захожу. Ну, извѣстно — отрада, и поютъ тоже, и служба... Внимаю, настаиваю себя на благоговѣніе, слова Евангелія приѣмлю, а того трепета, той свѣтлой чистоты, той, по совѣсти говоря, свѣтозарности христіанской, какъ говорилъ

нашъ законоучитель когда-то, душа не получаетъ. Видно, оскудѣла вѣра.

— Не вѣра, воля ослабѣла, — строго возразилъ Вяльцевъ. — Воля къ тому, чтобы въ себѣ самомъ пробить ледяную кору равнодушія и разбудить силы. Безъ работы надъ собой этой коры не пробьешь.

Они свернули вправо и пошли по откосу, спускаясь живописной дорожкой къ мосту Святополка Чеха. Вяльцевъ вспомнилъ, что онъ недавно читалъ объ этомъ мостѣ и хотѣлъ рассказать, но въ эту минуту изъ чащи раздался звонкій поцѣлуй, за нимъ — легкій смѣхъ и влюбленное журчаніе двухъ голосовъ.

— Эхъ, — засмѣялся Званковъ, — любятъ, по совѣсти говоря. Каждому своя весна...

Вздохнулъ и добавилъ, почти простоналъ съ дрожью и слезами въ голосъ:

— Въ Россію бы... Эхъ, въ Россію бы... А нѣтъ Россіи, и ничего нѣтъ... И Бога для насъ нѣтъ. Нашъ Богъ въ Россіи остался...

Вяльцевъ не отвѣтилъ — словъ не нашлось — изъ жалости.

Они вышли на открытое мѣсто, и когда луна глянула въ лицо Званкову, Вяльцевъ увидѣлъ на немъ блестящія луннымъ блескомъ слезы.

Онъ крѣпко сжалъ его руку.

— Ничего, ничего, — сказалъ онъ ему тихо, — почти шопотомъ: пусть душа пламенѣетъ. Ищите только не одну Россію, а цѣлый міръ, какъ Богъ заповѣдалъ человѣку. Тогда легче будетъ.

Званковъ ничего не сказалъ и только поглядѣлъ внизъ, передъ собой. Рѣка, огни, падающая смѣна темной зелени — все показалось ему въ эту минуту еще прекраснѣе, чѣмъ прежде, и безъ всякой связи съ ходомъ его мыслей вспомнились ему слова одного изъ лек-

торовъ о Россіи и славянахъ. Онъ перестроилъ эти слова въ видѣ вопроса самому себѣ:

— Что-жъ. Можетъ быть, и впрямь— если не славянство въ Россіи, то Россія въ славянствѣ?

Отвѣта не искалъ. Да и не нашель бы отвѣта.

VII

Обручевъ сидѣлъ на продранномъ стулѣ у маленькаго столика и перебиралъ свои записи. Столикъ былъ заваленъ книгами и тетрадями, свободнаго мѣста было мало, и бумажки его, то и дѣло, разлетались по полу. Онъ терпѣливо подбиралъ ихъ, вспоминая тотъ прекрасный, широкій и длинный столъ, за которымъ занимался въ одной изъ государственныхъ библіотекъ Петербурга, гдѣ служилъ. «Эхъ, тамъ весь алфавитъ укладывалъ, а здѣсь и до буквы «К» не помѣщается», — думалъ онъ съ досадой. Онъ неистово курилъ, и когда сбрасывалъ пепель на полъ, косился, по какой-то странной связи представленій, на фабричную трубу, дымившую передъ окномъ.

Записывать все, что онъ слышалъ, стало для него необходимостью. Онъ считалъ это своей обязанностью, возложенной на него требованіями прежней службы. Набирался большой и, подчасъ, любопытный матеріаль замѣтокъ, фактовъ, слуховъ, всякаго рода письменныхъ матеріаловъ, которые впослѣдствіи, по его мысли, должны были поступить въ то учрежденіе, гдѣ онъ служилъ прежде, куда онъ долженъ будетъ вернуться. «Эти годы мнѣ и зачтутъ на пенсію», — думалъ онъ, ни на минуту не разставаясь съ мыслью о службѣ и считая себя какъ бы въ отпуску безъ содержанія. Никогда не записывалъ онъ собственныхъ мыслей, не дѣлалъ никакихъ допол-

неній и примѣчаній — онъ считалъ нужнымъ только заносить «факты». Другимъ дѣломъ, которому онъ посвящалъ свои досуги, было, какъ мы знаемъ, составленіе словаря паразитныхъ словъ. И на этотъ словарь онъ втайнѣ возлагалъ большія надежды: чего добраго — въ академію выберутъ, туда, вѣдь, прежде за трудолюбіе больше, чѣмъ за дарованія, брали. Трудолюбіе, усидчивость, благонамѣренность и связи, въ особенности связи... И многія изъ этихъ достоинствъ были у него налицо, если не говорить еще о такихъ особенностяхъ, какъ тайное влеченіе къ женщинамъ и, временами, запой. Его литературная дѣятельность выражалась въ нѣсколькихъ десяткахъ рецензій, которыя онъ наловчился стряпать изъ предисловій къ разбираемымъ книгамъ. Сдѣлавъ нѣсколько выписокъ, онъ неизмѣнно упоминалъ о томъ, что кое-съ-чѣмъ онъ несогласенъ, и что въ книгѣ вообще есть кое-какіе недостатки, но онъ о нихъ говорить въ «настоящей статьѣ», за неимѣніемъ мѣста, не будетъ, но выражаетъ надежду, что «почтенный авторъ» самъ исправитъ ихъ въ новомъ изданіи своего труда. Когда его спрашивали о томъ, чѣмъ онъ занятъ, онъ скромно отвѣчалъ:

— Пописываю.

У него всегда водились новыя книги, посылавшіяся «для отзыва», часто съ лестными посвященіями, восхвалявшими тонкость его критической мысли. Онъ обыкновенно ихъ не читалъ, но когда спрашивали о чтеніи, онъ отвѣчалъ такъ же скромно:

— Почитываю.

Въ обществѣ онъ больше «помалкивалъ» съ хитрымъ, что-то скрывающимъ видомъ. Къ русскимъ относился сдержанно, но среди чеховъ заводилъ связи и вообще вель какую-то свою «линію». И теперь онъ поджидалъ чешскую даму. Она долгое время жила въ Россіи

и — не-то перенесла на Обручева свою любовь къ ней, не-то заинтересовалась русскимъ «писателемъ». Снявъ пенснэ и щуря свои узенькіе, подслѣповатые глазки, онъ подбиралъ отъ нечего дѣлать записи послѣдней недѣли.

Вчера вечеромъ онъ былъ на лекціи русскаго профессора. Одна фраза показалась ему достойной отмѣтки, и онъ записалъ ее:

— Я не видалъ ни одного народа въ Европѣ, который не думалъ бы, что онъ первый народъ въ мірѣ.

Онъ задумался, куда отнести эту записку, досталъ связку карточекъ на букву «П», отыскалъ отдѣлъ «парадоксы» и положилъ туда.

Потомъ разсѣянно сталъ просматривать карточки этого отдѣла. Выдергивалъ случайно, словно карты изъ колоды и читалъ, думая о другомъ. На одной было написано:

— Азбелевъ сказалъ: въ школахъ учать вздору. Нужно бы учить съ малыхъ лѣтъ любить Францію и ненавидѣть Англію. Первая создавала великія идеи, вторая ничего не создавала кромѣ системы пить, ѣсть и одѣваться на чужой счетъ.

Прочелъ и рѣшилъ: «не совсѣмъ справедливо — по сравненію съ какими-нибудь япошками или неграми, и англичане чего-нибудь стоятъ». Однако, вспомнимъ рассказъ одной русской дамы о томъ, какъ въ ея присутствіи на Лемнось англійскій капитанъ ударилъ по лицу безрукаго русскаго офицера, и передумалъ: «пожалуй, Азбелевъ правъ».

Въ это время кто-то постучалъ въ дверь. Вошелъ Званковъ. Обручевъ нахмурился, но затѣмъ успокоился, когда гость заявилъ, что онъ — только на минутку, взять книгу, почитать пришла охота. Обручевъ сталъ

при немъ читать свои записи. Повторилъ слова Азбелева объ Англіи. Званковъ, отозвался кратко:

— Мы ей всыпемъ! Придетъ и ея часъ.

Обручевъ досталъ еще записъ и сталъ соображать, съ чьихъ словъ она была сдѣлана. Прочелъ ее громко:

— Несчастіе Россіи заключается въ ея необъятности. А что лучше: быть великодержавнымъ и голоднымъ россіяниномъ или сытымъ голландцемъ?

Званковъ убѣжденно отвѣтилъ:

— Голландцы что за люди! Они ни голода, ни сытости настоящей не знаютъ... Какъ нѣмцы, все равно: и не ѣстъ, а дышетъ. Развѣ можно его съ нашимъ брагомъ сравнивать?

Обручевъ снисходительно улыбнулся, взялъ новый листокъ и прочиталъ:

— Большевикамъ, королямъ и капиталистамъ, работающимъ на войну, не нравится идея превращенія Европы въ Соединенные штаты.

Званковъ взялъ листокъ изъ рукъ, перечелъ, подумалъ и положилъ со вздохомъ.

— Намъ это не подходитъ. Пускай Европа свои штаты заводитъ, а намъ бы — онъ оглядѣлся и понизилъ голосъ — законнаго бы монарха дождаться.

Вздохнулъ и Обручевъ:

— Да, ужъ.... пора бы...

Званковъ лукаво прищурилъ лѣвый глазъ и, оскаливъ зубы хитрой улыбкой, спросилъ:

— А что, если бы насъ подслушали въ столовой? Демократія, по совѣсти говоря, что бы сказала?

Обручевъ досадливо махнулъ рукой:

— Да ну ихъ! Надоѣли...

И задумчиво читалъ дальше:

--- Чехословакія единственная страна въ мірѣ, гдѣ осуществляется на практикѣ величайшая философская

задача среди расходившагося европейскаго звѣринца создать оазисъ истинной свободы и человѣчности.

Прочиталъ и спросилъ:

— Что вы объ этомъ думаете, Флегонтъ Ивановичъ?

Званковъ посмотрѣлъ на Обручева и неопредѣленно мотнулъ головой:

— Такъ-то оно такъ, Никодимъ Петровичъ, а только... зачѣмъ въ такой, по совѣсти говоря, демократической странѣ такія тяжелыя правила для русскихъ бѣженцевъ заводить? И формальности и ругаютъ тебя, и то не такъ, и это не годится... Извѣстно, въ Польшѣ или тамъ Югославіи еще того хуже, что и говорить, а можно бы съ русскимъ бѣженцемъ, который попроще, иное обращенье имѣть! Вѣдь чехи къ намъ придутъ, мы передъ ними всѣ ворота настежь откроемъ! Пожалуйте-съ, за вашу хлѣбъ-соль — вдесятеро-съ! Въ Россіи лучше... Скорѣе бы туда, скорѣе...

Онъ вздохнулъ, помолчалъ, отеръ лобъ цвѣтнымъ платкомъ съ изображеніемъ Вышеграда, крикнулъ и заявилъ рѣшительно:

— Я, Никодимъ Петровичъ, долженъ вамъ большую новость о себѣ рассказать, такую информацію, что вы, по совѣсти говоря, не повѣрите.

Обручевъ отложилъ карточки въ сторону и съ изумленіемъ уставился на Званкова.

— Я, Никодимъ Петровичъ, какъ вамъ извѣстно, послѣ бѣгства супруги моей съ нашимъ же кооператоромъ изъ Владивостока, русскихъ женщинъ не признаю. Русская интеллигентная женщина, больше барыня: ей бы на піанино бренчать, да флиртацію разводить. А я въ одиночествѣ не могу, ужъ вы извините. Я человѣкъ семейственный и аккуратный. У меня чтобы такъ: жена по хозяйству, а я по части просвѣщенія и разныхъ

тамъ культурныхъ индულгенцій — курсы, театръ и прочее... Вотъ я и надумалъ... ужъ и не знаю, какъ вамъ сказать... онъ остановился весь красный отъ волненія, но губы широко улыбались, и глаза смотрѣли весело.

— Такъ что же вы надумали Флегонтъ Ивановичъ?

— Да что ужъ грѣха таить: я, по совѣсти говоря, на чешкѣ почти что женился. Хозяйка моя, прекрасная, увлекательная женщина, одинъ шармёръ, да и только! И знаете ли, чѣмъ я ее взялъ? Разсказывалъ про Россію — и то у насъ хорошо, и другое, и рыбы много, и огороды, и живность всякая... не повѣрите, какъ я ее разогрѣлъ! Спать и видить, какъ бы въ Россію ѣхать.

Обручевъ съ чувствомъ пожалъ ему руку:

— Ну, а если въ Россію не пустятъ? — неувѣренно, самъ боясь своего вопроса, спросилъ Обручевъ.

Званковъ замахалъ руками:

— Пустятъ, Никодимъ Петровичъ, пустятъ! Развѣ можно не пустить самыхъ лучшихъ людей? Вотъ и Викентій Антоновичъ Кубицкій въ послѣднемъ докладѣ то же говорилъ...

Въ это время раздался рѣзкій звонокъ, и Обручевъ засуетился:

— Простите, Флегонтъ Ивановичъ, сейчасъ мнѣ некогда. Я жду Ружену Францевну.

— Понимаю, понимаю...

Званковъ ушелъ. Тревога оказалась ложная. Это почтальонъ принесъ заказное письмо.

VIII

Укладывая карточки на мѣсто, Обручевъ выронилъ одну изъ отдѣла «наши дѣти» и прочелъ забавное опредѣленіе любви, сдѣланное какой-то дѣвочкой:

— Любовь — это когда стыдно.

Прочёлъ и мечтательно уставился въ уголъ.

Глаза стали веселенькими, на губахъ появилась игривая улыбка. Въ этомъ направленіи мыслей онъ началъ теревить бородку и кусать кончикъ уса. Образъ Ружены Францевны, кругленькой, пухленькой, со смѣющимися глазами, выплылъ передъ нимъ. «Что-жъ она не приходитъ?» — подумалъ онъ и посмотрѣлъ въ окно: сыпалъ мелкій дождь, по зеленѣвшей горѣ напротивъ стлался дымчатый туманъ. Кое-гдѣ свѣтились сквозь туманъ огни, хотя еще было рано. Онъ приготовилъ чайную посуду и снова усѣлся курить и мечтать.

— Ружена Францевна — кого она напоминаетъ въ моемъ подборѣ портретовъ? — подумалъ онъ.

Ожиданіе не тяготило, напротивъ, оно волновало его сердце, и казалось иногда, что безъ этого сладкаго, волнующаго ожиданія и само посѣщеніе не дало бы столько радости.

Досталъ изъ ящика стола нѣсколько фотографій. «Анну Ивановну?» — Нѣтъ, у Анны Ивановны носъ другой, и вся повадка не та, поведеніе какое-то воробьиное. Елену Капитоновну? Пожалуй, хотя у Елены Капитоновны губы другія, не столь основательныя, и подбородокъ обрывался круто. Но ямочки тѣ же и около глазъ — хитреца. Впрочемъ, всѣ женщины на этотъ счетъ одинаковы... не лицомъ, но любовнымъ поведеніемъ, ухватками и тѣмъ, что поэты называютъ «нѣгой томленія». Ружена—вылитая Клавдія Петровна. Она, всѣмъ она! Вотъ только бы родинку на плечѣ слѣва направо переставить...

Новый звонокъ прервалъ его пріятныя размышленія. Онъ вздрогнулъ, и вся коллекція женскихъ портретовъ разсыпалась по полу. «Э, чортъ!» — крикнулъ онъ и бросился поднимать ихъ подъ столомъ и шка-

помъ. Изъ передней донесся быстрый стукъ двери, и черезъ минуту молодая красивая женщина появилась на порогъ.

— О, какъ я промокла! — закричала она, сбрасывая мантию и шляпу. — Гдѣ ты? Подъ столомъ? Что ты дѣлаешь тамъ?

— Я... я уронила, — крихтя отозвался Обручевъ, — пачку портретовъ...

— Какихъ портретовъ?

— Портретовъ... я сейчасъ... портретовъ писательницъ... иллюстрацій къ литературѣ...

— Дай я тебѣ помогу.

Она нагнулась и подобрала нѣсколько карточекъ.

— Это что? Все женщины? Фи, гадость! Подбирай самъ...

И съ отвращеніемъ швырнула ихъ снова на полъ.

— Вотъ ты чѣмъ занимаешься безъ меня! А я-то спѣшила подъ дождемъ черезъ весь городъ!.. Хорошъ!

— Нѣтъ, я ждалъ, честное слово, ждалъ, — крихтя, весь красный, поднимаясь съ пола, оправдывался Обручевъ.

— Всѣ вы таковы! Чего ты ждалъ? Ну, говори!

Смущенный, отряхая пыль, онъ не зналъ, куда смотрѣть.

— Я ждалъ тебя... ну, и соскучился... и рѣшилъ разложить портреты по мѣстамъ, понимаешь ли? По номерамъ...

Ружена Францевна нервно сдернула мокрая перчатки и швырнула ихъ на столъ:

— Вотъ какъ. По номерамъ! А я у тебя подъ какимъ номеромъ значусь? Покажи!

Она вырвала у него изъ рукъ пачку.

Красивое лицо ея стало злымъ, губы искривились

гримасой отвращенія и гнѣва. Голубые глаза потемнѣли.

— Онѣ у тебя по номерамъ? Я тоже у тебя только «номеръ»?.. Да говори же! а подѣ какимъ же номеромъ вотъ эта дрянъ?

Она щелкнула пальцемъ по улыбающемуся лицу какой-то дамы.

— Она тоже писательница?

— Писательница, ей-Богу, писательница...

— Писала тебѣ нѣжныя письма? Но я и номеровъ не вижу...

— Номера? Номера я хотѣлъ проставить, да не успѣлъ.

— А эта очаровательная красавица съ совинымъ носомъ? Она, непременно, писательница, — вотъ она и написала тебѣ... погоди, трудно прочесть... «моему дорогому Пусенькѣ... гм... это ты-то «пусенька?» — на «незабвенную память»... Очень хорошо!

— Ружена!

— «Пусенька!»

— Ружена, слушай! Вѣдь я собиралъ эти фотографіи отъ разныхъ лицъ, и я не знаю даже, какая писательница кому какія надписи дѣлала.

— Не знаешь! Ха-ха-ха... Ну, а эта криворожая кому написала? Погоди, не мѣшай! «Милому Никошѣ, единому, любимому». Кто же этотъ «Никоша» — не ты?

— Я-то здѣсь, дѣйствительно, я, но видишь ли, въ литературномъ мірѣ пишутъ часто нѣжныя слова только для стилия...

— А-а, для стилия? Только для стилия? Для стилия васъ и любили, вѣроятно, Никодимъ Петровичъ? И вы никогда не цѣловали этихъ толстыхъ негритянскихъ губъ. Можетъ быть, и вы мнѣ говорите о вашей люб-

ви только для стилия? Ну, такъ я вамъ скажу, что я не подхожу къ этимъ вашимъ «стилямъ», и вы можете наслаждаться ими, сколько угодно, безъ меня.

Она потянулась къ манто.

— Ружена!

— Жаль только, что я такъ и не узнала, подъ какимъ номеромъ вы меня сравниваете съ этими дамочками въ вашемъ каталогѣ. Пустите!

Обручевъ нашелся.

Онъ вырвалъ у нея манто, швырнулъ на диванъ, обхватилъ ее шею руками и началъ покрывать поцѣлуньями.

— Номеръ... номеръ.... — шепталъ онъ, не давая ей открыть рта, — номеръ первый, моя несравненная, моя единственная!

— Мм... мм... — отбивалась Ружена, — пусти меня... ты дрянъ!

— Я дрянъ, я ужасная дрянъ, а ты радость жизни моей, рай моего сердца! Какъ ты не понимаешь меня! Какъ ты не цѣнишь себя! Какъ ты можешь думать, что я поставлю тебя рядомъ со всѣми этими дамами, которыя не трогали моего сердца! Только страсть коллекционера... любителя — поправился онъ — могла заставить меня хранить у себя эти бездушныя изображенія съ ихъ безжизненной красотой, которая и въ дѣйствительности не стоитъ одной твоей улыбки...

— Довольно, довольно! — отбивалась Ружена Францевна. — Отстанъ, противный, отвратительный, лгунъ, лгунъ, — а сама отходила отъ гнѣва, оттаивала. Наконецъ оттаяла совсѣмъ. Вырвалась изъ его объятій, сѣла на диванъ, долго молчала, прикладывая платокъ къ глазамъ, потомъ посмотрѣлась въ зеркальце, поправила, подмазала губки и сказала со вздохомъ:

— Ты, дѣйствительно, дрянъ. И я тебя не люблю.

Миръ былъ возстановленъ, какъ только Обручевъ вернулся отъ хозяйки съ кипяткомъ для чая.

Ружена Францевна была вдова русскаго врача, родилась и училась въ Россіи. Послѣ революціи она вернулась въ Чехію, гдѣ отецъ ея сталъ виднымъ депутатомъ парламента. Она быстро вошла въ чешскую жизнь и горячо привязалась къ своей новой родинѣ. Обручевъ покорилъ ея сердце вкрадчивой лаской и кротостью. Она любила его заботливой любовью, надѣясь постепенно превратить его изъ русскаго въ «русскаго чеха». И теперь она пришла уговаривать его бросить «глупости» и заняться серьезнѣе чешскимъ языкомъ и бухгалтеріей, тогда можно будетъ опредѣлить его на мѣсто — въ банкъ или на заводъ. Этотъ планъ ему не улыбался. Хотѣлось протянуть «какъ-нибудь», «такъ ли, сякъ ли», «по легонечку, по маленечку» и потомъ вернуться въ Россію на старое мѣсто. «Матеріалы» издастъ Академія, а тамъ видно будетъ...

— Ну, какъ же быть-то? — спрашивала Ружена Францевна, похрустывая сухаремъ: бросаешь ты свои глупости?

— Какія?

— Да твои бумажки и мерзкія карточки. Я думала раньше, что ты романъ пишешь, и за него тебѣ издатели деньги заплатятъ, а ты...

— Милая, мои матеріалы — тоже дѣло! Они нужны для исторіи...

— Глупости! Когда изъ комитета перестанутъ выдавать, ты чѣмъ хозяйкѣ — матеріалами, что ли — платить будешь?

— Да ужъ тамъ что-нибудь иное, авось, образуется...

Онъ ловилъ ея руку. Она не давала.

— Ничего не образуется! Терпѣть не могу вашей русской безпечности. Послѣзавтра изволь притти въ банкъ, пойдемъ къ дядѣ. Онъ будетъ о тебѣ съ директоромъ завода говорить...

— Хорошо... но видишь ли, я хотѣлъ раньше привести въ порядокъ...

— Вздоръ, въ порядокъ прежде всего себя приведи, а не приведешь — знать тебя не хочу... Ступай сюда...

Она притянула его къ себѣ, посадила рядомъ на софу и заглядывала въ глаза.

— Ты будешь умный? Пойдешь къ дядѣ? Поступишь на службу? И мы останемся здѣсь навсегда, да? Лѣтомъ на дачѣ будемъ жить... Я тебѣ салатъ сама сдѣлаю! какой ты любишь... Не хочешь? И борщъ, настоящій русскій борщъ сварю, какого ты никогда не ѣлъ. И мы поженимся съ тобой, да? Ну, поцѣлуй меня!

И трепала по щекѣ и цѣловала.

Онъ млѣлъ и переставалъ видѣть передъ собой предметы. Голубые глаза Ружены, казалось ему, росли, свѣтлѣли, краснѣли, выросли въ огромные пунцовые маки, горѣвшіе огнемъ.

— Не хочешь? — тянулась она къ нему всѣмъ тѣломъ.

— Ружена, Ружечка...

— Хочешь? А?

— Да, да... хочу... а академія? а матеріаль? — лепеталъ онъ коснѣющимъ языкомъ.

Она теребила его голову. Онъ ловилъ ея губы.

— Глупый! Ахъ, глупый! Ну, о чемъ думаешь? И академію возьмемъ съ собой!

Сѣрая, мгlistыя тѣни давно уже сгустились въ непроницаемый мракъ. Дождь устало и монотонно стучалъ по стекламъ. Огня не зажигали, сидѣли, тѣсно

прижавшись другъ къ другу, и говорили о жизни — трудовой, полной надеждъ и борьбы. У обоихъ было и легко и неясно на сердцѣ.

IX

Нордманъ спѣшно готовился къ отъѣзду и жегъ послѣднія бумажки, казавшіяся ему опасными. Онъ хотѣлъ замести свои слѣды въ Прагѣ и, собираясь уѣхать въ Голландію, осторожно распространилъ слухъ, что отправляется корреспондентомъ въ славянскія страны. Кромѣ того ему не хотѣлось оставить Прагу, не отомстивъ или, во всякомъ случаѣ, не сдѣлавъ непріятности Азбелеву. Онъ былъ болѣе чѣмъ увѣренъ, что то былъ именно Азбелевъ, который отнялъ у него важныя бумаги. Съ этой цѣлью онъ написалъ и уже отправилъ по назначенію два доноса, въ которыхъ возбуждалъ мнительность властей, намекая, что Азбелевъ служилъ цѣлямъ военнаго шпіонажа въ пользу одной изъ сосѣднихъ странъ. Искусство писать доносы разными стилями и почерками, въ зависимости отъ содержанія, онъ изучилъ еще въ Финляндіи и особенно развилъ въ Берлинѣ, гдѣ «работалъ» въ тѣсномъ союзѣ съ однимъ адвокатомъ. Нордманъ строчилъ доносы, а адвокатъ являлся къ пострадавшимъ на выручку. Доносы, отправленные имъ сегодня, особенно нравились ему и, вспоминая о нихъ, онъ самодовольно улыбался: «рядъ легкихъ намековъ, ничего конкретнаго — ищите сами». — «И найдутъ, непременно найдутъ, — продолжалъ онъ думать далѣе, не выпуская папиросы изъ толстыхъ губъ, — потому что и на самомъ дѣлѣ этотъ Азбелевъ — чортъ знаетъ что такое». Вещи были уложены. Два щегольскихъ чемодана, англійскій пледъ, пальто и шляпа, какихъ Нордманъ не носилъ прежде, ожидали его. До

поѣзда оставалось нѣсколько часовъ и теперь онъ ожидалъ благодѣйшаго пріятеля своего, Молодовскаго, чтобы черезъ его посредство пустить въ эмигрантскую среду нѣсколько слуховъ.

Молодовскій имѣлъ прочно-установившуюся репутацію самаго лукаваго изъ эмигрантовъ. Кавказецъ по отцу и москвичъ по матери, онъ сумѣлъ не запутаться въ мелкоплеменныхъ отношеніяхъ и, если не приобрести друзей, то и не нажить враговъ ни съ какой стороны. Онъ служилъ въ одномъ изъ культурно-просвѣтительныхъ учрежденій, гдѣ поставилъ себя настолько искусно и незамѣтно, что положеніемъ своимъ не возбуждалъ ни зависти, ни подвоховъ. При случаѣ умѣлъ угодить правымъ и подтрунить надъ «эсэровской аристократіей», а, встрѣчаясь съ кавказцами, давалъ понять, что, служа въ славянскомъ учрежденіи, не перестаетъ думать о родномъ кавказскомъ дѣлѣ. Когда его благообразная, чистенькая фигурка, съ вѣчной, какъ бы застывшей, улыбкой, появилась на порогѣ, Нордманъ закричалъ:

— Точнѣе часовъ на башнѣ! Замѣчательный вы человекъ! И знаете что: вы и на самомъ дѣлѣ самый замѣчательный человекъ въ Прагѣ! Честное слово.

— Ну полноте, Борисъ Сергѣевичъ...

Молодовскій улыбался, усаживаясь на диванъ. Усаживался онъ такъ же незамѣтно, какъ и входилъ, говорилъ вкрадчиво и мягко, всегда впадая въ тонъ и настроеніе собесѣдника. И глаза его всегда ласково и скромно шурились, причемъ взглядъ ихъ не былъ назойливъ. Онъ скорѣе скользилъ по незамѣтнымъ мелочамъ обстановки, по платью и движеніямъ тѣхъ, съ кѣмъ говорилъ, чѣмъ заглядывалъ въ глаза, спрашивая и разрѣшая что-то. Общее впечатлѣніе отъ его аккуратной кошачьей мордочки съ гладко зачесанными свѣтлы-

ми волосами и тщательно подстриженной бородкой было таково, что ему незачѣмъ было спрашивать: онъ все и безъ того зналъ, все чувствовалъ, все предчувствовалъ, и, если и спрашивалъ иногда, то лишь изъ простой учтивости, чтобы выказать вниманіе и интересъ.

— Нѣтъ, Осипъ Кирилловичъ, — говорилъ Нордманъ, ставя на столъ кувшинъ пива и огромныя кружки, — это такъ: вы единственный человѣкъ, котораго не ругаютъ въ Прагѣ...

— Можетъ быть, это потому, — продолжалъ улыбаться Молодовскій, — что человѣкъ я маленькій, и обо мнѣ просто не говорятъ...

А самъ бѣгло оглядывалъ комнату, замѣтилъ рваную бумагу и газеты подъ столомъ, обрывки конвертовъ и писемъ, прилипшія къ сукну стола, примѣтилъ новое пальто и шляпу и не спросилъ, а только подумалъ:

«Куда онъ ѣдетъ, подлецъ?»

Нордманъ угадалъ вопросъ:

— А я, — какъ видите, — недѣли на двѣ въ Вѣну... а потомъ, можетъ быть, — дальше, на Балканы...

Молодовскій мягко прошелся взглядомъ по его лицу:

— Вотъ какъ...

А самъ думалъ:

«Врешь! И не въ Вѣну, и не на Балканы, и не на двѣ недѣли»...

— Хотѣлъ было совсѣмъ сжечь корабли, — продолжалъ Нордманъ. — Знаете, климатъ у васъ убійственный. Изъ гриппа не выхожу...

Въ доказательство своихъ словъ даже закашлялся, подавляя кашель большими глотками холоднаго, какъ ледъ, пива.

— Да, здѣсь не Ривьера, — согласился Молодовскій. — Впрочемъ, — поправился онъ, боясь, какъ бы Нордманъ не подумалъ, что онъ дурного мнѣнія о пражскомъ климатѣ, — въ этомъ году и въ Швейцаріи не лучше.

Онъ вынулъ записную книжку, что-то соображая:

— Борисъ Сергѣевичъ, у меня къ вамъ маленькая просьба... можно?

Онъ ласково прищурился, словно котъ, увидѣвшій сливки, которыхъ ему не дадутъ.

Нордманъ встrepенулся:

— Дорогой, все, что хотите... Чѣмъ могу? Приказывайте...

И дотронулся рукой до колѣна своего собесѣдника.

— Мнѣ нужно, — продолжалъ Молодовскій, — чтобы вы въ Вѣнѣ забѣжали къ одному издателью и справились у него...

Нордманъ нервно задвигался на стулѣ.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ, если успѣю. Вы знаете, я очень спѣшу. Я даже не знаю, останусь ли я въ Вѣнѣ больше нѣсколькихъ часовъ...

Молодовскій протянулъ ему обѣ руки, не мѣняя своей ласковой улыбки.

— Конечно, конечно, я понимаю... Простите, если я...

«Бдетъ не въ Вѣну... ясно», — рѣшилъ Молодовскій. И хотѣлъ еще что-то сказать, но Нордманъ, очевидно, чтобы затушевать впечатлѣніе, заговорилъ быстро, быстро:

— Вамъ, какъ моему большому и единственному въ Прагѣ другу, я все скажу. Вѣна для меня только по пути... Я не сумѣю остаться въ ней долго, потому что мнѣ надо разоблачить одного господина, ко-

торый, по моимъ свѣдѣніямъ, ведетъ болгарскую интригу... Вы понимаете, какъ журналистъ... сенсационное дѣло... Предстоитъ процессъ огромнаго значенія...

— Я понимаю, понимаю... — могъ только вставить Молодовскій.

— И потомъ, — понизивъ голосъ и масляно щуря глаза, продолжалъ съ видомъ величайшей довѣренности, Нордманъ, — я їду не одинъ... Вы знаете мою маленькую слабость къ хорошенькимъ женщинамъ... хе... хе... Это вы, дѣвственникъ, скрываете свои сердечныя дѣла. А мы — люди грѣшныя... Ваше здоровье!

— И потому, — закончилъ онъ, ставя кружку и отирая губы, — я избѣгаю проводовъ... хе... хе... Знаете, такъ лучше.

Молодовскій и съ этимъ согласился. А самъ думалъ:

«Какой лѣшій, однако, гонить его изъ Праги?»

Онъ осторожно освѣдомился:

— Надолго? На двѣ недѣли, вы сказали?

Нордманъ развелъ руками:

— Не сумѣю вамъ сказать. Пока будетъ о чемъ писать...

Онъ снова заговорилъ интимно, почти шопотомъ, и даже придвинулъ свой стулъ къ дивану, на которомъ сидѣлъ Молодовскій.

— Дорогой мой, вы и представить себѣ не можете, какую услугу окажете вы мнѣ, согласившись помочь спасти одного человѣка... — голосъ его принялъ скорбный, почти умоляющій оттѣнокъ, въ то время, какъ глаза не могли подняться выше галстука на шеѣ Молодовскаго. Молодовскій пересталъ улыбаться. Онъ слушалъ внимательно, не теряя, впрочемъ, учтивой привѣтливости.

— Вы знаете, — продолжалъ Нордманъ, — что здѣсь, въ Прагѣ, находится одинъ замѣчательный чело-вѣкъ... и остановился, запнувшись на имени.

— Кто это? — спросилъ Молодовскій.

Нордманъ сморщилъ лобъ и брови, показывая, что онъ вспоминаетъ.

— Какъ его... Вотъ подите, забылъ фамилію... да все равно — вы его знаете: тотъ, что такъ чудесно играетъ на роялѣ, настоящій артистъ... Какъ же его зовутъ? Хоть убей, не помню... вы не помните?

Не помнилъ и Молодовскій, или хотѣлъ, чтобы это имя называлъ Нордманъ.

— Ну, да все равно! Вы знаете, о комъ я говорю... Такъ вотъ, его здѣшніе болгары захотѣли запутать въ свою интригу, тогда какъ онъ — я даю вамъ въ этомъ честное слово — ничуть не виноватъ... И, вообще, это благороднѣйшій чело-вѣкъ; конечно, — замѣтилъ онъ вскользь, опуская глаза на свои руки, красныя и жирныя, въ кольцахъ, — его поѣздка въ Македонію была неосторожна...

«Вретъ онъ, или и точно что-нибудь знаетъ?» — думалъ Молодовскій, качнувъ изъ сочувствія головой, какъ будто и ему было что-нибудь извѣстно о поѣздкѣ того, о комъ шла рѣчь, въ Македонію.

— Конечно, — говорилъ Нордманъ, — военное прошлое, старыя гвардейскія связи могли подать поводъ къ подозрѣніямъ, но вѣдь мы же съ вами знаемъ кристальную чистоту этого чело-вѣка. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ чешскихъ кругахъ, знаете, въ самыхъ близкихъ къ намъ, эмигрантамъ, разными негодьями, — Нордманъ особенно сочно произнесъ это слово, — распространяются слухи самые для него опасные. Ну, какъ всегда — «агентъ», «послали въ Болгарію сѣять смуту», «заодно и здѣсь высмотрѣть военныя дѣла»

и тому подобный вздоръ. Я думаю, что обязанность всѣхъ, кто его знаетъ, эти слухи разсѣять. А кто же могъ бы лучше это сдѣлать, чѣмъ вы, съ вашей репутаціей безпристрастнаго и чуткаго человѣка?

Молодовскій чувствовалъ, въ какую сторону гнулъ Нордманъ, но не могъ связать въ одно представленіе о какой-то крупной интригѣ скрытнаго и осторожнаго Азбелева съ этимъ журналистомъ, которому, въ сущности никто не вѣрилъ. Онъ отвѣтилъ:

— Не сомнѣвайтесь, Борисъ Сергѣевичъ... Если услышу, скажу, что — вздоръ... Но я такъ мало знаю объ этомъ дѣлѣ...

Нордманъ нервно повернулся на стулѣ.

— Если услышите? Этого мнѣ мало, Осипъ Кирилловичъ! Вы можете ничего не услышать, а человѣка упекутъ. Общественная совѣсть должна подсказать вамъ не дожидаться того момента, пока вы что-нибудь услышите. Домъ поздно поливать водой, когда онъ сгорѣлъ, надо пожаръ тушить вначалѣ. Общественная совѣсть требуетъ, чтобы вы немедленно дали понять, что вамъ извѣстно, какую гадость клеветники распространяють о нашемъ общемъ знакомомъ...

Молодовскій хотѣлъ что-то сказать, но потомъ предпочелъ ничего не говорить и медленно пилъ пиво. Отъ его наблюдательности не ускользнуло, что въ Нордманѣ не было и тѣни обычной наглой развязности. «Онъ ведетъ себя, какъ побитая собака», — замѣтилъ онъ. Что случилось? Онъ чувствовалъ пріятную атмосферу какой-то большой интриги, которая, видимо, до сихъ поръ не удалась Нордману. Это его заинтересовало, какъ шахматная борьба искусныхъ игроковъ. Такую игру онъ готовъ былъ наблюдать часами, и твердо рѣшилъ «разнюхать дѣло». Нордману онъ заявилъ скромно:

— Врядъ ли только я могу помочь... Кто 'станеть выслушивать мои мнѣнія о дѣлахъ, къ которымъ я не имѣю никакого отношенія?

Вмѣсто отвѣта Нордманъ сталъ подливать пиво въ кружку Молодовскаго. Тотъ отказывался. Когда, наконецъ, поддаваясь убѣжденіямъ Нордмана выпить на прощанье, Молодовскій позволилъ себѣ налить еще полкружки, оба переглянулись и почувствовали, что поняли другъ друга, и взаимно почли себя удовлетворенными. Передъ Молодовскимъ приподнималась завѣса новыхъ разоблаченій, а для Нордмана не было сомнѣнія, что «лукавый смиренникъ» не пройдетъ мимо нихъ безучастно. Прежняя развязность вернулась къ нему. Мелькомъ взглянувъ на часы и цинично разсмѣявшись, онъ сказалъ:

— А вы страшный сердцеѣдъ, дорогой мой Осипъ Кирилловичъ! — Тихоня, — тихоня, а у меня, бѣднаго, двухъ дамъ отбили. Теперь, съ отчаянія, уѣзжаю съ третьей и послѣдней.

Молодовскій беззвучно смѣялся:

— Полноте, кого отъ васъ отобьешь, вы сами все отобьете въ жизни, что вамъ понравится...

— Пока что, — сказалъ Нордманъ, — вкладывая папиросу въ свои толстыя губы, — я отбилъ себѣ бока въ Прагѣ, лѣчитъ ѣду...

«А морду? — улыбнулся про себя Молодовскій: — что-то похоже»...

— Вы продолжаете кружить за Миладой Антоновой? Конечно, своего добьетесь! — говорилъ Нордманъ, зная, что Милада наотрѣзъ «отшила» Молодовскаго: — красивая вдовушка, чортъ возьми! и богата: вамъ на тряпки тратиться не придется!

Молодовскаго кольнуло, но онъ и вида не подалъ.

— Гдѣ ужъ намъ ужъ тамъ ужъ... — отвѣтилъ

онъ московской прибауткой. И, словно невзначай, бросилъ вопросъ:

— А вы Клеопатру Ивановну давно видали?

Нордману намекъ не понравился: «не наплела ли чего глупая баба?» — подумалъ онъ и отвѣтилъ:

— Ну ее къ чорту... Едва отвязался. Прилипла, какъ банный листъ! Оставлю вамъ въ наслѣдство.

— Вы очень добры! — усмѣхнулся Молодовскій.

— Только и она уѣзжаетъ...

— Куда?

— Не знаю...

По лицу Нордмана прошла судорога.

— Однако, дорогой мой, мнѣ пора!

Онъ всталъ и засуетился. «Только бы до границы добраться благополучно», — думалъ онъ, прощаясь и выпроваживая гостя.

Х

Долго сидѣли молча. Думали вмѣстѣ, но каждый о своемъ. Клеопатра Ивановна съ тихой и нѣжной лаской гладила руку Вяльцева. Ея большіе, черные глаза, глядѣвшіе печально изъ-подъ высокаго смуглаго лба съ густыми черными бровями, были заплаканы. Слегка вьющіеся волосы падали змѣйками на виски и щеки. Вяльцевъ сидѣлъ у стола, передъ стаканомъ съ чаемъ, разсѣянный и умиленный, будто онъ только что отошелъ отъ причастія. Они встрѣтились послѣ долгой разлуки и за собой оставили все — родную Сибирь, съ ея лѣсными просторами и рѣками, какъ море, и молодость, и беззаботность. Она напоминала ему студенческіе годы, тѣ годы, когда онъ былъ счастливъ. А быть счастливымъ на языкѣ его юности значило ощущать возможность быть всѣмъ и вездѣ. Его глаза и

улыбка напоминали ей веселые годы курсовъ, публичныхъ лекцій, диссертаций и своеобразнаго кокетства, какое расцвѣтаетъ въ кулуарахъ библіотекъ и аудиторій, рѣдко переходя въ романы. Дочь профессора, она съ дѣтства привыкла дышать академическимъ воздухомъ, не заражаясь его міазмами, допускала ухаживаніе за собой студентовъ старшихъ курсовъ, но замужъ вышла бы не иначе, какъ за доцента, получившаго штатный окладъ. Такъ оно и было. Ея покойный мужъ былъ молодой профессоръ, погибшій въ гражданской войнѣ. Съ двумя дѣтьми шести и восьми лѣтъ, она бѣжала за границу, бѣдствовала и мучилась въ Константинополѣ и въ Болгаріи, откуда совершенно случайно, «за молитвы родныхъ», какъ она говорила, попала въ Прагу. Когда-то она остановила на Вяльцевѣ пристальный взглядъ своихъ огромныхъ, опущенныхъ длинными рѣсницами глазъ, и онъ дрогнулъ. Тогда онъ не былъ доцентомъ, не имѣлъ оклада, и она предпочла другого. Но теперь, въ ея памяти ожили поэтическія встрѣчи, вечера и долгія прогулки, нѣсколько случайныхъ поцѣлуевъ въ соловьиной рошѣ. Скорбное сердце надѣлило эти воспоминанія такой красотой поэзіи и юнаго очарованія, что ей казалось, будто она его одного и любила всегда, и будто не было въ этой любви никакихъ перерывовъ, а была только длительная, досадная разлука, въ которой и дѣти и мужъ казались лишь случайными эпизодами.

«Митя» — вотъ что было теперь настоящее, чѣмъ жило сердце, къ чему тянулось, какъ ручеекъъ къ рѣкѣ, а все остальное, прочее — видѣніе, сонъ, мечта.

Онъ называлъ ее прежде «птичкой» и теперь, съ улыбкой, думалъ о томъ, что хозяинъ, когда-то отдѣлывавшій комнату, гдѣ жила Клеопатра Ивановна,

навѣрно былъ птицеловъ: птицы на пожелтѣвшихъ и прорванныхъ мѣстами обояхъ, птица рѣзная на деревянной доскѣ, висѣвшей надъ комодомъ, чучело попугая на шкапу... Только двѣ олеографіи изображали что-то человѣческое, но замызганное.

— Попалась, моя птичка, попалась, — шутилъ онъ, вспоминая старое время и растворяясь въ теплѣ давно не испытанной женской ласки.

— Попалась, Митя! Охъ, какъ попалась!

Она прижималась своей щекой къ его щекѣ, цѣловала голову — съ невыразимой нѣжностью и тоской.

— Митя, а, вѣдь, мы могли бы быть съ тобой очень счастливы. Даже здѣсь...

Она указала жестомъ на пишущую машинку:

— Я научилась работать... Я цѣлые дни пишу.

Онъ улыбнулся и слегка сжалъ ея пальцы.

— Зачѣмъ ты говоришь «мы могли бы быть счастливы»? А сейчасъ, въ эту минуту, развѣ мы не счастливы?

— Сейчасъ — да. Сейчасъ я рада, я счастлива, я забываю все, но завтра...

— Завтра, — онъ медленно перевелъ на нее свой разсѣянно-ласковый взглядъ; — «завтра» не въ нашей власти. Значить, и не нужно о немъ говорить. Я не знаю ни вчера, ни завтра. Я знаю только сегодня.

Она отвела голову и грустно улыбнулась.

— Мнѣ мало этого. Мнѣ мало только «сегодня». Оно для меня отравлено тѣмъ, что «сегодня» не будетъ «завтра». Я хочу болѣе постоянного. Я хочу отдыха отъ заботъ. Я хочу увѣренности и не шаткой почвы подъ ногами. Митя, останься со мной, спаси меня. Я буду твоей рабой, твоей сестрой, всѣмъ, чѣмъ хочешь. Если ты уйдешь, жизнь затретъ меня...

— Да-а, — протянулъ онъ, — думая, можетъ

быть, о другомъ — жизнь тяжелая вещь. Не помню, кто-то сказалъ мнѣ однажды въ тюрьмѣ, когда насъ выводили на волю, а мы думали, что на разстрѣлъ: жизнь — что зерно: въ землю попадетъ — ростками выйдетъ, на мельницу попадетъ — мукой обернется. А по существу — одно и то же. Ничто не мѣняется въ природѣ.

— Митя, мнѣ не до афоризмовъ и умныхъ словъ. Скажи, можешь ли остаться здѣсь — ну, если не надолго, то хоть на мѣсяць, на два. А? Скажи, милый. Скажи «да».

Она гладила его по головѣ, заглядывала въ глаза, жалась къ нему, вздрагивала всѣмъ тѣломъ, въ тревогѣ, въ болѣзненномъ страхѣ.

Вяльцевъ не зналъ, что сказать и что думать. Въ величайшемъ смущеніи остановилъ свой взглядъ на «Битвѣ у Бѣлой горы», закопченной, выцвѣтшей, висѣвшей противъ него въ тоненькой багетной рамкѣ. Онъ съ минуту смотрѣлъ на картинку, точно спрашивалъ или вычитывалъ какія-то письма на стѣнѣ, подъ нею.

Потомъ повернулъ голову къ Клеопатрѣ Ивановнѣ и виновато улыбнулся.

— Нѣтъ, прости меня. Не могу. Душно у васъ здѣсь... Мнѣ, впрочемъ, въ цѣломъ мірѣ душно, — онъ еще виноватѣе улыбнулся, — я все вотъ хожу, да ищу свѣжаго воздуха...

Клеопатра Ивановна отодвинулась отъ него и опустила голову. Молчала. Смахнула слезу.

— Ну, прости... Значить, не судьба. А я думала... ты не такой, какъ другіе... ты лучше всѣхъ, кого я здѣсь знаю, а ты тоже недопеченый, блажной... Знаешь, что я думаю сейчасъ? — она горько и загадочно усмѣхнулась, — я давно въ церковь хотѣла пойти и

на духу священнику все сказать — всё свои грѣхи, всю подлость, всю грязь, что нанесла жизнь въ мою душу, взять да и выложить передъ нимъ: неси, попъ, и ты, а я одна не могу. А теперь вижу — мнѣ и въ церковь незачѣмъ итти. Я, вотъ, возьму и скажу тебѣ все, все, начистоту... Ты, вѣдь, блажной, отъ меня примешь и Богу передашь. Онъ блажныхъ любитъ, отъ меня же давно отвернулся...

Она становилась неузнаваемо-рѣзка, почти вульгарна, когда ее охватывало волненіе. Именно тогда можно было замѣтить, насколько «опростила» жизнь эту нѣкогда изящную и интеллигентную дѣвушку.

— Ну, что же ты молчишь?

Она стояла со скрещенными на груди руками.

— Молчишь?

Вяльцевъ словно опомнился. Лицо его вдругъ приняло несвойственное ему строгое выраженіе. Краска выступила на щекахъ. Въ глазахъ, обращенныхъ къ Клеопатрѣ Ивановнѣ, сверкнули какіе-то бѣглые огоньки — не-то изумленія, не-то гнѣва.

— Что ты, что ты, — замахалъ онъ обѣими руками, — какой я исповѣдникъ, какой я духовникъ! И нѣтъ на тебѣ грѣха никакого. Есть страданіе, есть борьба, а съ ними неразрывны паденія и ошибки, если хочешь, и преступленія... Но развѣ ты можешь быть преступницей? Вотъ ты спасала дѣтей, вотъ ты прошла муки, которыхъ никто не знаетъ изъ насъ... Что бы ты ни сдѣлала, тебѣ все зачтется, все простится...

Клеопатра Ивановна закрыла лицо руками.

— Кѣмъ, Митя? — спросила она глухо.

— Прежде всего — мыслью человѣчества о тебѣ. Ты знаешь, у человѣчества, въ цѣломъ, есть своя душа, свой разумъ, своя мысль. И душа и мысль — все это въ высшихъ своихъ проявленіяхъ божественно...

И каждое человѣческое сердце, проникнутое этой божественностью, скажетъ тебѣ, что пріемлетъ на себя все то, что ты называешь «грѣхомъ», и даже, если ты и взаправду преступница, то и преступленіе отпустится тебѣ, страдалицѣ-матери, женщинѣ безпомощной и беззащитной.

Клеопатра Ивановна сдѣлала нетерпѣливое движеніе рукой:

— Э, Митя! А если меня будутъ судить и посадятъ въ тюрьму, куда дѣнется твое человѣчество съ его высшимъ разумомъ?

Въ голосѣ ея было столько скорби, что Вяльцевъ вздрогнулъ.

Онъ вдругъ почувствовалъ, что передъ нимъ не просто несчастная, выбитая изъ колеи женщина, какихъ много, но что она стоитъ на краю бездны и, если не бросилась въ нее, то заглядываетъ уже внизъ, закрываетъ глаза, чтобы не видѣть мрака паденія и смерти.

Въ волненіи онъ схватилъ ее за руку.

— Погоди... погоди... Дай сообразить... ты спрашиваешь о судѣ. Я не говорю о дрянныхъ судахъ нынѣшняго общества, я говорю о высшей совѣсти... Дорогу къ ней нужно найти... Понимаешь ты?

Она рѣзко сорвалась съ мѣста, тряхнула кудрявой головой и съ широко раскрытыми глазами, въ которыхъ отражался ужасъ и мука, подошла къ Вяльцеву и, бросивъ обѣ руки на его плечи, глянула въ глаза, близко - близко, острымъ, почти безумнымъ взглядомъ. И Вяльцеву стало невыносимо жутко. Какой-то темный холодъ началъ охватывать его. Онъ не выдержалъ этого упорнаго, страдальческаго взгляда и перевелъ глаза на ея желтую, шерстяную куртку.

Она выждала нѣсколько секундъ, потомъ медлен-

но сняла руки и засмѣялась нервнымъ, почти циническимъ, конвульсивнымъ смѣхомъ.

— А... что... не можешь смотрѣть мнѣ прямо въ глаза, прячешься? Ха-ха-ха... А я, вотъ, прихожу къ тебѣ, тихому, святому, блажному, и смотрю на тебя, и не боюсь тебя... Вѣдь не дашь ты мнѣ святости своей, чтобы внести миръ въ мою душу, чтобы тихостью своей унять тотъ страшный огонь, который ее сжигаетъ...

Вяльцевъ, подавленный, съ безмолвнымъ ужасомъ, смотрѣлъ и слушалъ ее, не узнавая ту застѣнчивую, выдержанную дѣвушку, которую помнилъ. Онъ сдѣлалъ движеніе, но она остановила его:

— Молчи! Ты знаешь, кто я такая? Ты не хочешь и боишься знать? А я вотъ возьму и скажу! Тебѣ отдамъ мой грѣхъ, носи его, какъ горбунъ чорта!.. И впрямь: какая на мнѣ вина? Это вы всѣ, и ты въ томъ числѣ, повинны въ моемъ грѣхѣ, да, и ты... да, да, не отмахивайся... и ты, тихоня... За что вы мучаете меня?..

— Что ты говоришь? Что съ тобой? Опомнись! — почти закричалъ Вяльцевъ, протянувъ руки.

— Э... да что!..

Она бросилась на софу, рыдая, дрожа, держа, теребя свои черные кудри тонкими, теперь загрубѣвшими пальцами. Вяльцевъ смотрѣлъ на нее, какъ на безумную. Сердце у него рвалось отъ жалости и непониманія. Онъ бросился сначала искать воды, но затѣмъ остановился, какъ вкопанный, ожидая конца припадка и гадая, въ роѣ кружащихся мыслей, о томъ, какая драма терзала душу и мозгъ этой несчастной женщины. Онъ чувствовалъ, что утѣшать ее въ этомъ состояніи значило подливать масла въ огонь, и съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда она успокоится. Только нагнулся слегка и тихо и нѣжно коснулся ея плеча.

Она вдруг выпрямилась, встала и провела по лицу платкомъ.

— Что это я, Господи... ошалѣла, что ли!.. Митя, родной, прости меня. Я не знаю, что со мной... Не сердись на меня.

Онъ самъ едва не рыдалъ.

— Что ты, что ты, другъ мой... успокойся... я всей душой съ тобой... я все пойму... все снесу отъ тебя... не надо отчаиваться, не надо плакать... не-то я тоже заплачу, смотри...

Глаза ея были полны слезъ, лицо красное и влажное, но она старалась улыбнуться.

— Ну, хорошо, хорошо... плакать не будемъ. Горе наше сильнѣе слезъ. Ты видишь, Митя, я говорю — наше, какъ будто мое горе уже стало твоимъ.

Онъ засмѣялся ободряющимъ смѣхомъ, а у самого слезы такъ и подступали къ горлу.

— Да, да, наше — твое и мое. Ты мнѣ скажи, все скажи, безъ утайки. Скажи словами то, что, можетъ быть, я знаю безъ словъ.

Она покачала головой:

— Не знаешь...

— Все равно. Я возьму твое горе и унесу отъ тебя и оставлю его гдѣ-нибудь высоко-высоко на горѣ, не-то брошу въ бурный, каменистый потокъ — такъ, чтобы люди его не нашли. Скажи, не какъ духовнику, а какъ другу, брату....

Она схватила его руку и стала покрывать ее горячими, влажными поцѣлуями. Потомъ усадила на стулъ противъ себя и, глядя въ сторону, стала мять въ пальцахъ бахромѣ толстой полубѣлой скатерти.

— Митя, у тебя одинъ сапогъ дырявый...

— Ничего, сойдетъ...

— Слушай же...

Грудь высоко поднималась, дышала тяжело, прерывисто, но въ голосъ звучала рѣшимость отчаянія.

Исповѣдь длилась недолго... Но Вяльцеву казалось, что она никогда не кончится — такъ холодѣло его сердце и застывала кровь въ жилахъ. Нервные, безсвязныя слова Клеопатры Ивановны отдавались въ мозгу какими-то сухими, металлическими звуками, не сразу достигавшими сознанія.

Онъ слушалъ напряженно-внимательно, но слышалъ не то, что ему говорила Клеопатра Ивановна. Образы и понятія сплетались въ беспорядочную давно знакомую цѣпь, которая падала откуда-то съ тяжелымъ, рѣжущимъ лязгомъ. Все, что онъ понималъ изъ ея разсказа, было давно знакомо ему, было тысячи разъ пересказано, и выслушано, и перечитано имъ. Да, конечно, всевозможныя страданія, униженія, дѣтскія слезы, голодъ, безсонныя ночи. Глухое отчаяніе и борьба — тройная борьба за три жизни. Все это видано-перевидано Вяльцевымъ на всѣхъ тысячахъ верстъ, пройденныхъ имъ, на всевозможныхъ этапахъ русскаго горя, неизмѣрнаго, избыткаго. Десятки и сотни другихъ женщинъ плакали и говорили о томъ же, все о тѣхъ же лишеніяхъ, мукахъ и слезахъ. Все это такъ, все это было и иначе быть не могло... Но сердце Вяльцева ловило тайный смыслъ чего-то несказаннаго, искало постиженія какой-то загадки, ускользающей отъ разума...

Разсказъ шелъ географическими этапами. Вездѣ, въ каждой странѣ, были свои муки, свои униженія, и вездѣ безконечно больше злыхъ, чѣмъ добрыхъ людей. И въ Золотой Прагѣ, о которой такъ мечтали всѣ изгнанники великой земли русской — и въ Константинополѣ, и въ Малой Азіи, и въ Сиріи. Добрыя, грубова-
тыя славянскія лица, понятная рѣчь, послѣдній этапъ

униженій съ волчьимъ паспортомъ, двѣ - три случайныя встрѣчи, и вотъ, наконецъ, — миражъ покоя. Дѣти отданы въ школу. Щелкаетъ пишущая машинка. Чехъ-покровитель, служащій за гроши въ большомъ учрежденіи, простой, немудрящій, достаетъ работу. Но работы мало. Истосковалось сердце, изошло скукой и сѣрой повседневностью, мертвящимъ холодомъ духовнаго одиночества и пустоты. И подвернулся тотъ, другой, интересный, беззащѣнный, циничный, на слова бойкій. Поманилъ въ другой міръ, поднялъ на высоту и бросилъ въ грязь... Опуталъ, замутилъ и взялъ всю волю...

Вяльцевъ началъ что-то понимать. Колючая мысль вонзилась въ голову.

— Нордманъ? — спросилъ онъ съ дрожью въ голосѣ. — Не надо, не рассказывай больше. Тебѣ будетъ больно.

— Большей боли не будетъ. Знай все до конца. Деньги, на которыя я живу, даетъ онъ... Я его ненавижу и бросить не могу. Развѣ только убью!

Вяльцевъ не слушалъ больше. Онъ понялъ все. Отъ ужаса и волненія онъ не могъ вымолвить ни слова.

Клеопатра Ивановна встала во весь ростъ и спокойно, глядя въ глаза Вяльцеву, сказала:

— Дмитрій Павловичъ, читали о провокаторскомъ дѣлѣ мѣсяць назадъ? Во всѣхъ газетахъ было. Это — я дала... — она сдѣлала легкое усиліе въ голосѣ — продала копіи бумагъ... Можете судить меня, какъ хотите...

И Вяльцевъ поднялся, стараясь овладѣть собою. Онъ взялся даже за спинку стула, чтобы не упасть, но затѣмъ лицо его приняло обычное выраженіе, только глаза потухли, и щеки стали блѣдны. Въ сознаніи не

было ни мыслей, ни чувствъ. Ему показалось, что кто-то выплеснулъ его душу.

— Судить я васъ не могу. Вы сами себя судите. Мнѣ жаль васъ безконечно. Но я... я лучше уйду... Я долженъ подумать, простите меня, Клеопатра Ивановна. Я больше ничего сказать вамъ не могу... сегодня, по крайней мѣрѣ.

Онъ сталъ оглядываться, отыскивая свою шапку.

Какая-то судорога прошла по лицу Клеопатры Ивановны. Въ глазахъ сверкнулъ недобрый огонекъ, тонкія губы искривились ядовитой усмѣшкой. Она стояла передъ нимъ спокойная, чуть не гордая.

— Ну, что? Не сказала ли я вамъ, что душа ваша — тряпка, которой и сора не подберешь?.. Ну, да, я продала честь и совѣсть. И вотъ теперь еще унизилась передъ вами. Но и въ моемъ униженіи, позорѣ и грязи я не завидую вамъ и вашей безжизненной, безцѣльной чистотѣ. Ступайте мерзнуть на свои альпійскія высоты, а я сама понесу свое горе... Не говорите ни слова...

Вяльцевъ поклонился и вышелъ, нахлобучивъ толстую сѣрую фуражку. Черезъ минуту онъ вернулся, быстро подошелъ, почти подбѣжалъ къ Клеопатрѣ Ивановнѣ, неподвижно стоявшей посреди комнаты, обхватилъ ея шею руками, прильнулъ къ волосамъ сухими, воспаленными губами и прошепталъ «бѣдная, бѣдная», бросился вонъ изъ комнаты.

ХІ

На слѣдующій день Вяльцевъ съ утра отправился въ Стромовскій паркъ. Съ вечера онъ долго не могъ уснуть, думалъ о Клеопатрѣ Ивановнѣ, потомъ, чтобы

разсѣять эти думы, читаль далеко за-полночь. Когда задремаль, видѣль кошмарные сны — страшные образы пережитого и наслышаннаго. Одна изъ сценъ не выходила у него изъ головы. Онъ видѣль себя въ большой комнатѣ со скамьями, на нихъ лежали связанные люди. Маленькіе черные человѣчки подтягивали ихъ на ремняхъ къ потолку и выворачивали хрустѣвшіе суставы, чего-то требуя на непонятномъ языкѣ, о чемъ-то крича и бѣснуясь. Зіяла раскаленная печь, кровь по желобамъ стекала въ огромный чанъ. Другіе люди, во фракахъ, со спокойными, серьезными лицами обматывали въ ней свои перья и писали трактаты мира. Волны стальной неизбежности заливали и тѣхъ и другихъ... Все уплывало, поднимались и исчезали туманы, тянулись мертвые степи безъ нивъ, безъ полей, безъ звуковъ. И снова застѣнокъ, и маленькіе черные люди готовятъ пытку. А ласковый, успокоительный голосъ шепчетъ ему откуда-то сверху:

— Не бойся, все это дѣлается для блага твоего и всего человѣчества...

Вяльцевъ проснулся въ холодномъ ужасѣ и такъ и не уснулъ больше, и все утро не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія этого сна. Онъ представлялся ему символомъ краснаго, кроваваго безумія — оно охватило людей, забывшихъ о Богѣ. Огненными буквами, переливаясь въ веселой игрѣ, сверкали и смѣялись слова: «освобожденіе человѣка», «свобода человѣческаго духа и плоти». Точно дьявольскій фейерверкъ бросаль эти слова въ темное небо и разсыпаль ихъ зловѣщими искрами.

«Есть пытка еще ужаснѣе, — думаль онъ, освѣжая голову холодной водой, — еще мучительнѣе и длительнѣе: лишеніе родины».

Утро было солнечное, но свѣжее, почти холод-

ное. Вяльцевъ снялъ шляпу и съ отрадой дышалъ сыроватой свѣжестью земли и зелени, и эта свѣжестъ почему-то казалась ему запахомъ облаковъ.

Запахъ солнца! Что за вздоръ! — Нѣтъ, не вздоръ:

Солнце пахнетъ травами...

— вспомнился ему бальмонтовскій стихъ.

Гуляющихъ было немного. Обѣжавъ паркъ по живописнымъ холмамъ, роскошно затѣненнымъ веселой темнотой каштановъ и елей, Вяльцевъ мало-по-малу пришелъ въ себя, сѣлъ на скамью и сталъ собирать разсѣянные мысли. Вниманіе его привлекли двѣ дѣвочки, лѣтъ шести-семи, говорившія по-русски. Онѣ остановились возлѣ скамьи, не зная, что предпринять. Одна была смуглая, остроглазая, остроносая, съ прямыми волосами, забранными подъ гребенку, въ хорошо сшитомъ черномъ платьицѣ. Другая — бѣлокурая, стриженная замухрышка, бѣдно одѣтая, съ голыми ножками, обутыми въ продранные сапожки. Дѣвочки, видимо, только что познакомились и съ любопытствомъ оглядывали другъ друга. Вяльцевъ услышалъ ихъ забавный щебетъ:

— Тебя какъ зовутъ? — спросила та, что была одѣта понаряднѣе.

— Ниночка... А тебя?

— А меня — Женя. А твоя мама кто?

— Въ Россіи полковницей была, а теперь мы бѣдные — мама въ русской столовой служить... Тамъ маму очень ругаютъ. А мамѣ дѣться некуда... Мамѣ трудно... А въ Россіи мы богатые были. Папа былъ храбрый, храбрый... Его большевики взяли и убили, и маму хотѣли тоже убить, да мы убѣжали.

Женя приложила пальчикъ къ губамъ и задумалась.

— А намъ и здѣсь хорошо, — сказала она убѣжденно. — Мама пособіе получаетъ. Въ комитетѣ маму очень любятъ и на меня деньги даютъ. Комитетъ американскій — большой, богатый, у! — да только мама говоритъ — мало. Хочетъ, чтобы мы въ Парижъ уѣхали, только дядя не хочетъ, говоритъ: надо въ Прагѣ жить, пока домой не поѣдемъ. Мой дядя добрый: онъ мнѣ куклу подарилъ и часто пирожныя приносить. Ты любишь пирожныя?

Замухрышка съ завистью посмотрѣла на свою подругу:

— Конечно, люблю, а только здѣсь намъ не даютъ пирожныхъ. Здѣсь, мама говоритъ, на пирожныя денегъ нѣтъ.

— Давай, побѣжимъ на горку, — предложила Женя. — А оттуда внизъ... Тамъ изъ песочка я тебѣ пирожокъ сдѣлаю.

— Давай, только не очень скоро... У меня нога болитъ...

И дѣвочки запрыгали по дорожкѣ.

«Что будетъ съ этими несчастными дѣтьми? Какая судьба ихъ ждетъ?.. — подумалъ Вяльцевъ. И тутъ же добавилъ мысленно: — одна пробьется — та, что начинаетъ понимать жизнь. Другая... другая, вѣроятно, погибнетъ».

Болѣзненно сжалось сердце, когда вспомнилъ вчерашнее. Клеопатра Ивановна?.. Что-жъ, и она — единица въ статистикѣ, которой никто не ведетъ, одна изъ многихъ... Нѣтъ силъ думать о ней. Можетъ быть раньше, можетъ быть позже, все равно — погибнетъ. Но, имѣлъ ли онъ право строго судить ее?..

Онъ старался думать о другомъ, далекомъ. Но

мысли, столь послушныя обычно, все возвращались къ одному и тому же: ко сну и Клеопатрѣ Ивановнѣ — отчетливо ощущалась внутренняя связь.

Онъ спрашивалъ себя, что произошло въ немъ со вчерашняго дня, когда онъ такъ «глупо», казалось ему теперь, растерялся послѣ исповѣди и сталъ спасать свою душу. Конечно, признаніе, сдѣланное этой женщиной, должно было подѣйствовать на него самымъ угнетающимъ образомъ. Было и гадко, и безконечно жаль. Собственно не то ужасало, что сообщила ему о себѣ Клеопатра Ивановна, сколько степень ея моральной развинченности. Вѣдь эта жизнь исповѣдью для нея не кончится. Совершить и исповѣдаться — это онъ еще понималъ, но исповѣдаться и продолжать жить по-прежнему — этого допустить онъ не могъ. Она сама не понимала, казалось ему, ужаса той бездны, передъ которой стояла. Что это?.. Вытравленная совѣсть? Слѣпота? Чувство самки, готовой ради своихъ дѣтенышей на какую-угодно подлость? Или просто женское легкомысліе? Онъ живо помнилъ ее: она была веселая, но въ то же время разсудительная дѣвушка, глубоко проникнутая чувствомъ нравственной порядочности и чистоты. Остается одно—вліяніе среды? О, въ оцѣнкѣ этой среды онъ не заблуждался... Но можно ли все дурное въ человѣческой природѣ объяснять только вліяніемъ среды или обстоятельствъ?.. Нельзя ли предъявить къ человѣку опредѣленные требованія моральной устойчивости при всѣхъ условіяхъ внѣшней жизни? И судить его только съ этой точки зрѣнія?

«Ахъ, никого нельзя судить въ это безумное, застланное кровавымъ туманомъ время! Развѣ тогда, когда налетаетъ страшный ураганъ, можно требовать отчета, почему одинъ упалъ, а другой метнулся въ сторону и вышибъ глазъ у сосѣда? Пронеслась буря — а

стадо людское все еще мечется и все еще не может вернуть себя къ порядку и покою... не легче ли, вмѣсто того, чтобы перегорать въ созерцаніи, самому броситься въ водоворотъ смятенія и борьбы?»

Такъ думалъ Вяльцевъ, спускаясь къ городу. Мутно и тягуче отдавалась душа впечатлѣніямъ блеска и шума, наполнявшихъ улицы. Солнце горѣло на славу, носились автомобили, школьники веселой ватагой бѣжали навстрѣчу. Онъ шелъ, какъ въ полуснѣ, задумчивый и грустный. Шелъ, не торопясь, словно боялся уронить тяжелую ношу.

XII

Было половина перваго, когда онъ, усталый и голодный, послѣ двухчасовой прогулки, вошелъ въ обширную русскую столовую на одной изъ центральныхъ улицъ города. Столовая помѣщалась въ большомъ залѣ. Залъ этотъ въ сумрачные дни достаточно освѣщался сверху, и въ немъ господствовалъ пріятный глазамъ полумракъ. По вечерамъ здѣсь читались лекціи и происходили политическія бесѣды и танцевальныя вечера. Высокій, продолговатый, съ хорами, онъ производилъ впечатлѣніе наряднаго, бальнаго помѣщенія. И точно, раньше онъ соединялся съ большимъ отелемъ и отдавался внаймы для разныхъ торжественныхъ случаевъ.

Теперь, рядъ столовъ подъ скатертями, сѣрыя и темныя фигуры, сидѣвшія за ѣдой, суетливыя прислужницы въ бѣлыхъ передникахъ и чепчикахъ — все это не вязалось съ пышными, хотя и закопченными стѣнами, съ громадными зеркалами, съ лѣпными потолками, люстрами и сценой. Во всемъ чувствовалась какая-то тревожная случайность или неудавшійся расчетъ.

Когда Вяльцевъ нашель мѣсто за однимъ изъ столовъ справа, его первое непріятное впечатлѣніе скоро улеглось. Заказавъ русскія щи, онъ оглядѣлся. Его поразила сѣрая однородность лицъ и одежды у тѣхъ, кто сидѣлъ вблизи. Онъ понялъ, что попалъ въ студенческій уголь залы. Лица были разныя — красивыя и некрасивыя, совѣмъ юныя и съ преждевременными морщинами. По ихъ манерамъ, по тому, какъ они сидѣли, пользовались приборомъ, рѣзали мясо и отламывали хлѣбъ, было видно, что они происходили изъ разныхъ общественныхъ классовъ: немало было людей и тонкой внѣшней культуры, проглядывавшей сквозь общую бѣдность и сѣрость. Однако, большинство, несомнѣнно, происходило изъ низовъ, не босяческихъ, не «пролетарскихъ», но городскихъ, провинціальныхъ, можетъ быть, крестьянскихъ, изъ той ихъ части, которая инстинктивно тянется вверхъ — «въ люди».

Вяльцевъ зналъ, что очень многіе студенты прошли тяжелую школу деморализаціи — на войнѣ и въ годы революціи. «Во вѣки вѣковъ не забудется чехамъ ихъ заслуга, то, что они подобрали эти остатки русской молодежи, — думалъ онъ. Вѣдь какъ-никакъ та часть ея, что шла на войну, шла за идею спасенія Россіи, несла съ собой и жизнь и высокій идеалистическій порывъ. Что сохранилось въ нихъ отъ этого порыва? — не все же погибло подъ страшнымъ надломомъ души?» И тутъ же поймалъ себя на мысли: «какой я неисправимо русскій! Ну, что-жъ! можетъ быть, именно черезъ русскую нелѣпую толщу человѣчество протащитъ своихъ десять праведниковъ къ Богу!» Онъ вглядывался въ лица — скуластыя, бородатыя, смуглыя, безусыя, суровыя, улыбающіяся. Ему показалось, что при всемъ различіи, одна общая печать лежала на нихъ — отсутствіе молодого веселья, озабоченность,

какая-то примятость, пригнутость. Онъ заговорилъ со своимъ сосѣдомъ, брюнетомъ южнаго типа, съ серьезнымъ и умнымъ выраженіемъ карихъ, рѣзко очерченныхъ глазъ. Лобъ его былъ высокій, покатый, съ начинающейся лысиной, лицо продолговатое, заостренное густой черной бородкой. Воротникъ косоворотки былъ измятый и грязный, но руки съ длинными пальцами были чисты, съ признаками ухода за отточенными ногтями. Манеры обличали воспитаннаго человѣка, и тѣмъ болѣе было странно видѣть грязную бахрому на рукавахъ рубашки.

Студентъ отвѣчалъ сдержанно, но отчетливо, не допуская колеблющихся оттѣнковъ.

— Да, мы всѣмъ обязаны чехамъ. Насъ кормятъ, одѣваютъ и учатъ. Но, знаете, я часто думаю, не лучше ли было бы лечь подъ пули или вообще не появляться здѣсь, чѣмъ пользоваться всѣми этими благодѣяніями. Дѣло, впрочемъ, не въ чехахъ, а въ насъ. Сердце у чеховъ доброе, да насъ-то слишкомъ много. Сознывая это, и я, и многіе изъ моихъ товарищей чувствуемъ себя зажатыми въ какіе-то тиски...

Онъ грустно улыбнулся и поздоровался съ подошедшимъ къ нему товарищемъ.

— Ну, что, коллега, сдали минимумъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще. Чешскій остался. Здорово трушу.

— Все-таки подзубрили?

— Зубрилъ-то, зубрилъ, да у меня голова ужъ такая: чего не понимаю, того не запомню, а въ чешскомъ языкѣ все такъ непонятно, что чортъ ногу сломить. Ну, да какъ-нибудь сойдетъ. Чехъ добрый. А какъ обѣдъ сегодня?

— Неважно. Сыты не будете. На хлѣбъ налегайте, — и, обратившись къ Вяльцеву, добавилъ:

— Здѣсь только то и хорошо, что хлѣба вволю даютъ...

Товарищъ сѣлъ и немедленно «налегъ» на хлѣбъ. Онъ былъ одѣтъ такъ же бѣдно, но опрятно. Въ противоположность первому, у него было довольно чистое бѣлье, но руки зазубрили и въ мозоляхъ — очевидно, онъ не избѣгалъ черной работы. Лицо у него было плоское, широкое, въ рябинкахъ, развитыя челюсти съ крѣпкими, бѣлыми зубами, которыми онъ въ одно мгновеніе разгрызъ поданную ему мясную подошву. Въ его свѣтлыхъ, мало выразительныхъ глазахъ говорилъ въ эту минуту только голодъ, чувствовался неудовлетворимый аппетитъ. Онъ жадно проглатывалъ одинъ кусокъ хлѣба за другимъ и сдѣлалъ шутливый упрекъ «подавальщицѣ»: — «вы, молъ, Анна Ивановна, обидѣли меня сегодня, не жаркое принесли, а такъ, въ родѣ жаренаго зефира что-то».

Вяльцевъ поговорилъ и съ нимъ. Онъ узналъ, что студентъ стираетъ самъ свое бѣлье, умѣетъ и гладить. Самъ себѣ и платье, и сапоги чинить, и въ деньгахъ «не такъ, чтобы очень ужъ нуждался»: если и бываетъ недохватка дней на пять — не больше, тогда подработать можно. Недавно онъ мѣсто имѣлъ — по вечерамъ въ гардеробной служилъ, но теперь некогда — учиться надо. Когда кончатся экзамены, въ деревню уйдетъ, работать будетъ. Онъ и въ прошломъ году работалъ на поляхъ у земледѣльцевъ. Ухъ, какъ трудно было, работа отъ зари до зари, плата ничтожная, кормили скудно... Ну, ничего, на свѣжемъ воздухѣ быть, по крайней мѣрѣ, и на ѣду не тратился, осенью костюмъ купилъ...

Вяльцевъ еще что-то спросилъ его о студенческой жизни, и оба горячо заспорили, что было бы лучше:

кормить впроголодь шесть тысячъ человѣкъ или поставить въ нормальныя условія половину.

Свѣтлоглазый студентъ доказывалъ, что лучше ужъ кормить и спасти больше, потому что, если не измѣнять общаго отношенія къ студентамъ, то и половина оказалась бы въ томъ же положеніи. Онъ долго доказывалъ бы еще свою мысль, если бы къ нему не подошла молоденькая дама, тоже болѣе чѣмъ скромно одѣтая, въ плохо сшитомъ платьѣ, въ розовой шляпкѣ, съ груднымъ младенцемъ на рукахъ. Она наклонилась къ нему:

— Коллега Безпаловъ, у меня къ вамъ просьба: мой Ваня заболѣлъ, лежитъ «съ температурой», а у него послѣзавтра, вы знаете, экзаменъ. Денегъ нѣтъ ни геллера. Надо пойти къ доктору, попросить какого-нибудь лѣкарства, да занять кронъ десять-пятнадцать... до получки...

Она умоляюще смотрѣла на Безпалова, тотъ соображалъ:

— Такъ вы хотите, чтобы я... то-есть, произвелъ заемъ...

Дама кивнула головой.

— Мудрено... подождите... подождите... развѣ вотъ у Румянцева. Онъ вчера въ карты игралъ и, должно быть, выигралъ.

Безпаловъ всталъ, и они отошли къ сосѣднему столу.

Въ залѣ стоялъ сдержанный гулъ. Пахло щами и кухней. Почти всѣ курили, часто бранились съ прислужницами, которыя медленно подавали. Тѣ ссылались на кухню: «задерживаютъ», «непорядки съ посудой», «каторга». Одни изъ посѣтителей уходили, другіе приходили. Многіе являлись сюда, какъ въ клубъ —

не обѣдать, но разговаривать о дѣлахъ. Въ углу у противоположной стѣны, сидѣли «интеллигенты» — кліенты комитета, выдававшего «усталымъ и больнымъ» культурнымъ работникамъ особыя ссуды. Около представительнаго господина, невысокаго, корректнаго и строгаго, стояли двѣ дамы, одна старше, другая помоложе, въ костюмахъ, не разъ приспособлявшихся къ модѣ, и вопросительно заглядывали ему въ глаза:

— Такъ что же, Александръ Леонтьичъ, выдадутъ намъ въ будущемъ мѣсяцѣ или нѣтъ? У меня мужъ ничего не заработалъ, а я только что изъ больницы вышла. Вотъ свидѣтельство.

Господинъ дѣлалъ строгое лицо:

— Не знаю, милая барыня, не знаю. Прикажетъ начальство — выдадимъ. А не прикажетъ — не выдадимъ. Съ вопросами вашими обратитесь къ предсѣдателю. Свидѣтельство давайте, я пріобшчу къ дѣлу...

— Александръ Леонтьичъ, дорогой, вы ужъ похлопочите, вы ужъ сдѣлайте, что можно. Сами знаете, каково наше положеніе...

— Не вы одни, не вы одни...

Столы посрединѣ залы занимала «бюрократія». Она же и «аристократія» той большой организаціи, которая вѣдала бѣженскими дѣлами. Почтеннаго вида старикъ въ клѣтчато-мъ сѣромъ пиджакѣ и засаленномъ лиловомъ галстухѣ лѣвой рукой охорашивалъ узкую сѣдую бородку, а правой что-то дирижировалъ на ухо своему сосѣду, на что сосѣдъ, обжигаясь горячими щами, безпрестанно кивалъ головой:

— Конечно, Осипъ Ивановичъ... совершенно справедливо, Осипъ Ивановичъ... разумѣется-съ, безъ общественнаго элемента никакъ нельзя-съ...

Вяльцевъ уже нѣсколько разъ бывалъ въ этой сто-

ловой и успѣлъ присмотрѣться и къ ея порядкамъ и посѣтителемъ. Несмотря на то, что онъ всѣми силами души боролся съ соблазномъ сарказма, онъ, при всемъ стремленіи видѣть все съ положительной стороны, не могъ подавить въ себѣ той иронической наблюдательности, которая давала ему такой богатый матеріалъ во время его странствій. Онъ понималъ, что и здѣсь, въ Прагѣ, какъ, вѣроятно, и въ другихъ большихъ городахъ Европы, шла въ широкомъ масштабѣ игра въ общественность, съ той только особенностью, что игроки не выдвигались на первый планъ. На виду были солдаты арміи общественниковъ, въ лучшемъ случаѣ младшіе офицеры, но вожди дѣйствовали скрытно, имѣя въ своемъ распоряженіи и главный штабъ и представительства, и фонды, и печать, и развѣдку.

Ставка была крупная — обладаніе Россіей. Партіи, теоріи и программы тянулись къ ней, готовясь спасать, миротворить, благодѣтельствовать, особенно же владѣть и «пожинать». Поэтому и игра, естественно, велась крупная. Заинтересованныхъ лицъ, русскихъ и иностранцевъ, политиковъ, промышленниковъ и разныхъ политическихъ маркитантовъ было такъ много, что волна, разведенная честолюбцами, спасавшими Россію каждый на свой ладъ, возбуждала политическіе круги всей Европы. Война собственно не прекращалась ни на минуту. Вожди различныхъ теченій, какъ рыцари въ доброе старое время, старались «просвѣтить», гдѣ можно, по-своему темныхъ, неразвитыхъ и морально-неустойчивыхъ людей, то подкупая ихъ «положеніями въ общественности», которая прозрачно маскировала политическую игру, — то соблазняя лозунгами идеальныхъ достиженій, то прельщая перспективами побѣды. «Волки и овцы, какъ и тамъ», — съ горечью думалъ Вяльцевъ, вспоминая Россію. «И все это

ни къ чему — и тѣ и другіе провалятся, какъ только появится Человѣкъ. Здѣсь я его не вижу».

И оглядывая залъ, наполненный живыми людьми, «личностями», онъ не могъ рѣшить, или, вѣрнѣе, сегодня отводилъ отъ себя вопросъ, на благо или на зло будущему «человѣку» откармливается подошвами вся эта старая «общественность». «Молодежь лучше — она общается что-то»...

Расплатившись, онъ направился уже къ выходу, какъ вдругъ его окликнули. Онъ оглянулся на столикъ посреди залы и увидаль за нимъ Клеопатру Ивановну, Азбелева и стройнаго, красиваго чеха, одѣтаго въ землисто-зеленую военную форму. Они уже кончили обѣдать, пили пиво и весело смѣялись. Клеопатра Ивановна была почти нарядна въ своемъ свѣтломъ костюмѣ и небольшой шляпкѣ съ цвѣтной ленточкой, завязанной простымъ бантомъ. Она весело хохотала, слушая рассказъ офицера о томъ, какъ онъ изучаль характеръ сибирскихъ женщинъ и какъ дорого поплатился за это изученіе — его женили, и онъ бѣгствомъ долженъ былъ спастись отъ своей жены. Однако, Вьяльцевъ замѣтилъ, что веселость Клеопатры Ивановны была искусственная, — въ голосѣ и смѣхѣ чувствовалась напряженность, и глазами она старалась не встрѣчаться съ нимъ.

— Дмитрій Павловичъ, — сказала она, неожиданно и круто оборвавъ смѣхъ и повернувшись къ Вьяльцеву, но не поднимая глазъ: — утромъ ко мнѣ заходилъ профессоръ Морковниковъ и спрашиваль, не знаю ли я кого-нибудь, кто взялся бы проредактировать переводъ съ англійскаго. Сама я отказалась, потому что меня испугаль переводъ мудреной, спеціальной книги. Я ука-

И подняла глаза — медленно, съ трудомъ.

— Спасибо. Мнѣ деньги нужны. Я охотно займусь этимъ переводомъ, если ученость окажется и мнѣ по силамъ...

И улыбнулся. Когда говорила, читалъ въ ея глазахъ: «ты долженъ ко мнѣ притти, я не хочу, чтобы ты ушелъ такъ, какъ ты ушелъ вчера». Его отвѣтный взглядъ, какъ молнія скользнувшій по ея лицу, былъ неопредѣлененъ: «не знаю»... Когда онъ перевелъ глаза на Азбелева, тотъ пристально и остро смотрѣлъ на него. Между ними завязался тотъ безмолвный поединокъ мыслей и чувствъ, который, независимо отъ воли, или опутываетъ людей нѣжной паутиной дружбы, или поселяетъ вражду. Въ сознание не проникло ни одно, ни другое, была лишь загадка. Вяльцевъ хотѣлъ было уйти, но Азбелевъ удержалъ его. Они вышли всѣ вмѣстѣ, проталкиваясь сквозь хмурую толпу бѣженцевъ, искавшихъ въ «организациі» защиты, хлѣба и крова. Всѣ отѣнки недобрыхъ человѣческихъ чувствъ отражались на лицахъ толпы: озлобленіе, лишенія, болѣзнь, голодъ, усталость, нетерпѣніе, но больше всего — тупое равнодушіе ко всему, кромѣ пищи и крова.

Поднялись по ступенькамъ лѣстницы, ведущей изъ передней на улицу, Клеопатра Ивановна незамѣтно сжала руку Вяльцеву и шепнула:

— Я дурной сонъ видѣла. Будь остороженъ съ этимъ человѣкомъ.

При выходѣ простились. Клеопатра Ивановна и ея красивый поклонникъ пошли влѣво, а Вяльцевъ и Азбелевъ завернули по Индржишской и вышли на Вацлавскую площадь. Азбелевъ предложилъ побесѣдовать за кофе, но Вяльцевъ былъ въ этотъ день занятъ, и они условились встрѣтиться послѣзавтра.

ХІІІ

Вяльцевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которые не привыкли заботиться о себѣ, увѣренные, что провидѣніе или судьба ихъ не оставитъ. И точно, не жалуясь, не дѣлая даже какихъ-либо усилій, онъ никогда не нуждался и, обезпечивъ себя на сегодня, не думалъ о завтрашнемъ днѣ. Онъ словно бралъ отъ жизни, естественно и просто, все необходимое и ровно столько, сколько было нужно для ближайшаго времени. Изнашивалась ли одежда, нужны ли были сапоги, онъ зналъ навѣрное, что подвернется случай заработать ту сумму, какая была необходима для расплаты. Когда его звали побесѣдовать о серьезномъ, онъ принималъ приглашеніе съ тѣмъ же благодушіемъ и простотой, какъ говорилъ о Богѣ и важнѣйшихъ вопросахъ жизни. И то, что онъ говорилъ, производило часто меньше впечатлѣнія, чѣмъ сама его неторопливая, примиряющая рѣчь, тихій, задушевный голосъ и мягкая, добрая улыбка.

Это благодушіе и примиренность обыкновенно передавались присутствующимъ и создавали настроеніе, въ которомъ обычная безцеремонность русской застольной рѣчи казалась неумѣстной, и, въ присутствіи Вяльцева, говорили обыкновенно о такихъ предметахъ, о которыхъ рѣдко говорятъ за похлѣбкой и кусками варенаго мяса. Русскіе люди не любятъ долгихъ бесѣдъ на возвышенныя или отвлеченныя темы, но Вяльцевъ умѣлъ во-время остановиться и обладалъ рѣдкимъ качествомъ не засиживаться и никого не стѣснять, словомъ, всюду, гдѣ онъ бывалъ, у людей самыхъ разнообразныхъ положеній и взглядовъ, онъ производилъ хорошее, часто глубокое впечатлѣніе.

Такъ и теперь, въ Прагѣ, держась въ сторонѣ отъ

всякихъ благотворительныхъ учрежденій, онъ не испытывалъ нужды. Жилъ скромно, но не голодалъ, даже сдѣлалъ себѣ новый костюмъ, завелъ бѣлье и большевицкій картузь замѣнилъ мягкой фетровой шляпой. Исполнилъ нѣсколько трудныхъ переводовъ на иностранные языки, изъ двухъ-трехъ философскихъ журналовъ получилъ деньги. Это дало ему возможность спокойно прожить нѣсколько недѣль и присмотрѣться къ тому, какими духовными интересами жили русскіе люди въ Прагѣ. Ему хотѣлось выяснить, намѣчались ли среди пражскихъ бѣженцевъ силы, на которыя могла бы опереться будущая общественность Россіи. Ему казалось, что тотъ идеалъ человѣка грядущей эпохи, который замѣнить собой современную хамскую обнаженность, уже волнуетъ русскихъ людей, и они ждали только какого-то внутренняго толчка или чудотворнаго слова, чтобы найти въ своей средѣ этихъ избранниковъ судьбы.

Вяльцевъ перебивалъ въ разныхъ кругахъ и многихъ, какъ онъ самъ выражался, испытывалъ огнемъ живой мысли. Стараясь удерживать себя отъ осужденія, онъ видѣлъ однако, что подавляющее большинство жило интересами дня, теряло силы на борьбу съ нуждой и мечтало о возвратѣ къ прошлому. Лишь немногіе, очень немногіе сохраняли способность къ внутреннему созерцанію и провѣркѣ духовныхъ основъ своего бытія, неизмѣнныхъ при всѣхъ условіяхъ внѣшняго быта. Но то были люди отвлеченной и пассивной мысли, уходившіе въ себя и сторонившіеся отъ всего, что могло бы нарушить ихъ относительный покой — они не хотѣли совершить ни малѣйшаго усилія, чтобы внутреннюю свободу, ими достигнутую, распространить дѣломъ или словомъ на своихъ ближнихъ. Главное, что поражало его въ интеллигентныхъ и даже ученыхъ людяхъ русской

колоніи, это — непониманіе того громаднаго душевнаго сдвига, который выражалъ революцію, во много разъ лучше, чѣмъ, такъ называемыя, ея реальныя завоеванія! Не политическіе перевороты съ ихъ честолюбцами и подставными героями опредѣлили этотъ душевный сдвигъ, какъ не экономическія причины подготовили явленіе Христа. Вѣка духовной народной тѣсноты и невѣжества докатились въ міровой войнѣ до своего логическаго конца, и милліоны душъ осознали, что дальше такъ жить было нельзя. И пока политическіе дѣятели занимались подготовкой новыхъ государственныхъ формъ, люди переходнаго типа, какъ Вяльцевъ, стали ждать, если не новаго Мессію, то такого избранника, который на вопросъ «какъ же жить?» отвѣтилъ бы такимъ же великимъ словомъ, какимъ когда-то было слово «любовь», произнесенное Христомъ.

На Вяльцева стали смотрѣть то какъ на чудака, то какъ на неудачнаго проповѣдника. Нѣкоторые утверждали даже, что онъ — католикъ восточнаго обряда и подготавливаетъ умы къ соединенію церквей. Этой идеи онъ, впрочемъ, и самъ не отвергалъ, не считая существеннымъ придерживаться тѣхъ историческихъ недоразумѣній, что повели къ раздѣленію. Въ католицизмъ ему не нравилось другое — суровая догма, мѣшавшая свободному исканію истины.

Было бы лишь пониманіе, что, стремясь осмыслить свою жизнь, люди тѣмъ самымъ становятся на путь познанія Бога. Но они — дѣти, отрицающія воздухъ только потому, что его не видятъ. Однако, они хотятъ имѣть солнечное тепло и свѣтъ, не зная, что воздухъ служить проводникомъ и того и другого. Для ученыхъ то, что говорилъ Вяльцевъ, было слишкомъ просто. Они привыкли за оболочкой мысли не искать чувства, которое было цѣннѣе самой мысли, ибо въ немъ-то и заключа-

лась стихія, разносящая свѣтъ и тепло мысли въ чело-
вѣческія сердца. Вяльцева не понимали тѣ, что не вду-
мывались въ простое и ясное, что простое и ясное пред-
почитали находить въ обходныхъ путяхъ сложныхъ и
запутанныхъ формулъ. Ближе становился Вяльцевъ къ
чуткой молодежи, къ людямъ неученымъ, но пытли-
вымъ, тревожно ищущимъ. Профессора спрашивали:

— Вы не читали послѣдней статьи Булгакова?

И думали про себя :

— Тебѣ бы, милый, поучиться надо.

Вернувшись съ лекціи своего ученаго мужа, одна
изъ дамъ сказала:

— Я ничего не поняла изъ твоего доклада. Думаю,
что и другіе не поняли твоихъ тонкостей, а вотъ когда
Дмитрій Павловичъ объяснилъ мнѣ, что ты хотѣлъ
сказать, я все поняла, и мнѣ было хорошо отъ его
словъ...

Профессоръ снисходительно улыбнулся:

— Это потому, душенька, что философія — не
женское дѣло, а Вяльцевъ твой — дилетантъ.

Ученый біологъ, вслушавшись однажды въ рассу-
жденія Вяльцева о новой религіи, замѣтилъ:

— Религія должна быть всегда старой, на то она —
и религія. Все новое — это по нашей части. Знаете ли
вы, напримѣръ, о яйцахъ динозавра, найденныхъ въ Си-
бири?

Инженеры и механики, почитавшіе себя учеными,
каждый по-своему, давали ему понять приблизительно
одно и то же:

— Душа ваша вздоръ. Вы создайте изъ нея маши-
ну, которую можно смазывать, и она повезетъ васъ,
куда хотите, да еще и кормить будетъ.

Старый профессоръ, одинъ изъ самыхъ популяр-

ныхъ, долго молча слушалъ Вяльцева и подъ конецъ заявилъ:

— Вы правы. Я не материалистъ. Но не говорите мнѣ о Богѣ. Это вызываетъ меня на размышленія, а я убиваю ихъ трудомъ. Начнешь размышлять — не выживешь, а у меня семья.

Такъ говорили ученые. Молодые, казалось, были довольно беззаботны къ высшимъ стремленіямъ духа, но въ ихъ запросахъ все же было больше движенія въ область непознаннаго, чѣмъ въ средѣ, почитавшей себя ученой. Вяльцевъ засталъ нѣсколько кружковъ, гдѣ читали и говорили о предметахъ высшаго порядка, но имъ не доставало руководителей — духовныхъ вождей. Не видалъ онъ и выдающихся лицъ въ той молодежи, которую наблюдалъ.

Или они скрывались... Вяльцевъ не зналъ. Многіе изъ студентовъ писали стихи, помѣщали статьи и замѣтки въ газетахъ и журналахъ, иные пробивали себѣ путь къ общественному поприщу. Вяльцевъ настраивалъ себя на снисходительное отношеніе — онъ зналъ, какъ нелегко дается имъ жизнь, и сколько душевныхъ надломовъ испытали они прежде, чѣмъ получили возможность учиться. Только одинъ кружокъ раздражалъ его — тотъ, что заявлялъ о своемъ разрывѣ съ «отцами». Не то, чтобы Вяльцевъ особенно стоялъ на сторонѣ «отцовъ», не то, чтобы онъ извѣрился въ пытливости умовъ молодого поколѣнія, но самый споръ «дѣтей» съ «отцами» внѣ живого общаго дѣла, представлялся ему бессмыслицей.

И когда споръ между «отцами и дѣтьми» послужилъ предметомъ оживленныхъ публичныхъ сужденій, онъ, несмотря на свое принципиальное сочувствіе «дѣтямъ», не безъ удовольствія слушалъ, какъ знаменитые

и заслуженные «папаши» снисходительно «сѣкли» зарвавшихся въ отрицаніи юнцовъ.

— Есть русская пословица, — пошутилъ одинъ изъ «отцовъ»: — у матушки свиньи родятся не телята, а все поросята.

— Вы мнѣ не голыя утвержденія или отрицанія давайте, — говорилъ Вяльцевъ студентамъ послѣ длинной бесѣды, — а укажите мнѣ основу, на которой вы строите ваши гипотезы будущаго. Такой основы я у васъ не вижу.

— А у нашихъ «отцовъ?» — спрашивали студенты.

— У нихъ — мышленіе, обоснованное наукой...

— Позитивизмъ? — сорвалось у одного, самаго молодого, самаго рьянаго спорщика.

— О, нѣтъ, не въ такомъ узкомъ смыслѣ...

— А у васъ? — перебилъ его другой: — У васъ эта основа есть? Вы съ кѣмъ — съ ними или съ нами? Въ волосахъ вашихъ сѣдина, а душа молодая... Гдѣ же ваша основа?

Вяльцевъ становился серьезнымъ, и лицо его принимало строгое, почти аскетическое выраженіе:

— Моя основа — Богъ. Въ этой основы я — ничто.

Фанатическій огонекъ загорался въ его глазахъ, а студенты умолкали, чувствуя бесполезность дальнѣйшихъ вопросовъ.

Но Вяльцевъ самъ уже не могъ остановиться и начиналъ говорить о грядущемъ преображеніи міра, когда люди поймутъ, что нѣтъ ни границъ, ни государствъ, ни сословій, и придутъ добровольно къ мысли о томъ, что они — человѣчество, одна семья и, дѣйствительно сплотятся по внутреннему побужденію, безъ насилія. Это случится тогда, когда извѣрятся въ теоріяхъ, догматическихъ только немногимъ, и въ основу человѣческой

сознательности положить свѣтъ евангельской истины, доступной всѣмъ.

— Ну, допустимъ, — спрашивали его, — явится вашъ Человѣкъ. Что же онъ сдѣлаетъ?

— Ничего... Только скажетъ людямъ, какъ Христосъ, слово любви и мира. Слово это тихимъ лучомъ волеется въ темень людского безумія, подъ грохотъ цѣпей и оружія, и остановитъ его. Будетъ такая минута. Надо приготовить ее...

— Это будетъ новый пророкъ, новый человекобогъ?

— Никто... духъ, который зажжетъ миллионъ человѣческихъ сердецъ.

Изъ студентовъ выдѣлилось нѣсколько молодыхъ людей, которые любили вести съ Вяльцевымъ долгія бесѣды на религіозныя темы. Онъ не безъ внутренняго удовлетворенія замѣчалъ, что то были большею частью серьезные, трезвые и строгіе къ себѣ молодые люди.

Однажды, послѣ длинной бесѣды и горячихъ споровъ, студентъ Немѣшаевъ, восторженный и пылкій сказалъ:

— Вы говорите прекрасно, Дмитрій Павловичъ, но что-то не даетъ мнѣ увѣровать въ васъ! Подвига не достаетъ, что ли...

— Внѣшняго дѣйствія?

— Можетъ быть...

Вяльцевъ улыбнулся, внимательно посмотрѣлъ на Немѣшаева и отвѣтилъ:

— А вы не въ меня вѣруйте, а въ себя, и въ себѣ создавайте почву для внутренняго подвига, котораго никто, кромѣ васъ, не увидитъ.

Въ тотъ же вечеръ Немѣшаевъ былъ у Вяльцева, и оба они рѣшили вмѣсто бесѣды прочесть главу изъ

Евангелія — отъ Іоанна. Прочли и оба ощутили въ себѣ ту тихую взволнованность, которая раскрываетъ сердца и позволяетъ читать мысли безъ словъ. Долго молчали, боясь облекать свое настроеніе въ грубую оболочку рѣчи. Все показалось имъ понятнымъ и яснымъ въ тотъ вечеръ. И когда Немѣшаевъ всталъ, чтобъ уйти, Вяльцевъ, обнялъ его у двери, и Немѣшаевъ, взволнованный и блѣдный, смущенно, не поднимая глазъ, ушелъ, не прощаясь. На утро Вяльцевъ получилъ отъ него записку: «Да не смущается сердце ваше, въ Бога вѣруйте и въ Меня вѣруйте» (Іоаннъ, 14. І.)... То, что мы поняли вчера, поняли чрезъ Бога. Не будемъ говорить о Немѣ».

XIV

Однажды, послѣ бесѣды со студентами, которые стали называть себя «его» группой, Вяльцевъ зашелъ къ профессору Морковникову. Онъ долженъ былъ отдать исполненный имъ переводъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, попросить у Морковникова рекомендательное письмо для переписчицы, молоденькой студентки, еврейки, надрывавшейся надъ работой, чтобы прокормить себя и свою больную мать.

За чайнымъ столомъ, кромѣ профессора и его жены, рыхлой и вульгарной дамы, сидѣлъ инженеръ Вязмитиновъ, сѣдой, сгорбленный, почти горбатый, съ краснымъ носомъ надъ тонкими, бритыми губами, и священникъ, еще не старый, полный, по репутации — выдающийся ораторъ. Вяльцевъ засталъ разговоръ какъ разъ въ ту минуту, когда Вязмитиновъ нападалъ на молодежь, обвиняя ее въ отсутствіи духовныхъ интересовъ и матеріализмѣ. Грубоватый и несдержанный, Вязмитиновъ выражался кратко, но рѣзко:

— Гдѣ имъ до науки, когда среди нихъ терпятъ социалистовъ и жидовъ!

Хозяинъ мягко возражалъ, доказывая, что евреевъ въ студенческой массѣ сравнительно немного, что въ ней большинство бывшіе военные, люди дисциплины и «правильныхъ» государственныхъ взглядовъ.

Вязмитиновъ не унимался:

— Эти тоже хороши, ваши военные: больше по кабакамъ сидятъ да въ карты играютъ... Половина изъ нихъ — дармоѣды. Въмѣсто того, чтобы учиться, они политическіе митинги устраиваютъ, заявленія публикуютъ въ газетахъ, играютъ роль «общественныхъ» дѣятелей. Ихъ вожаки или, какъ они называютъ себя на жаргонѣ — лидеры, — темные авантюристы... Впрочемъ и мы хороши: готовы допускать жидовъ къ защитѣ диссертаций.

Онъ назвалъ молодого ученаго съ еврейской фамиліей. Хозяинъ учтиво замѣтилъ, что хотя еврейское имя и не можетъ украсить списка русскихъ профессоровъ, однако, диссертация, по отзыву специалистовъ, очень цѣнная, къ тому же авторъ — человѣкъ не только умѣренныхъ, но даже правыхъ взглядовъ.

— Еще хуже, если его диссертация хороша, — кипятился инженеръ:— жида — народъ способный... Что же касается до правыхъ взглядовъ этого ученаго, то это сплошное лицемеріе, такъ какъ всѣ они, по природѣ своей большевики во всемъ, что касается христіанъ.

Вяльцевъ робко замѣтилъ, что не ему, въ присутствіи духовной особы — онъ взглянулъ на священника, — напоминать, какъ истинные христіане должны относиться къ евреямъ. Но что касается студентовъ, онъ просилъ бы разрѣшенія подѣлиться своими впечатлѣніями. Основная масса студенчества — говорилъ онъ — работаетъ много и героически борется съ тяжелыми

условіями, въ которыхъ живетъ. Приходилось ему слышать и отзывы профессоровъ, особенно по спеціальнымъ наукамъ, что русскіе студенты работаютъ съ исключительнымъ прилежаніемъ.

Вязмитиновъ окинулъ его холоднымъ жесткимъ взглядомъ, въ которомъ были и презрительная насмѣшка и сокрушеніе: «вишь, молъ, какой защитникъ выискался». Хозяинъ, поглаживая рыжую сѣдѣющую бородку, старался примирить оба взгляда:

— Да, конечно, большинство работаетъ. Это, смѣю полагать, — онъ улыбнулся въ сторону Вязмитинова, — и Аполлонъ Ивановичъ признаетъ. Но есть и лодыри... Слава Богу, число ихъ замѣтно уменьшается.

Вмѣсто отвѣта Вяльцеву, Вязмитиновъ обратился къ хозяйкѣ:

— Анна Александровна, я надѣюсь — вы согласны со мной? — по милости жидовъ мы все потеряли въ Россіи, а здѣсь ихъ будемъ поддерживать! Благодарствуйте, молъ, вамъ и за Ленина, и за Троцкаго и за прочихъ хриstopродавцевъ!..

— Да, и я говорю, — отозвалась Анна Александровна, натягивая на плечи полосатый платокъ, — зачѣмъ евреямъ ходу давать, когда есть свои, русскіе?

Вяльцевъ почувствовалъ, что ему лучше не заговаривать о рекомендательномъ письмѣ.

Хозяину было непріятно то, что сказала его жена. Онъ не хотѣлъ, чтобы Вяльцевъ, въ которомъ онъ чувствовалъ человѣка изъ другого міра, вынесъ неблагоприятное впечатлѣніе объ его взглядахъ.

— Да, — повторила Анна Александровна, — евреи помогаютъ только своимъ, и мы должны больше о своихъ думать.

— Ну, ты разсуждаешь по-женски, — замѣтилъ Морковниковъ и обратился къ священнику:

— Вы, отецъ Петръ, не такъ жестоки, какъ Аполлонъ Ивановичъ?

Отецъ Петръ отеръ губы шелковымъ платкомъ и сказалъ съ легкимъ вздохомъ:

— То-есть, видите ли, если и есть какая погрѣшность въ словахъ почтеннаго Аполлона Ивановича, то погрѣшность, да позволено мнѣ будетъ такъ выразиться, слуховая, а не логическая. Христосъ заповѣдалъ намъ любить и враговъ нашихъ, стало быть и іудеевъ, а дѣло кесарево повелѣваетъ любить своихъ единоплеменниковъ паче иныхъ. Почтеннѣйшая Анна Александровна права. Такъ какъ евреи помогаютъ только своимъ, то и намъ, думается мнѣ, слѣдуетъ во всѣхъ практическихъ случаяхъ жизни помогать предпочтительно единоплеменникамъ.

Погладивъ бороду и оправивъ крестъ на груди, онъ солидно умолкъ.

Вяльцевъ не сталъ возражать — было бы бесполезно — только покраснѣлъ и рѣшилъ какъ можно скорѣе закончить свое посѣщеніе. Онъ передалъ рукопись. Морковниковъ сталъ перелистывать ее. Священникъ о чемъ-то тихо, поглядывая на Вяльцева, заговорилъ съ Вязмитиновымъ.

— Нина, иди чай пить, — крикнула профессорша дочери за перегородку.

— Дай мнѣ сюда. Къ вамъ не хочу, — слышался капризный дѣвичій голосъ.

— Это еще что за фантазія? — вспылила мать. — Иди сейчасъ же сюда!

— Не пойду. Сказала — не пойду! — и не пойду...

— Ниночка, нельзя же такъ, — кротко вмѣшался отецъ. — Она у насъ избалована, — продолжалъ онъ съ виноватой улыбкой, — одна, вѣдь... И, повышая голосъ, замѣтилъ:

— Иди скорѣе, не-то мы съ Аполлономъ Ивановичемъ твою порцію сладкаго пирога съѣдимъ!

Угроза ли подѣйствовала, другое ли что, но дѣвушка-подростокъ, некрасивая, съ живыми, умными глазами, появилась въ дверяхъ:

— Я только за чаемъ.

— Садись сюда, — сказала профессорша, подавая ей чашку.

— Нѣтъ, мама, я уйду къ себѣ. Во-первыхъ, уроки, а потомъ — у васъ здѣсь ругаются. Я не люблю... И она скрылась за перегородкой.

— Строптивая она у васъ — замѣтилъ Аполлонъ Ивановичъ, нѣсколько уколотый и уже не разъ замѣчавшій недружелюбное отношеніе къ себѣ этого капризнаго ребенка.

— Въ школѣ учиться?—освѣдомился отецъ Петръ.

— Да, въ русской школѣ. Больше, вѣдь, негдѣ.

— А по-моему, — замѣтилъ Аполлонъ Ивановичъ, — я бы держалъ дѣвочку лучше дома, чѣмъ пускать въ эсэровскую школу.

— Ну, какіе тамъ эсэры! — возразила профессорша: — учать, какъ вездѣ. За этимъ я слѣжу.

— А духъ оппозиціи откуда? — спросилъ Аполлонъ Ивановичъ и обратился къ отцу Петру: — Казалось бы, профессорамъ надлежало бы взять въ свои руки воспитаніе дѣтей, а мы проморгали, и у педагогическаго дѣла оказались какіе-то «земгоры».

— Да, мы все проморгали, задумчиво, глядя въ пространство, сказалъ Морковниковъ, и слегка вздохнулъ. — Все, все проморгали, а почему такъ вышло? — Потому что мѣстами считались, не тѣхъ людей поставили вершить наши гуманитарныя дѣла.

Отецъ Петръ загадочно посмотрѣлъ на чайникъ,

изъ котораго хозяйка наливала ему новую чашку, и произнесъ внушительно, понижая голосъ:

— Господь испытываетъ васъ, но онъ же и поми-
луетъ.... Скоро, скоро державный царь земли русской
во славъ сядетъ на прародительскій престолъ и дастъ
странѣ порядокъ, и все пойдетъ по-хорошему...

Вяльцевъ не выдержалъ:

— Это не случится... Мнѣ кажется, — онъ сму-
тился, чувствуя, что не будетъ понять: — я хочу ска-
зать, что Россія найдетъ себя не скоро... перемѣной об-
раза правленія будетъ сдѣлано еще очень мало. Нужно,
чтобы народныя массы перевоспитались какъ-то по-ино-
му, а какъ именно, т. е. какъ это сдѣлать въ нынѣш-
нихъ условіяхъ, никто не знаетъ...

— Вздоръ! — рѣзко остановилъ его Вязмитиновъ,
— народныя массы быстро перевоспитаются, когда у ца-
ря будутъ урядники и казаки, и тѣмъ и другимъ дадутъ
въ руки хорошія нагайки.

Вяльцевъ смутился окончательно, хотѣлъ что-то
сказать, но остановился и, взглянувъ на часы, сдѣлалъ
движеніе, чтобы встать.

— Сегодня лекція Москательникова, очень инте-
ресная. Вы не пойдете?

Вопросъ относился къ хозяину, но отвѣтилъ за не-
го Аполлонъ Ивановичъ:

— Мы не посѣщаемъ лекцій, которыя читаются
въ Земгорѣ... Кто бы ни читалъ, и о чемъ бы ни чита-
лось, я туда ни ногой. Пусть ходятъ туда тѣ, кому прі-
ятно видѣть жид... — Вязмитиновъ оступился на этомъ
словѣ и, изобразивъ комическій ужасъ на лицѣ, по-
правился: — не смѣю, не смѣю... скажу иначе: кто хо-
четъ видѣть двѣнадцать колѣнъ израилевыхъ...

За перегородкой шумно захлопнулась книга и по-
слышалось какое-то движеніе, потомъ негодующія сло-

ва. Мать покраснѣла и переглянулась съ мужемъ. Гости предпочли ихъ не разслышать. Но Вяльцевъ уловилъ:

— Низость, гадость...

Профессорша задвигала чашками.

— Какая у васъ славная дочка, — сказала Вяльцевъ профессору, пожимая ему руку въ передней.

— Да, — сокрушенно улыбнулся профессоръ: дѣвочка чистая и честная, да только трудно съ ней...

Вяльцевъ унесъ странное и нездоровое впечатлѣніе и думалъ о дѣвочкѣ, которая, какъ цвѣтокъ на каменистой почвѣ, жадно тянулась къ жизненной правдѣ и свѣту.

XV

Ружена Францевна ввела Обручева въ обширный кругъ своихъ чешскихъ родныхъ и знакомыхъ. Какъ скромный, немудрящій, осторожный на слово человекъ, онъ былъ вездѣ радушно принятъ и вскорѣ постигъ тайну успѣха среди чеховъ. Надо было не совать на видъ своего превосходства, быть радушнымъ, учтивымъ и, главное — простымъ и естественнымъ. Тогда все то, что могло бы казаться въ чехахъ прирожденнымъ лукавствомъ и неискренностью, превращалось въ исключительную деликатность и самое сердечное дружелюбіе. Когда же узнали, что Обручевъ — женихъ Ружены Францевны, привѣтствіямъ и приглашеніямъ не было конца. Одна особенность маленькой страны поражала Обручева. Онъ не могъ понять, какъ чехи, эти истинные демократы по духу, могли быть такъ привержены ко всевозможнымъ титуламъ, къ которымъ онъ никакъ не могъ привыкнуть: «господина министерскаго совѣтника» онъ называлъ просто «господиномъ совѣтникомъ», жену «господина прокуристы» называлъ «гос-

пожей», а не «госпожей прокуристовой», за что и получалъ безпрестанные выговоры отъ своей невѣсты.

По средамъ онъ обѣдалъ у директора банка, дяди Ружены Францевны. Приноровился ѣсть жирнаго гуся съ капустой, за гусемъ укладывалось у него еще какое-нибудь мясо или дичь; непереваримаго шоколаднаго торта, къ удовольствію хозяйки, съѣдалъ куска три и запивалъ все это героическимъ количествомъ пива. По четвергамъ, вечеромъ, встрѣчался у знаменитаго «Флека» со своими будущими сослуживцами и пилъ пиво, закусывая редисомъ. По воскресеньямъ послѣ обѣда угощалъ Ружену Францевну и ея подругъ сластями кондитерской Юлиша и уже не удивлялся, видя, съ какой быстротой таетъ блюдо пирожныхъ, зная, что пражскія дѣвицы сладкое предпочитаютъ нарядамъ. И здѣсь, и тамъ ласково слушалъ, добродушно улыбался, постигалъ чешскій языкъ, проникался пражскими нравами, а, приходя домой, заносилъ свои наблюденія, надѣясь современемъ представить богатый матеріалъ для сравнительной характеристики чеховъ и русскихъ.

Изъ его наблюденій, однако, не получалось никакой отчетливой картины. Никакихъ выводовъ нельзя было сдѣлать, ни изъ отдѣльныхъ отзывовъ, мнѣній, ни изъ отдѣльныхъ фактовъ. Вскорѣ онъ понялъ, насколько опасно было сравнивать чеховъ съ русскими: одни были у себя дома, другіе являлись приживальщиками. Въ сферѣ экономическихъ и дѣловыхъ условій русскимъ приходилось туго. Тамъ, гдѣ отношенія складывались въ линіяхъ общечеловѣческихъ, гдѣ обстоятельства взывали къ участію, состраданію и помощи ближнему, чехи обнаруживали необычайную отзывчивость, за которую онъ не разъ называлъ ихъ «людьми золотого сердца». Вообще же среди чеховъ, какъ и среди русскихъ, онъ встрѣчалъ людей той же непослѣдователь-

ной мысли, мятущейся и ищущей души, какая роднила ихъ мягкой расплывчатостью общеславянской натуры. У русскихъ было татарское иго, у чеховъ — нѣмецкое, и ни тѣ, ни другіе не дали переработать себя на чужой ладъ.

— Да бросьте вы копаться въ этническихъ различіяхъ и оттѣнкахъ, — убѣждалъ его Вяльцевъ: — все вѣдь это вздоръ сравнительно съ тѣмъ великимъ общечеловѣческимъ, что сближаетъ славянина, и англосакса, и негра.

Но Обручевъ не прекращалъ свои записи. Это было для него наслажденіемъ, въ родѣ запоя. Записывать и классифицировать сдѣлалось его страстью. Услышалъ онъ, напримѣръ, что небогатые чешскіе семьи избѣгали сдавать у себя комнаты русскимъ бѣженцамъ, сталъ спрашивать и записывать. Вскорѣ набралась пачка карточекъ. Онъ перечитывалъ ихъ своимъ знакомымъ, выслушивалъ ихъ мнѣнія, и дополнялъ.

Однако, занятія чешскимъ языкомъ и счетоводствомъ брали столько часовъ, что для систематическихъ записей у него не хватало времени. Въмѣсто этого онъ началъ записывать и подбирать типичныя явленія изъ области чешско-русскаго сожительства. Здѣсь Ружена Францевна сама принимала дѣятельное участіе и даже совѣтовала понемногу обрабатывать матеріалъ, чтобы напечатать назиданія, какъ русскимъ бѣженцамъ слѣдуетъ вести себя въ чешской средѣ. Подъ рубрикой «почему чешскія хозяйки избѣгаютъ сдавать комнаты русскимъ?» значились, въ числѣ прочихъ, такіе замѣтки:

— Главная причина: русскіе бѣдны, а бѣдныхъ не уважаютъ.

— Къ русскимъ ходятъ гости, обсиживаютъ мебель, не вытираютъ ногъ. Мебель «утомляется».

— По три раза въ день пьютъ чай, норовятъ по-
пасть на кухню и тамъ настрять.

— По комнатамъ у себя тайкомъ стираютъ бѣлье.

— По вечерамъ или разговариваютъ, когда хозяе-
ва спятъ, или «зря» жгутъ электричество, читая книги.

— На мытье изводятъ много воды, забывая, что
вода денегъ стоитъ.

— Не любятъ, чтобы въ комнатахъ было такъ же
холодно, какъ и на дворѣ.

— Небрежно обходятся съ посудой, швыряютъ
окурки на полъ, дверей за собой не закрываютъ.

— Вѣчно ходятъ другъ къ другу въ гости, часто
получаютъ корреспонденцію, чѣмъ беспокоятъ и поч-
таліоновъ и открывающихъ двери.

— И вообще: ведутъ себя, какъ дома, не стѣсняясь
и не считаясь съ обычаями страны.

Наблюденія, накопившіяся въ теченіе трехъ лѣтъ,
располагались въ исторической послѣдовательности.
Сначала русскимъ, какъ гостямъ, были рады, потомъ
къ нимъ присматривались то съ любопытствомъ, то
съ недоумѣніемъ, наконецъ стали ожидать, когда же
гости уѣдутъ — вѣдь пора бы и честь знать. Русскимъ
уѣзжать было некуда, и вотъ это «некуда» являлось
источникомъ безконечныхъ недоразумѣній. Въ оцѣнкѣ
послѣднихъ наблюдательность Обручева не шла дальше
бытовыхъ отраженій рассказовъ, впечатлѣній и слу-
ховъ.

И самъ понималъ, что общіе выводы были бы еще
преждевременны. Ограничивался только тѣмъ, что заносилъ
ходячія мнѣнія, слышанныя имъ то въ русской, то
въ чешской средѣ. Каждый случай былъ рѣзко индиви-
дуаленъ, и въ немъ перемѣшивалось столько обстоя-
тельствъ и особенностей русскаго и чешскаго харак-
тера, что разбираться въ нихъ было невозможно. Одно

лишь Обручевъ усвоилъ прочно на своемъ личномъ опытѣ: тамъ, гдѣ къ чехамъ относились внимательно, бережно и ласково, они вдвойнѣ тепло и радушно чисто по-человѣчески отвѣчали на дружбу и ласку. Наблюдалось и другое явленіе — критика со стороны самихъ чеховъ.

Чехи, подолгу жившіе въ Россіи, сами жаловались на присущую многимъ изъ ихъ соотечественниковъ мелочность.

— Мы выросли въ неволѣ,—говорилъ одинъ стародружинникъ, — и что же удивительнаго, что мы издавна привыкли считать куски хлѣба. Это Россія такъ велика, что могла бы вобрать въ себя всю Чехію и не замѣтить этого, и ужъ, конечно, не стала бы считать кусковъ.

— А Чехіи, — продолжалъ Обручевъ его мысль, — не подѣ силу накормить нѣсколько десятковъ тысячъ русскихъ...

— Ничего, будетъ подѣ силу, — возражалъ стародружинникъ, — если наши поймутъ, что всѣхъ русскихъ надо затянуть въ работу.

XVI

О томъ же говорилъ и Дрючинъ. Въ тотъ день его постигла неудача въ министерствѣ и онъ заворачалъ на Обручева:

— А вы все пишете?

— Пишу, — отвѣтилъ съ улыбкой Обручевъ.

— И пишете все вздоръ, то-есть не вы лично, а всѣ, кто теперь пишетъ: какіе-то стишки, романы — теперь ли этимъ дѣломъ заниматься? Вы писали бы о томъ, что русскому человѣку, если онъ хочетъ дѣло дѣлать, ходу не даютъ: и работать не смѣй и торговать

не смѣй. Вся промышленность и торговля такъ построены, что только на толстосумовъ работаютъ, а толстосумъ — извѣстно: деньги копить, а дѣлу живой воды не даетъ... Такъ можно было сто лѣтъ назадъ работать. Вотъ вамъ о чемъ писать надо... А то: «братья, братья», а сами изъ насъ, русскихъ, только попрошаекъ дѣлаютъ. Напишите статью, я вамъ такой матеріалецъ дамъ...

— Да вѣдь не напечатаютъ.

— Какъ же не напечатаютъ, если вы дѣло говорить будете? Печатаютъ же ваши, извините, глупые рассказы о томъ, какъ у принца жена сбѣжала и за кондуктора замужъ пошла. А я вамъ тутъ о настоящемъ, жизненномъ говорю.

Обручеву тоже извѣстны были случаи, когда порядочные, дѣловые русскіе люди встрѣчали непреодолимые препятствія для приложенія своей энергіи и, если не уѣзжали въ другія страны, то попадали въ невыгодное для нихъ, зависимое положеніе. Все-таки онъ подыскивалъ примирительныя слова:

— Кто серьезно хочетъ работать здѣсь, находитъ работу, хотя бы и зависимую, хотя бы и скудно оплачиваемую...

А самъ думалъ со страхомъ о той работѣ, которая ждала его въ банкѣ и отрывала отъ письменнаго стола.

Обручевъ зналъ, какія огромныя суммы тратили чешскія власти на русскихъ, на просвѣтительныя учрежденія, на помощь ученымъ, на поддержку людей разнаго званія, даже такихъ, которые не имѣли никакого отношенія ни къ просвѣщенію, ни къ культурѣ. Онъ не вдумывался въ причины этого явленія, была ли здѣсь плата за старую услугу, или политическій расчетъ, или движеніе большого человѣческаго сердца. Его

вниманіе останавливалось на случаяхъ частнаго порядка. Ему казалось, что будущая Россія должна знать имена не только министровъ, умѣвшихъ сочетать движеніе философскихъ идей съ національной политикой, но и простыхъ смертныхъ, обнаруживавшихъ высокое человѣколюбіе и благородство. Какой историкъ доберется впослѣдствіи до именъ врачей, спасавшихъ жизнь сотнямъ русскихъ студентовъ и изъ своего кармана доплачивавшихъ за улучшенный паекъ для болѣе слабыхъ. Правда, онъ не хотѣлъ бы забыть и имени того врача, впрочемъ не чеха, какъ ему рассказывали, который отказался принять престарѣлаго русскаго писателя, сказавъ, что онъ русскимъ не помогаетъ... Къ счастью, такіе случаи бывали, рѣдко. Кому, если ихъ не записать во-время, станутъ извѣстны имена всѣхъ тѣхъ жертвователей, что послали тысячи посылокъ и милліоны кронъ голодающимъ въ Россіи? Ихъ дѣти будутъ когда-нибудь нашими гостями, и тогда оплатимъ имъ нашей русской, широкой добротою за помощь, оказанную ихъ отцами!

— И все-таки вы говорите вздоръ! — продолжалъ неутомимый Дрючинъ: — кто нынче думаетъ о расходахъ? Платить вамъ кто-нибудь долги? Вотъ я, напри-мѣръ, за француза и англичанина сражался, а что отъ нихъ, кромѣ кулака въ зубы, получилъ! Вы знаете, я люблю чеховъ, а есть и изъ нихъ кое-кто, кому не мѣшало бы вспомнить о Россіи...

— О чехахъ вы не должны такъ говорить, — съ запальчивостью перебилъ его Обручевъ, — они не забываютъ о Россіи. Да кромѣ того, есть чехи и чехи.

— Я знаю и люблю только тѣхъ чеховъ, — не сдавался Дрючинъ, — которые на землѣ сидятъ, землю пахутъ и странѣ силу и крѣпость даютъ...

Обручевъ умолкалъ, зная, что Дрючинъ могъ бы говорить о земледѣльцахъ часами.

О чехахъ-земледѣльцахъ Обручевъ слышалъ похвалы со всѣхъ сторонъ:

«Трудолюбивы... изумительные хозяева... землю раздѣлываютъ такъ, какъ не раздѣлываютъ ее ни французы, ни нѣмцы: все берутъ изъ земли, что она можетъ имъ дать»... И у него складывалось представление, что истинная Чехія не въ городахъ, не въ столицѣ, а именно тамъ, гдѣ сама земля учитъ человѣка быть и дѣятельнымъ, и честнымъ. Городская жизнь стираетъ національныя черты.

Взять бы хотя чеховъ, у которыхъ его племянница-студентка снимала комнату. Обручевъ изрѣдка заходилъ къ ней и присмотрѣлся къ обычаямъ семьи, гдѣ жила молодая дѣвушка. Это тѣмъ болѣе легко было сдѣлать, что въ комнату студентки можно было попасть только черезъ жилую комнату — она же была и спальней — хозяевъ. Послѣдніе были люди состоятельные. Хозяйка — толстая, рыхлая женщина, на которой висѣло все, что могло висѣть — щеки, грудь, животъ — встрѣчала Обручева всегда въ одной и той же открытой рубашкѣ и темной юбкѣ, давно потерявшей свой истинный цвѣтъ. Изъ-за рубашки просилось наружу толстое, мясистое тѣло, а рубашка была такъ грязна, что никто бы не сказалъ, сколько понадобилось недѣль, чтобы сообщить ей ея загадочный, пепельно-сѣрый цвѣтъ. Хозяинъ худенькій, щупленькій, невзрачный человѣчекъ, женатый третьимъ бракомъ. Хозяйка разоткровенничалась со своей жилищей. Мужа она не любила и «отвергала», но трогательно сходилась съ нимъ въ копленіи денегъ. У каждого изъ нихъ были свои капиталы, и оба они давали деньги въ ростъ и говорили только о расчетахъ и процентахъ. Не жа-

лѣли денегъ только на ѣду, ѣли часто, жирно и сытно, во всемъ прочемъ скаречничали до противности. Не жгли электричества по вечерамъ, почти не топили печей, читали вчерашнія газеты, взятые у сосѣда, но и эти духовно убогіе, низменно жившіе люди, не были лишены человѣческихъ чувствъ. Когда студенткѣ сократили «иждивеніе», и она заявила, что не можетъ платить ста кронъ въ мѣсяцъ, они совершенно неожиданно и дружно, словно сговорившись, отвѣтили: «Платите, сколько можете. — Мы къ вамъ привыкли. Вы тихая и скромная».

И студентка осталась.

Много рассказывали, впрочемъ, о придирчивости и даже жестокости пражскихъ хозяекъ къ своимъ нанимателямъ, русскимъ бѣженцамъ. Не давали кипятку, лишали свѣта съ девяти часовъ вечера, запрещали принимать посѣтителей, сдавали съ условіемъ, чтобы жильцы пользовались помѣщеніемъ только въ теченіе ночи, а днемъ оно должно было оставаться въ распоряженіи хозяевъ. Сдавая меблированную комнату со шкапами, оставляли шкапы закрытыми и занятыми хозяйскими вещами. Не разрѣшали пользоваться диваномъ, который стоялъ въ сданной комнатѣ. Бѣженское горе учило смирению, и приходилось мириться съ неудобствами много хуже описанныхъ. Рядомъ съ этимъ записывалъ Обручевъ и явленія обратнаго свойства. Студентка Молчанова, подруга его племянницы, жила въ семействѣ нѣкоего Новака. Хозяева крѣпко привязались къ своей жилищѣ, а «пани» Новакъ въ ней положительно души не чаяла. Самъ Новакъ цѣлые дни проводилъ на службѣ, по вечерамъ, чтобы прокормить многочисленную семью, игралъ въ кинематографъ, въ промежуткахъ ухитрялся еще давать уроки скрипки. Его жена, милая, чуткая женщина, съ утра до поздней ночи не покладавшая

рукъ, ухаживала за Молчановой, какъ за родной дочерью. Ее окружали лаской, вниманіемъ, оставляли лучшіе куски за обѣдомъ.

— Пани Новакъ замѣнила мнѣ мать родную, — говорила Молчанова.

Нѣжность хозяйки была такъ велика, что она не жалѣла для нея даже лишней корзины угля, тогда какъ панъ Новакъ послѣ длиннаго трудового дня не рѣшался нарушить правила экономіи и спалъ въ холодномъ чуланѣ.

Вяльцевъ, прочитавъ записки Обручева, сказалъ ему:

— Я радъ, что вы познакомили меня съ вашими наблюденіями. Это подтверждаетъ мою мысль, что чехи — люди, какъ и всѣ. У нихъ уже есть, и еще будутъ мыслители, которые научатъ ихъ не замыкаться въ своемъ чешскомъ націонализмѣ, а выходить на поприще общечеловѣческаго единенія.

Дрючинъ, который тоже любилъ говорить на эти темы, возражалъ:

— Неправда! Чехъ, какъ и русскій, только до тѣхъ поръ и силенъ, пока онъ чехъ и русскій, а прочее все — ерунда, то-есть философія...

Вяльцевъ съ нимъ не спорилъ, но развивалъ свои мысли, гдѣ только могъ. И чѣмъ насмѣшливѣе были улыбки слушавшихъ, тѣмъ убѣжденнѣе излагалъ онъ свои мысли. Вокругъ него образовался небольшой кружокъ молодежи, относившейся къ нему съ большимъ вниманіемъ. Душой этого кружка былъ наклонный къ религіознымъ разсужденіямъ студентъ Немѣшаевъ, съ которымъ Вяльцевъ проводилъ долгіе вечера; они не во всемъ сходились, но всегда понимали другъ друга.

Вяльцевъ любилъ развивать одну и ту же мысль:

«Уже въ воздухѣ носится близость общечеловѣче-

ской солидарности и — не смѣйтесь — любви. Близится эпоха возрожденія, не того, что было основано на жестокой и нечестной греко-римской морали, но иного, того, что указаль намъ Христосъ. Умы и сердца лучшихъ людей Европы уже тянутся къ этому возрожденію и видять первые лучи начинающейся зари. Вѣдь и ученіе Христа — пошло отъ апостоловъ, этихъ первыхъ людей человѣчества»...

Слушалъ эти разсужденія и Обручевъ и записывалъ. Подъ карточкой «Вяльцевъ» стояли у него такія слова, опредѣлявшія его личное мнѣніе:

— Человѣкъ замѣчательный, хотя и непонятный. Фактовъ знаетъ много, но живетъ не реальною жизнью, говорить возвышенно, но неопредѣленно.

Тамъ же было приписано:

— Азбелевъ сказалъ о немъ: «Вяльцева чувствовать надо».

XVII

Было яркое солнечное утро. Ночью прошла гроза, и воздухъ былъ необычно свѣжъ и прозраченъ. Окно коморки Вяльцева упиралось въ крутую зеленую гору, и онъ подумывалъ уже, дописавъ главу англійскаго перевода, пойти побродить по горѣ, какъ въ комнату вошелъ Немѣшаевъ и предложилъ ему отправиться «изучать Прагу». Онъ могъ бы сказать — показывать Прагу, потому что прочелъ и изучилъ пражскую старину до мельчайшихъ подробностей. Вяльцевъ обрадовался: ему давно хотѣлось побродить со знающимъ человѣкомъ и налету усвоить то, на что не было достаточно времени.

Пріятели вышли и направились къ трамваю. Надо было доѣхать до Вацлавской площади, гдѣ къ нимъ

должны были присоединиться еще нѣсколько студентовъ. Добросовѣстно выполняя свою обязанность гида, Немѣшаевъ говорилъ только о стиляхъ и красотѣ Праги.

— Характерная черта пражскаго барокко, — говорилъ онъ, — что стиль этотъ съ поразительной отчетливостью отражаетъ преобладающую черту чешскаго характера: заимствуя, не поступаясь своимъ, примѣнять и приспособлять чужое къ требованіямъ національной традиціи. Вы увидите, какая пестрая смѣсь элементовъ и вліяній создала пражскій барокко: тамъ и солнечная Италія, само собой разумѣется, и сверкающая контрастами Испанія, и сумрачная нѣмецкая красивость. Въ Прагѣ все это пообтерлось, поспорило и помирилось на чудесномъ, насыщенномъ идеями многихъ вѣковъ и народовъ, стилѣ, который, какъ вы видите, дѣлаетъ Прагу однимъ изъ интереснѣйшихъ городовъ міра.

Глаза Немѣшаева блестѣли истиннымъ паѳосомъ восторга, когда онъ расхваливалъ Прагу. Вяльцевъ ласково улыбался. Онъ сознавалъ, что, дружелюбно слушающа Немѣшаева, онъ этимъ однимъ доставлялъ ему огромное удовольствіе.

— Да, — сказалъ онъ, — я помню.. кажется, если память мнѣ не измѣняетъ, еще Гумбольдъ восхищался Прагой...

— Да, — подхватилъ Немѣшаевъ, — онъ считалъ Прагу четвертымъ городомъ по расположенію и разнообразію красокъ...

— Ну, относительно разнообразія красокъ онъ, кажется, перехватилъ, — мягко возразилъ Вяльцевъ: — краски-то довольно скучноваты.

--- Ахъ, нѣтъ! — запротестовалъ Немѣшаевъ: — что вы! возьмите въ цѣломъ: масса зелени, прекрасная рѣ-

ка, краски неба, солнечные блики на куполахъ и башняхъ!

— Ну, это есть, положимъ, въ каждомъ городѣ...

Ему хотѣлось дружески пошутить и подразнить Немѣшаева. Тотъ не сдавался:

— Нѣтъ, не въ такомъ сочетаніи...

Они улыбались и спорили о красотѣ, а почти пустой вагонъ трамвая уносилъ ихъ въ скуку и сѣрость домовъ одной изъ Смиховскихъ улицъ. Вьяльцевъ смотрѣлъ на мелькавшія передъ нимъ тяжелыя каменные коробки, и его забавлялъ контрастъ между ними и восторженностью Немѣшаева.

— Еще замѣчательная черта, — сказалъ Немѣшаевъ: — нигдѣ не выражается такъ рельефно борьба матеріи и духа, какъ въ пражской скульптурѣ. Вы видите полное торжество духа въ древнѣйшихъ образцахъ. Вы увидите, напримѣръ, среди этого чуда XV столѣтія — знаменитыхъ статуй Карлова моста изваяніе Мадонны: она забываетъ о себѣ, она помнитъ только о высшей жертвѣ, какую материнская любовь можетъ принести Богу и міру... но посмотрите нѣсколько далѣе, на болѣе позднее изваяніе Богоматери: это прекрасная женщина, знающая силу своего обаянія, съ глазами опущенными долу, въ знаменательномъ сознаніи своего величія. пышная одежда говоритъ не о жертвѣ за міръ принесенной, но о царствіи небеснаго всемогущества, озаряемаго ея любовью.

— Гдѣ это изваяніе? заинтересовался Вьяльцевъ.

— На фасадѣ церкви Крестоносцевъ, передъ самымъ мостомъ, у воротъ въ Клементинумъ.

— А-а... помню, помню! — сказалъ Вьяльцевъ. — Какъ вы прекрасно все это знаете!

— Брожу, какъ только есть время...

И закашлялся глухо и хрипло. Вьяцевъ съ тоской посмотрѣлъ на него:

— Неужели и въ тебѣ, твой прекрасный, высокій духъ не осилить матеріи, которую хочетъ разрушить пражскій климатъ и полуголодная жизнь? — подумалъ онъ.

На Вацлавской площади, у самого памятника, встрѣтила ихъ небольшая группа: три студента и барышня, Варасова, тоже студентка. Поздоровались, постояли нѣсколько минутъ, слушая музыку проходившихъ процессій. Эти процессіи уже примелькались молодымъ людямъ. Пронесутъ знамена разныхъ цвѣтовъ, со страшными и нестрашными словами, мѣрной, выработанной поступью пройдутъ мужчины, женщины и дѣти, оркестръ проиграетъ какіе-нибудь пріятные или непріятные буржуазному уху мотивы, потомъ всѣ мирно разойдутся по домамъ, столовымъ, кафэ и засядутъ за свои «полевки» и «вепшовы». Когда процессіи прошли, студенты двинулись внизъ по правой сторонѣ площади, болтая и смѣясь. Привычный чешскій глазъ, даже не слыша русской рѣчи, могъ безошибочно опредѣлить, что то была русская группа: потерявшія форму, тяжелая, не по сезону, шляпы и кепки, дурно пригнанное, хотя и старательно вычищенное платье, истоптанные сапоги, — все это уже примелькалось пражскому глазу. Но солнечная яркость наполняла молодые души весельемъ, смѣялись охотно, безъ повода и по поводу. Вотъ унылая кляча, съ еще болѣе унылымъ проводникомъ, тащила огромную картонную рекламу о томъ, что съ появленіемъ американскаго юмориста Липпса въ Прагѣ исчезли уныніе и печаль. Благообразный извозчикъ поставилъ въ тѣнь карету и чахлую философическую лошадь — каретѣ и лошади въ общей сложности было не менѣе двухсотъ лѣтъ. Лошадь дѣлала видъ, что

жуеъ овесъ въ пустомъ мѣшкѣ, карета служила удобнымъ треномъ для извозчика, который развалился въ ней и читалъ свою партійную газету. И студенты, и лошадь, и извозчикъ знали, что у пражскаго нанимателя нѣтъ денегъ для прогулокъ въ открытой каретѣ, и что долго придется имъ ждать, пока не появится какой-нибудь ускользящій отъ полиціи спекулянтъ. Улыбались студенты и юному поколѣнію, размѣстившемуся по одному, по два, а то и по три въ безчисленныхъ колясочкахъ, управляемыхъ гордыми мамами. Смотрѣли на нихъ студенты и ласково думали о томъ, что населеніе братской Чехіи не убываетъ.

Въ пріятныхъ мысляхъ, встрѣчахъ и замѣчаніяхъ быстро пробѣжали минуты, отдѣлявшія памятникъ королю Вацлаву отъ Карлова моста. Только тамъ пріостановились и замѣтили, что общаго оживленія не раздѣляла ихъ спутница, студентка Варасова.

— Что съ вами? — Случилось что-нибудь? — спросилъ ее Немѣшаевъ.

— И да, и нѣтъ. Я дурно спала, видѣла разные сны и между прочимъ Васю Горошкова—помните?—Вотъ, что на химичкѣ Петровой жениться хотѣлъ. Проснулась — подають мнѣ два письма, отъ него и отъ нея. Онъ пишетъ, что въ Югославіи нашель было работу и началъ поправляться, да потомъ сербы неожиданно почти перестали платить, и онъ въ буквальномъ смыслѣ обреченъ на голодную смерть...

— Ахъ, это ужасно! — и добрыя черты его лица дрогнули: — надо бы съ товарищами поговорить... надо что-то сдѣлать...

Варасова махнула рукой:

— Поздно! Онъ прощается со мной... А другое, — продолжала Варасова, — отъ Петровой. Она счастлива, довольна, выходитъ замужъ...

— За кого? — спросил другой студентъ, Пушинцевъ.

Она запнулась:

— За... за адвоката Водичку...

Ея блѣдное, прозрачное лицо еще болѣе поблѣднѣло, а большіе, черные глаза въ длинныхъ рѣсницахъ упали, стараясь уйти въ тѣнь сѣрой фетровой шляпки. Пушинцевъ густо покраснѣлъ и смущенно отвернулся. Онъ зналъ, что Водичка незадолго передъ этимъ на-стойчиво ухаживалъ за Варасовой, и она не-то дружески привязалась, не-то полюбила его. Онъ пожалѣлъ о своемъ вопросѣ. И чтобы скрыть смущеніе вдругъ за-смѣялся басистыми, хриплыми смѣшками, словно кряхтя и рвякая по-медвѣжьи. Хрипловатый голосъ удивительно шелъ къ его наружности. Это былъ неуклюжій, мужиковатый, съ четырехугольнымъ, скуластымъ лицомъ, всесокрушающими бѣлыми зубами и умнымъ и добрымъ взглядомъ.

— Э-э-э... чего же мы стали, да всѣ, какъ козлы, на воду заглядѣлись... Сколько ни гляди, не угонишься за нею...

— Какъ за жизнью, — съ грустной улыбкой замѣтилъ Немѣшаевъ и вспомнилъ, что говорилъ ему докторъ послѣдній разъ.

— Да, именно, какъ за жизнью, — повторила Варасова, не отрывая глазъ отъ бѣгущей, веселой сталью сверкающей воды. И вспомнила давно слышанный романсъ Шуберта:

Das Wandern ist des Müllers Lust,
Das Wandern, das Wandern!

Однако двинулись и еще разъ полюбовались церковью и Мадонной, о которой говорилъ Немѣшаевъ. Шли по мосту, разглядывая статуи.

— Вотъ здѣсь, — говорилъ Немѣшаевъ, — святой Янъ Непомукъ былъ сброшенъ въ воду по приказу короля Вацлава за то, что не хотѣлъ открыть ему, о чемъ исповѣдалась королева. Вотъ съ этимъ распятіемъ, — продолжалъ Немѣшаевъ, — также связано нѣсколько легендъ, но я не помню хорошо подробностей. Видите эти золотыя буквы? По однимъ преданіямъ, онѣ сдѣланы на деньги, которыя долженъ былъ заплатить какой-то еврей, не снявшій шапки передъ распятіемъ, по другимъ — эта еврейская надпись напоминаетъ попытку іезуитовъ обратить въ христіанство еврейскаго мальчика. Отецъ, узнавъ объ этомъ, убилъ своего сына, а самъ былъ казненъ гдѣ-то здѣсь же, у подножья статуи Правосудія. Мальчикъ этотъ причисленъ, говорятъ, къ лику святыхъ...

— Насъ съ вами не признаютъ святыми, коллега! — весело обратился къ Пушинцеву третій студентъ — Ковтунъ, широколобый, приземистый, со смуглымъ лицомъ, бритымъ подбородкомъ и смѣлыми, вызывающими глазами. — Вы что, чай, продулись вчера? Или префрансикъ отложенъ?

Пушинцевъ отвѣтилъ неохотно:

— Не то, чтобы продулся... а такъ... кронъ шесть убыло.

— Дырбанули? — допрашивалъ Ковтунъ, съ выраженіемъ лукаваго и въ то же время завистливаго любопытства.

— М-м... не очень... Кружки по три раздавили.

— Платилъ Ѳедькинъ?

— Онъ...

— Вы, коллега, съ нимъ... какъ бы это сказать... поосторожнѣе... чортъ его знаетъ, откуда у него деньги...

Вяльцевъ шурился съ наслажденіемъ на воду, кото-

рая, казалось ему, горѣла особымъ праздничнымъ блескомъ. Поднимая голову, видѣлъ темныя купы зелени и царственную скромность святого Вита, уносившаго мысль нѣжно и трепетно къ подножью небеснаго трона.

— Все прекрасно, а люди, и мы въ томъ числѣ, какіе-то жестокіе, звѣрообразные... И въ старину казнъ, и теперь казнъ... Ужели нельзя иначе?..

Немѣшаевъ шелъ впереди съ Варасовой.

— Чѣмъ прекраснѣе день, тѣмъ мнѣ тяжелѣе на душѣ — говорила она. — Не думайте, коллега, что здѣсь что-нибудь мое, личное... помните, какая я была веселая годъ назадъ? А теперь я заразилась общей тоской... нѣтъ, общимъ безуміемъ... я стала одержимая... равнодушная къ жизни и смерти...

— Не надо такъ говорить. Не надо. Живите, пока живется, а смерти не зовите, старайтесь не думать о ней. Въ свое время она сама придетъ за вами.

А про себя вспоминалъ Некрасовскій стихъ:

Не рыдай такъ безумно надъ нимъ:
Хорошо умереть молодымъ.

— Нѣтъ, вы подумайте только, — говорила, волнуясь, Варасова, — среди какихъ милыхъ людей я живу: у Дмитрія туберкулезъ, у Николай Петровича ноетъ прострѣленная грудь, Сергѣй едва ли не страдаетъ маніей преслѣдованія, Надежда Петровна, потерявши ребенка, бредитъ кокаиномъ, и всѣ они озлоблены, ненавидятъ, проклиная жизнь, ничѣмъ не интересуются, вспоминаютъ — кто разоренныя гнѣзда, кто свои офицерскія погоны. Я погибну, если останусь съ ними.

— Да, тяжело, тяжело, — вздохнулъ Немѣшаевъ, — но надо жить.

— Не знаю...

И замолчала. Глаза неопредѣленно и грустно блуждали по горѣ; домамъ, пѣшеходамъ. Автомобиль съ грохотомъ ворвался въ солнечную тишину улицы. Въ глубинѣ мелькнуло молодое лицо нарядной дамы, и черезъ минуту исчезло.

— Да, я хотѣлъ спросить васъ, — заговорилъ Немѣшаевъ: — что же вы знаете еще объ Иванчинѣ?

— Ушелъ въ смѣновѣховцы. Долги заплатилъ. И знаете — она повернула къ Немѣшаеву свое блѣдное, исхудалое лицо — я не рѣшаюсь его осуждать...

— Осуждать не надо, но общеніе съ нимъ — Немѣшаевъ подыскивалъ слово — мнѣ было бы тяжело.

— Это другое дѣло...

XVIII

Они вышли на Малостранскую площадь.

Въ этотъ часъ она была почти безлюдна, только трамваи, и то съ большими, праздничными промежутками, лѣнливо переползали, погромыхая и лѣнливо звоня. Немѣшаевъ хотѣлъ было рассказать о знаменитомъ соборѣ святого Николая, но, оглянувшись на спутниковъ, увидалъ, что они занялись общей бесѣдой. Захваченный впечатлѣніемъ того, что говорила ему Варасова, онъ и самъ не хотѣлъ принуждать себя къ рѣзкому переходу и свернулъ въ узенькую Томашскую улицу, вдоль линій трамвая. Дойдя до Вальдштейнской площади, онъ забылъ, однако, все, плѣненный тихимъ очарованіемъ старины, растворенной въ нѣмой, словно забытой людьми и потому еще болѣе таинственной, красотѣ. Вальдштейновскій замокъ, гдѣ отдыхалъ отъ битвъ славный Валленштейнъ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ эпохи, не столько поражалъ своей величественностью, сколько подчинялъ тихимъ стремленіемъ уйти, со всѣ-

ми своими сокровищами и призраками прошлого, въ какую-то незамѣтность отъ суеты людской, отъ шума трамваевъ, грохота автомобилей, электрическихъ фонарей. Насупротивъ нѣмая красота нѣжилась въ поэтическомъ уголкѣ, въ тѣни стараго дерева, и все вмѣстѣ казалось Немѣшаеву декораціей стариннаго театра, за которой только что скрылись жеманныя дамы и рыцари при шпагахъ и въ огромныхъ жабо.

— Любопытно бы взглянуть внутрь, да насъ въ нашихъ облаченіяхъ не пустятъ.

— Можно попросить одного изъ профессоровъ организовать историческую экскурсію.

— Любопытно бы...

Послѣднія слова произнесъ Ковтунъ. При этомъ хитро прищурилъ свои большіе глаза, отчего толстый мясистый носъ показался еще больше, и продолжалъ:

— Люблю посмотреть, какъ жили старые бары. Воображеніе такъ и гуляетъ. Вы не повѣрите, какъ мнѣ легко представить себя Валленштейномъ. Коллега Немѣшаевъ говоритъ, что на конюшнѣ у него было 300 коней, а карманы полны золота. Вотъ я и воображаю себя этимъ герцогомъ. Вышелъ бы я, этакъ, послѣ хорошаго завтрака на балконъ, а подъ балкономъ народъ шапки вверхъ кидаетъ и меня хвалить. Я бы имъ: «Эй, вы, пролетаріи, лови подачу!» И горстями золото направо, налево, все бы швырялъ да швырялъ...

— Ну, и расшвыряли бы все; — сказалъ Пушинцевъ.

— Нисколько-съ! Сегодня имъ бы швырялъ, а завтра съ нихъ же собиралъ бы, посредствомъ налоговъ да монополій! Нѣтъ, эту систему я продумалъ, а только теперь — онъ понизилъ голосъ и лукаво прищурилъ глаза — теперь я предпочелъ бы быть пролетаріемъ,

поймалъ бы нѣсколько талеровъ да и пропилъ бы ихъ съ вами. А живу я все равно въ подвалѣ...

Смѣялись, острили. Становилось полуденно жарко, гдѣ-то звонили церковные колокола. Двигались далѣе къ Кларову. Потомъ, каменистой тропой, мимо мѣняющихся перспективъ, не спуская глазъ съ Праги въ изгибахъ шаловливо вьющейся рѣки, поднимались вверхъ къ Градчанамъ. Каждый шагъ подъема открывалъ все новыя очарованія. Сѣро-сиренево голубѣло небо, высились то здѣсь, то тамъ купола, живописно и стильно жались у стѣнъ слѣпыя и увѣчныя нишіе. Останавливались, смотрѣли внизъ, видѣли, какъ замирали въ тихой дрѣмѣ сады, бесѣдки, балюстрады, еще хранящіе слѣды былыхъ столѣтій, еще держащіе въ отдаленіи шумную суету города.

Наверху Немѣшаевъ разсказалъ одну изъ прекраснѣйшихъ легендъ о страшной башнѣ Далиборкѣ. Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, даже Ковтунъ, скептикъ и циникъ, впрочемъ весьма добродушный, не улыбался и не острилъ. Варасова напряженно слушала разсказъ о томъ, какъ жестокій король заключилъ благороднаго Далибора въ эту башню, гдѣ ему позволили играть на скрипкѣ, и какъ звуки этой скрипки плѣняли народъ по вечерамъ. Потомъ — разсказывалъ Немѣшаевъ — благороднаго Далибора казнили по приказу короля, но пѣсни его струнъ запали въ королевскую душу и до самой смерти не давали покоя его встревоженной совѣсти. Слушала Варасова и прятала глаза, отводя ихъ въ золотистую даль. Она сама играла и пѣла и даже связывала свое пребываніе въ Прагѣ съ мечтами объ артистической карьерѣ. Заглянули въ каменные мѣшки подземелья. Ужаснулись, но не очень: нервы у большинства были притуплены тѣмъ, что имъ пришлось видѣть у себя на родинѣ.

— Отдать бы это мѣсто большевикамъ, — замѣтилъ Ковтунъ, — они бы чуточку подкрасили старыя стѣны свѣжей человѣческой кровью.

Варасова вздрогнула:

— Молчите, коллега. Сегодня не надо объ этомъ говорить. Дайте забыться.

— Теперь, — сказала Немѣшаевъ, — я покажу вамъ такое, что заставитъ васъ забыть все, прежде виданное. Умѣйте смотрѣть только.

— Ковтунъ, не скалзубьте...

— А вы сдѣлайте улыбку попріятнѣе. Вонъ, на васъ иностранецъ кодакъ наводитъ...

— Это онъ за вашей испанской шляпой охотится.

— А вотъ я ему на стѣнѣ зайчика сдѣлаю... и, растопыривъ пальцы, Ковтунъ дѣйствительно бросилъ на бѣлую стѣну тѣнь заячьей головы съ подвижными ушами.

— Что за прелесть! — воскликнула вдругъ Варасова: — я, дѣйствительно не видала ничего подобнаго.

— Улица алхимиковъ...

Остановились, на минуту замолкли. Крошечные, въ человѣческой ростъ домики, съ игрушечными окнами и балкончиками, съ дверями, уходящими въ землю, все въ солнечныхъ пятнахъ и тѣняхъ, все въ морщинахъ, но не печальныхъ, а скорѣе насмѣшливыхъ. Множество чьихъ-то подслѣповатыхъ глазъ и беззубыхъ ртовъ смѣялось, и тряслось, и говорило:

— А нашихъ тайнъ мы вамъ не расскажемъ, дѣтки!..

— Притти бы сюда позднимъ вечеромъ, когда безлюдно и тихо, да послушать, не выйдутъ ли тайновидцы вотъ къ этому колодцу за водой...

— Да, въ самомъ дѣлѣ... — сказала Варасова.

Немѣшаевъ продолжалъ, увлекаясь, самъ готовый вѣрить:

— Темные призраки въ черныхъ капюшонахъ, съ длинными серебряными бородами, одинъ за другимъ потянутся къ водоему и зашепчутъ надъ нимъ свои непонятныя, христіанскому уху чуждыя слова. Мефистофель зналъ это мѣсто, когда пѣлъ свой знаменитый стихъ:

На землѣ весь родъ людской
Чтитъ одинъ кумиръ священный,
Тотъ кумиръ — телець золотой.

— У Гете это иначе сказано, — перебила Варасова.

— Какъ?

— Не помню.

Погружаясь въ прошлое, странно было видѣть чистенькаго старичка, ушедшаго въ газету, и жирнаго пса, безпечно развалившагося на припѣкѣ. Еще странные казались появлявшіяся, вмѣсто алхимиковъ, привѣтливыя женскія лица, улыбавшіяся и зазывавшія посѣтителей войти въ домики и бросить взглядъ на другую сторону — на Оленій ровъ, гдѣ знатные рыцари тѣшились когда-то охотой и гдѣ, при жестокомъ Рудольфѣ II, подвѣшенные въ желѣзныхъ клѣткахъ, умирали несчастные алхимики...

— Очень, очень интересно, — повторялъ Вяльцевъ. Онъ мало говорилъ и жадно впитывалъ въ себя впечатлѣнія. Нравилась ему и Варасова, но изъ природной застѣнчивости онъ не рѣшался заговорить.

— Да, любопытно, — пробасилъ Пушинцевъ, вытирая цвѣтнымъ платкомъ крупныя капли пота.

— А я такъ доложу вамъ, — сказалъ Ковтунъ, — что ежели мы черезъ пять минутъ не сядемъ за похлеб-

ку, я испущу духъ свой подобно почтеннымъ алхимикамъ.

Жара и голодъ томили всѣхъ. Вниманіе притупилось, интересъ ослабѣлъ — и къ старинному и къ прекрасному. Хотѣлось, какъ говорилъ Ковтунъ, «жамкать».

«Жамкали» въ маленькой столовой неподалеку. За три кроны ѣли темный густой супъ, вкусный уже тѣмъ, что былъ горячъ, вареное мясо съ картофелемъ и неопредѣлимой приправой, сдабривали перцемъ и солью, запивали кто пивомъ, кто водой.

Варасова сидѣла возлѣ Вяльцева и первая попыталась «разговорить» его. Онъ внутренне радъ былъ, что эта, видимо, чуткая и деликатная дѣвушка заинтересовалась имъ, но съ трудомъ входилъ въ настроеніе дружеской бесѣды, когда слышалъ вокругъ себя шутки и смѣхъ. Тѣмъ болѣе Вяльцевъ стѣснялся по душѣ говорить съ Варасовой, что въ томъ, о чемъ имъ хотѣлось бы говорить, не было веселья, какъ не было его, впрочемъ, и въ смѣшливомъ настроеніи остальной молодежи. И здѣсь чувствовалось одно общее стремленіе не столько освѣжить душу настоящимъ, все примиряющимъ весельемъ, сколько забыться въ смѣхъ, сдѣлать изъ него такую же приправу, какой служили перецъ и соль для невкуснаго блюда.

Однако Варасова узнала отъ Вяльцева, что онъ собирается скоро покинуть Прагу, что комнату свою онъ можетъ сдать ей или ея подругамъ. Она записала адресъ и обѣщала зайти посмотреть.

— Куда вы собираетесь ѣхать? — спросила она, когда расплатились и вышли на улицу.

— Не знаю. Трудно дѣлать планы. Мнѣ хотѣлось бы написать что-нибудь о томъ, какъ люди живутъ за-

границей, — отвѣчалъ Вяльцевъ. — Только вижу, что ничего не напишу. Мало отраднаго.

— Ахъ, это ужасно, ужасно! — воскликнула Варасова. — Если бы вы знали, какая мука жить среди соотечественниковъ и проникаться къ нимъ все большимъ презрѣніемъ, даже ненавистью.

— Боритесь съ дурными чувствами!

— Вамъ легко говорить! Вы сегодня здѣсь, а завтра далеко. Но вѣдь мнѣ и такимъ, какъ я, приходится видѣть, какъ лучшіе люди изъ бѣженства отходятъ отъ общей массы, и моральную атмосферу создаютъ люди некультурные, случайные, безнравственные, какіе-то духовные босяки и уроды. О, какъ я завидую вамъ! Если-бъ вы остались здѣсь, начали бы задышаться...

«Я уже задыхаюсь» — подумалъ Вяльцевъ и сказалъ:

— Но вѣдь вы же учитесь?

— Въ этомъ моя единственная отрада, но и то приходится жить въ такихъ условіяхъ, что три четверти нужнаго времени уходитъ на технику жизни...

Онъ съ участіемъ посмотрѣлъ на нее. Одѣта скромно, просто, но бѣдность не подчеркнута ничѣмъ. Худенькая стройная фигура въ темномъ легкомъ платьѣ, грубоватые сѣрые чулки, на маленькихъ ножкахъ, дешевыя, но модныя туфли.

— Вы чѣмъ живете? — спрашивала Варасова.

— Кое-что оставалось изъ денегъ за библіотеку, здѣсь работу нашелъ, переводы.

— Вы вѣдь знаете нѣсколько языковъ? Мнѣ говорили, по крайней мѣрѣ, что ваши статьи появлялись во французскихъ и англійскихъ журналахъ?

— Да, но онѣ особаго значенія не имѣютъ...

Варасова вздохнула:

— Знаніе языковъ — это уже поль-дѣла. Если-бъ

вы знали, какъ я завидую вамъ! — Я знаю только нѣмецкій.

Вяльцевъ улыбался:

— И зависть дурное чувство...

— Здѣсь всѣ мои чувства дурныя, — начала она, потомъ сдѣлала паузу и окинула Вяльцева съ ногъ до головы неожиданно ласковымъ взглядомъ, въ одно и то же время и испытующимъ и удивленнымъ. И добавила: — исключая одного чувства...

— Какого же?

— Вамъ не скажу... а впрочемъ, скажу именно вамъ... вы простой и добрый: дружескаго влеченія къ вамъ.

Вяльцевъ наклонилъ голову и не сказалъ ничего. Они подождали отставшихъ товарищей и распростились.

Было жарко, безоблачно и пыльно. Хотѣлось домой — въ тѣнь, за книгу. Въ вагонѣ трамвая онъ поймалъ себя на мысли, что воспоминаніе о прогулкѣ останется навсегда связаннымъ съ жалостливымъ и нѣжнымъ воспоминаніемъ о милой дѣвушкѣ съ черными выразительными глазами.

XIX

Въ назначенный часъ Азбелевъ и Вяльцевъ встрѣтились въ большомъ кафэ на Вацлавской площади. Тамъ игралъ хорошій оркестръ, и цѣны были нѣсколько выше обыкновенныхъ, что служило нѣкоторой гарантіей отсутствія соотечественниковъ. Въ кафэ, несмотря на то, что большія окна были приоткрыты, дышалось съ трудомъ. Въ воздухѣ пахло грозой, но она вотъ уже нѣсколько дней обманывала Прагу, и люди изнывали отъ духоты и пыли.

— Ну ужъ и климатъ, — замѣтилъ Азбелевъ, оти-

рая крупныя капли пота. — Третье лѣто ѣзжу и всегда увожу съ собой простуду и боль въ груди. То жара анаѳемская, то холодъ съ дождемъ и чуть ли не снѣгомъ среди лѣта.

— Но неустойчивость погоды наблюдается въ Европѣ повсемѣстно, если не ошибаюсь, — замѣтилъ Вяльцевъ. — Одинъ богобоязненный человѣкъ объяснялъ это тѣмъ, что воздушныя стихіи не могутъ успокоиться послѣ войны и доносятъ до земли возмущеніе неба. Говорятъ также, что климатъ вообще мѣняется, и что обезлѣсеніе играетъ при этомъ огромную роль.

— Не знаю, — протянулъ Азбелевъ, опутивъ глаза. Потомъ быстро вскинулъ ихъ на Вяльцева и съ нѣкоторой застѣнчивостью, словно стыдясъ, спросилъ:

— Скажите, вы религіозный человѣкъ?

Вяльцева удивилъ этотъ вопросъ. Онъ не ждалъ его отъ человѣка, подобнаго Азбелеву. «Зачѣмъ онъ спрашиваетъ?» — подумалъ онъ и отвѣтилъ вслухъ:

— Да... мнѣ кажется, я могу причислить себя къ такъ называемымъ религіознымъ. Только, видите ли, я никакъ не могу найти себя въ религіи. Я хочу сказать — у меня почва часто ускользаетъ изъ-подъ ногъ.

Наступило минутное молчаніе. «Зачѣмъ ему это?» — снова спросилъ себя Вяльцевъ.

Кругомъ сновали лакеи, звякала посуда, нараспѣвъ щебетали дамы. Въ окно врывались звонки трамваевъ, громоханія автомобилей.

«Какой-то зунзукающій клѣкотъ — опредѣлилъ про себя Вяльцевъ — пестрое смятеніе звуковъ».

Азбелевъ машинально развернулъ французскій журналъ, разсѣянно, не отдавая себѣ отчета, уставился на красную голую женщину, которая должна была изображать весну.

— Да... такъ вотъ какъ... вы человѣкъ религіоз-

ный... Это хорошо. Дѣло не въ отгѣнкахъ. Я даже не знаю, какой у васъ Богъ. Вотъ вы тогда вечеромъ объ огнѣ распространялись. Я отнесъ это на счетъ поэзіи... Я вообще думаю, что вы въ извѣстномъ смыслѣ — поэтъ.

— И это роняетъ меня въ вашихъ глазахъ? — усмѣхнулся Вьяльцевъ.

— Напротивъ...

Въ это мгновеніе мальчишка, убиравшій посуду, вихремъ подлетѣлъ къ столу и, не давъ опомниться, подхватилъ его приборъ съ недопитымъ кофе. вмѣсто кофе передъ нимъ оказался стаканъ холодной воды.

— Не зѣвай, — засмѣялся Вьяльцевъ.

— Да, у нихъ это прескверная манера, — замѣтилъ Азбелевъ съ веселымъ смѣхомъ. — Но зато за стаканомъ воды вы можете сидѣть хоть до полуночи.

У Вьяльцева вдругъ отлегло отъ сердца. Тревога и тоска, мучившія послѣ безсонной ночи, уступили мѣсто разнѣженному, доброму безразличію, которое онъ называлъ отдыхомъ души. Онъ ласково смотрѣлъ на Азбелева, уже не боясь и не настораживаясь.

— Да, вотъ, — началъ снова Азбелевъ, — это хорошо, что вы религіозны. И насчетъ огня — тоже... Одинъ ли Богъ у насъ, разные ли, и вообще есть ли Богъ или нѣтъ его — это безразлично, но въ сердцѣ каждаго человѣка должна быть какая-то святыня. Своя тайна, святой уголъ, гдѣ стоитъ его алтарь неизвѣстному Богу — *Deo ignoto*. У васъ это есть, стало быть вы — порядочный человѣкъ, и съ вами разговаривать можно, а прочее здѣсь, большинство, по крайней мѣрѣ, — мразь и пыль...

Вьяльцеву пріятно и неожиданно было слышать слова Азбелева о религіозности, но онъ чувствовалъ, что въ этихъ словахъ заключался только подходъ къ

чему-то иному, чуждому и враждебному. Добродушное настроеніе уступало мѣсто напряженному ожиданію.

Онъ молчалъ.

— Я васъ не знаю, не знаю, по какому вы идете пути, — продолжалъ Азбелевъ, — но мне кажется, что у васъ есть воля, рѣшимость, фанатизмъ... впрочемъ, фанатизмъ вѣдь та же религія, не правда ли? Такъ вотъ, мнѣ нужно бы такого товарища для осуществленія — онъ опустилъ глаза — одной маленькой идейки, которая, однако, могла бы имѣть нѣкоторое вліяніе на ходъ событій въ этомъ жалкомъ мірѣ.

Онъ вынулъ изъ кармана сигару и откусилъ кончикъ ея. Лакей предупредительно подаль ему огня.

— Кофе! — приказалъ онъ нервно. Потомъ, сдѣлавъ движеніе къ Вяльцеву, онъ заглянулъ ему въ глаза и въ упоръ спросилъ:

— Вы не химикъ?

Вяльцевъ отрицательно качнулъ головой.

— Жаль... мнѣ нуженъ химикъ, но это не бѣда. Вы что-то говорили прошлый разъ насчетъ Человѣка, то-есть человѣка-спасителя, человѣка лучшаго будущаго.

Прежній темный огонекъ сверкнулъ у него въ уголкахъ глазъ, и черты лица, какъ тогда вечеромъ, строго обострились, и мускулъ на щекѣ его слегка задрожалъ.

— Вы взяли меня тогда этими словами. Именно человѣка освободить надо, людей — вотъ такихъ, какъ мы съ вами, а всему прочему — пальцы его рукъ нервно заходили по мрамору стола — надо помочь... уничтожиться...

— То-есть какъ? — удивился Вяльцевъ, и зрачки его глазъ широко раскрылись.

— А такъ — я вамъ поясню сейчасъ.

Азбелевъ закурилъ съ неопредѣленной улыбкой и сталъ смотрѣть въ пепельницу, на огонь догоравшей спички.

— Простите меня, Дмитрій Павловичъ, если я, прежде, чѣмъ договориться съ вами о дѣлѣ, изложу вамъ нѣсколько общихъ мыслей съ цѣлью, до нѣкоторой степени, педагогической. Вѣдь я не воспитывать и не учить васъ хочу, конечно; я знаю, или, вѣрнѣе, я чувствую, что вы и образованнѣе и умнѣе меня. Но я хочу, чтобы вы меня поняли. Мнѣ стала извѣстна ваша біографія. Я вамъ могъ бы рассказать то изъ вашей жизни, чего вы сами, по вашей скромности, не расскажете никогда.

— Откуда? — съ новымъ изумленіемъ спросилъ Вяльцевъ.

Азбелевъ загадочно улыбнулся.

— У меня были встрѣчи съ лицами, выдавшими васъ въ Россіи. Вы умѣете и смотрѣть въ лицо смерти. Я знаю больше, одинъ изъ палачей сказалъ вамъ, опуская руку съ наганомъ: «если еще не всѣ ангелы-хранители перестрѣляны, то одинъ стоитъ у васъ за плечами»...

Вяльцевъ вздрогнулъ, покраснѣлъ и смутился:

— Да, было что-то въ этомъ родѣ, но доблести моей тутъ нѣтъ. Вѣдь, если нѣтъ хорошей жизни, то жизни нѣтъ вовсе, а тогда смерть безразлична.

— Пусть будетъ по-вашему, хотя я разсуждаю иначе. Но дѣло не въ разсужденіи. Вы мнѣ нужны, какъ человѣкъ, не цѣпляющійся рабски за жизнь. Пожалуйста, дайте мнѣ высказаться. О васъ потомъ. Я сказалъ, что во имя спасенія Человѣка нужно, мягко выражаясь, содѣйствовать уничтоженію тѣхъ, которые облыжно называютъ себя людьми. Въ другое время я развилъ бы подробно и, надѣюсь, развилъ бы съ непре-

оборимой ясностью этотъ взглядъ, что всѣ человѣческія несчастья происходятъ отъ того, что людей на свѣтѣ слишкомъ много. Будь въ мірѣ людей тысячь полтора или двѣсти, всѣмъ было бы жить просторно, и всѣ бы они были счастливы. Нѣтъ болѣе глупой науки, чѣмъ статистика, созданная самими глупыми людьми въ мірѣ. Вмѣсто того, чтобы показать, что въ этой коробкѣ не помѣщается и не можетъ помѣститься болѣе пятидесяти спичекъ, — они, путемъ головоломныхъ выкладокъ, доказываютъ, что въ эту коробку, при помощи ихъ теорій, если не можетъ, то должно войти въ тысячу разъ больше.

— Это любопытно, — замѣтилъ Вяльцевъ, подвигаясь къ Азбелеву, — это очень любопытно. Въ нѣкоторомъ отношеніи вы угадываете мою мысль... Я самъ думалъ... но говорите пожалуйста, я слушаю васъ съ величайшимъ интересомъ.

И оба почувствовали, что ихъ мысли столкнулись, но не враждебно, и что въ этомъ столкновеніи намѣтилось что-то общее, хотя все еще смутное и расплывчатое.

— Фактъ физическаго рожденія ничего не доказываетъ, — продолжалъ Азбелевъ, — микробы рождаются и умираютъ. Въ дикихъ мѣстностяхъ вырастаютъ страшные лѣса, но приходитъ садовникъ съ планомъ, убираетъ лишнія деревья, уничтожаетъ паразитовъ и превращаетъ обиталища медвѣдей и кабановъ въ прекрасный паркъ. Подумайте. Какъ бы ни разсуждали социологи, чтобы лучше морочить довѣрчивыхъ умственныхъ недоносковъ, о томъ, какимъ образомъ организовать всю эту паразитную сволочь, по природѣ своей неспособную къ организаціи, имъ никогда не удастся организовать разумно и честно тѣхъ, кто, въ милліо-

нахъ особей, безчестенъ и неразуменъ. Будете ли вы отрицать это?

— Но вѣдь, это чудовищно! — воскликнулъ Вяльцевъ, — особи эти могутъ переродиться.

— Черезъ пятьдесятъ тысячъ лѣтъ, и то еще, если рѣшить, что люди идутъ къ прогрессу, а не наоборотъ. Но вы погодите возмущаться, — повторяю: дайте мнѣ высказаться. Человѣчество медленно, но безостановочно идетъ къ самоистребленію. Методы пожиранія другъ друга намѣчаются правильно, хотя далеко не систематично. Мѣшаетъ глупость массъ, именно этихъ миллионовъ особей, изъ которыхъ только мы съ вами или такіе, какъ мы, умѣютъ выдѣлять людей будущаго, настоящихъ людей, тѣхъ людей, для которыхъ мудрѣйшіе изъ учителей міра готовили царство Божіе на землѣ.

— Я не умѣю выдѣлять, — сказалъ Вяльцевъ съ горящими глазами, — для меня человѣкъ есть человѣкъ, кто бы онъ ни былъ.

Онъ былъ очень взволнованъ. Слова Азбелева жгли его, какъ огнемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, засасывали въ какую-то трясину.

— Это невѣрно, простите, Дмитрій Павловичъ, это не такъ. Отбросьте ложную скромность... и предразсудки... Вѣдь вы—огнепоклонникъ... Я спрашиваю васъ: не огонь ли соединяетъ два міра и духъ, и матерію. Вѣдь микробъ умираетъ, и не умираетъ никогда. Это просто, и надо только понять это простое, чтобы получить право называться человѣкомъ. А миллионныя массы простого не понимаютъ. И поэтому въ нашемъ распоряженіи два міра, а для нихъ оба міра мертвы. Что это значитъ? Это значитъ, что и они мертвы для міровъ...

— Это даже не философія, это какое-то метаніе отъ одного трамплина къ другому, — сказалъ Вяль-

цевъ. — Я въ людяхъ утверждаю прежде всего самый фактъ ихъ существованія, берегу оболочку ихъ духа...

— И напрасно...

XX

Вокругъ нихъ жужжала толпа, звенѣли подносы съ приборами, оркестръ настраивалъ инструменты. Они ничего не слышали, такъ были поглощены неожиданной встрѣчей мыслей и чувствъ. Словно два чумацкихъ воза сцѣпились колесами среди степи: не расцѣпившись — нельзя было разъѣхаться; не договорившись — нельзя было разойтись.

— Буду говорить болѣе конкретно, — продолжалъ Азбелевъ, прямо смотря въ глаза Вяльцеву. — У насъ есть воля къ жизни, а, когда нужно, то и презрѣніе и къ жизни, и къ смерти. У тѣхъ, у другихъ — есть только слѣпой инстинктъ къ потребленію пищи. Они, какъ клопы, бессмысленно плодятся и столь же бессмысленно умираютъ. При всемъ вашемъ мягкосердечіи, Дмитрій Павловичъ, стѣнного клопа вы задушите, а двуногаго объявляете богомъ. Послѣдовательности тутъ нѣтъ никакой.

Вяльцевъ не возражалъ. Теперь ему мучительно захотѣлось дослушать все, что скажетъ Азбелевъ, чтобы не оставлять ни своихъ мыслей, ни своихъ чувствъ на полпути. Онъ замѣтилъ только, что глаза Азбелева блестяли, какъ пылающіе угли, а лицо было блѣдно.

— Я подойду съ другой стороны къ вопросу, — говорилъ Азбелевъ: — освободите вашу мысль отъ фикцій, держащихъ ее въ плѣну. Оставьте ихъ вмѣстѣ съ кафедрами статистики и соціологіи двуногимъ клопамъ. Пусть они, если имъ это нравится, подмѣняютъ несогласованную европейскую жизнь борьбой бессмы-

сленныхъ націоналистическихъ эгоизмовъ. Пусть! Хотя относительно этой жизни умные люди еще могли бы договориться!

— Да, да, да, — сказалъ Вяльцевъ, — здѣсь, но и только здѣсь, вы правы...

Азбелевъ усмѣхнулся.

«Какія у него рѣзкія и тонкія очертанія губъ! — подумалъ Вяльцевъ, — по ихъ выраженію надо гадать о томъ, что происходитъ въ душѣ».

— Не только здѣсь я окажусь правъ, — продолжалъ Азбелевъ. — Позвольте надѣяться, я буду правъ и еще въ одномъ утвержденіи. Вы не откажете согласиться, Дмитрій Павловичъ, — что вся эта масса двуногихъ клоповъ, вынужденная пожирать другъ друга, половину изъ своихъ наукъ создала не столько въ погонѣ за физическимъ кормленіемъ — наука кормить плохо, — сколько въ цѣляхъ своего рода интеллектуального садизма: даже падая въ бездну неизвѣстности, пріятно схватиться по пути за какую-нибудь теорію или систему. Примѣръ первый: желательно, чтобы значительная часть человѣчества вымерла сама собой — отъ голода, болѣзней, тѣсноты и глупости. Однако, наука говоритъ: жизнь человѣческая священна, нужно лѣчить, кормить, учить, согрѣвать. И на этой основѣ давай строить науку о государствѣ — получается сплошной обманъ: людишки все равно умираютъ, ибо современное государство ихъ не лѣчитъ, не кормитъ и не учитъ. Ученые читаютъ съ кафедръ всякій вздоръ вмѣсто того, чтобы учить людей по крайней мѣрѣ сокращать число дѣторожденій.

— Большевики слѣдуютъ вашему совѣту, — отрывисто, почти рѣзко, замѣтилъ Вяльцевъ.

— О, нѣтъ! это тоже одно изъ ложныхъ представленій. Они — тупые люди. Самый тупой изъ нихъ,

Ленинъ, только скопцами мысли могъ быть признанъ гениальнымъ. Будь на его мѣстѣ просто умный человекъ, онъ использовалъ бы единственную въ исторіи человечества международную обстановку, чтобы испепелить все ненужное. Но онъ пошелъ на полумѣры и компромиссы. Нѣтъ, большевики вѣрятъ въ статистику и поклоняются самому тупому статистику, Карлу Марксу. Они ведутъ людей не къ свободѣ, но къ рабству. Я, впрочемъ, долженъ оговориться. Марксъ совершилъ полезную работу. Нужно только, забывъ логику цифръ, сдѣлать выводы, прямо противоположные тѣмъ, какіе дѣлалъ онъ своимъ буржуазнымъ умомъ. Цифры, кромѣ логики, имѣютъ и свою мистику, и мистика эта для людей, какъ мы, — людей двойного ощущенія, играетъ роль темнаго облака, таящаго въ себѣ грозу. Но это между прочимъ, — если вы будете настаивать, я отдамъ вамъ Карла Маркса со всѣми его желудочными соками. Я возвращаюсь къ фикціямъ. Что такое капитализмъ, какъ не фикція, отъ которой человечеству хочется избавиться социализмомъ, т. е. другою фикціей? Правъ я или нѣтъ?

Вяльцевъ неопредѣленно качнулъ головой, но и здѣсь онъ почувствовалъ, что Азбелевъ и впрямь подходитъ къ его мыслямъ, только съ другой стороны.

— Я васъ спрашиваю: можетъ ли уничтожиться капитализмъ, если капиталисты готовы превратиться въ социалистовъ, одинаково, какъ и они, стремящихся къ насилию и власти? Или какъ социалисты могутъ уничтожить капитализмъ, когда они, въ теоріяхъ своихъ, оперируютъ такими мертвыми вещами, какъ право всѣхъ и каждого на то, что можетъ существовать только для людей, но что всегда остается непонятнымъ милліонамъ клоповъ? Христосъ раздѣлилъ когда-то пять хлѣбовъ на пять тысячъ человекъ, ну, а когда

соціалисты приступятъ къ дѣлежу, въ ихъ распоряженіи не останется и одного хлѣба.

— Все, что вы говорите, — сказалъ Вяльцевъ, напряженно хмуря брови, — имѣетъ убѣдительность только внѣшнюю, логику только поверхностную...

— Если это имѣетъ логику, — сказалъ Азбелевъ, — то логику желѣзной обязательности, логику фактовъ, не знающую дѣленій, значить — я правъ...

— Нѣтъ, вы заблуждаетесь... Вы заблуждаетесь не въ томъ, что кажется вамъ какой-то формальной, логической правдой, а въ томъ, чему служить сама логика — высшему постиженію вещей.

— Метафизика! — съ волненіемъ почти крикнулъ Азбелевъ, — или еще хуже — мистика! Занимайтесь ею наединѣ, или мечтайте въ лунныя ночи, перебирая въ памяти сладкіе стихи... Здѣсь мы стоимъ передъ лицомъ жизни и фактовъ. Вы ищете Человѣка, я — тоже. Давайте искать его вмѣстѣ!

— Какъ? — тоже волнуясь, съ горящими щеками спросилъ Вяльцевъ.

Азбелевъ наклонилъ голову и глянулъ рѣзкимъ, неумолимо жестокимъ взглядомъ въ глаза Вяльцеву. «Каріе!» — замѣтилъ онъ о глазахъ его.

— Какъ? — спрашиваете вы. Отвѣчаю: мстя за поруганную личность и уничтожая микроба, освѣжая воздухъ и создавая вокругъ себя просторъ.

Вяльцевъ едва переводилъ духъ. Ему хотѣлось уйти, но тѣло его словно окоченѣло, точно кто-то привязалъ его къ жесткому дивану. У него мелькнула мысль, не безумецъ ли сидитъ передъ нимъ и ищетъ другихъ такихъ же безумцевъ. Въ такомъ случаѣ разговоръ бесполезенъ, а за экспериментами онъ не охотился. Но если такъ, если передъ нимъ сидѣлъ маньякъ или человѣкъ потусторонняго разума, во всякомъ слу-

чаѣ — больной, съ нимъ надо было обходиться осторожно, это Вяльцевъ сознавалъ и рѣшилъ говорить мягко, не растравляя его безумія. Но Азбелевъ угадалъ его мысль.

— Вы считаете меня безумнымъ, — усмѣхнулся онъ, и мускуль заигралъ на его щекѣ. — Пусть такъ! Это даже хорошо. Мы начинаемъ узнавать другъ друга. Вы вѣдь тоже безумецъ. Нужно только, чтобъ мое безуміе стало цѣлью, потому что мой путь вѣрнѣе и короче, и скорѣе приведетъ къ Человѣку, а ваше — средство... Отдайте мнѣ вашу волю!

Вяльцева охватило жгучее любопытство:

— И тогда?

— И тогда явится еще одинъ мститель, поборникъ великой идеи разрушенія стараго міра. Вѣдь поймите же: и старый міръ страдаетъ и корчится въ мукахъ рожденія великой радости небывалаго наслажденія. Надо помочь ему разрѣзать путы, надо облегчить муки рожденія, надо поджечь все, что можетъ горѣть, и въ этомъ грандіозномъ пожарѣ уничтожить міазмы, пере-душить микробы!

— А люди?

— Спасутся тѣ, что окажутся на вершинахъ. Иныхъ не нужно...

— Поэзія нищестанства... въ коммунизмѣ... — съ горькой усмѣшкой прошепталъ Вяльцевъ.

Усмѣхнулся и Азбелевъ.

— О, нѣтъ! Коммунисты поютъ другія пѣсни, они стремятся статистику привести къ порядку, а не обезпечить величавый, первозданный хаосъ съ его красотой, поэзіей, божественностью за человѣчествомъ, за тѣмъ человѣчествомъ, что крестится огнемъ и спасается на вершинахъ духа. Дмитрій Павловичъ, вѣдь я потому и обращаюсь къ вамъ, что вы отмѣчены чи-

стымъ духомъ исканія, что вамъ дѣла мірскія, какъ они творятся сейчасъ, чужды и омерзительны. Это насъ и роднитъ.

Вяльцевъ перевелъ духъ.

— Позвольте выяснить, — сказалъ онъ, — что же я долженъ былъ бы дѣлать конкретно, если бы я или кто другой на моемъ мѣстѣ подчинился вамъ. Вотъ вы сказали давеча насчетъ бывшаго британскаго министра...

— Величайшій негодяй, смертельный врагъ Россіи, — рѣзко, почти запальчиво перебилъ его Азбелевъ: — еслибы наши большевики были умны, они должны бы заставить милліоны своихъ школьниковъ повторять его имя въ утреннихъ молитвахъ ихъ дьяволу... Но, простите, я васъ перебилъ...

— Вы говорили, — продолжалъ Вяльцевъ, — что-то относительно этого министра и охоты за черепами. Здѣсь есть какая-нибудь связь?

— Конечно, но начинать пришлось бы не съ него, да эта дрянная лисица во-время уползла въ нору. Это — подробность. Надо договориться о главномъ. Вѣдь вотъ, — снова усмѣхнулся онъ, зло посмотрѣвъ на Вяльцева, — когда этотъ министръ и его присные захотѣли отравить одну пятую человѣчества только затѣмъ, чтобы русскимъ добромъ набить карманы своимъ галантерейщикамъ, ваша философія не протестовала... или она возмущалась?

— Нужны факты...

— Честные англичане ихъ не отрицаютъ...

— Но методы дѣйствія?..

— Самые подлые: обманъ, измѣна, предательство — тамъ, гдѣ человѣческая кровь лилась рѣкою...

— А ваши?

— Мои? О моихъ мы поговоримъ, когда вы отдадите вашу волю... Я былъ человѣкомъ военнымъ, я знаю,

что значить динамитъ, аэропланъ, подводная лодка въ хорошихъ рукахъ. Вы знаете — былъ одинъ моментъ, когда я готовъ былъ повѣрить въ ваше Провидѣніе. Встрѣтился я съ однимъ японцемъ, такимъ же безумцемъ, какъ мы съ вами. Онъ разсказалъ мнѣ, какой дьявольскій планъ былъ разработанъ однимъ инженеромъ для уничтоженія американскаго флота: ползучая гусеница по дну океана, подводный танкъ... И что же? Катастрофа — помните? — два года назадъ — и геніальный планъ очутился на днѣ океана...

— Это васъ должно было бы навести на нѣкоторыя мысли...

— Да, если бы мысль о Провидѣніи оказалась правильной. Но вѣдь зачѣмъ Провидѣнію спасать именно американцевъ, которые прекрасно обходятся безъ Него?

Вяльцевъ сидѣлъ подавленный, съ чувствомъ безконечной тоски.

— И этими методами вы думаете спасти человечество? — спросилъ онъ упавшимъ голосомъ. — Нероны, Геліогабалы и Каракаллы имѣли эти методы въ рукахъ, и что вышло?

— Идеи не было, а чувство было вѣрное, инстинктъ правильный... Ненавидѣли человечество — въ этомъ ихъ заслуга... Хорошіе были люди.

— Простите, вы или нарочно, чтобы подразнить меня, говорите эти... гадости... или шутите...

Язвительная улыбка искривила губы Азбелева.

— Что, нервы не выдерживаютъ? Ничего, нервы у васъ здоровые, если вы живете и не разучились мыслить. Вѣдь даже становясь на вашу точку зрѣнія, я предлагаю вамъ отвѣтить: что ужаснѣе — то ли, что у насъ передъ глазами, или шалости Каракаллы? Но у него, повторяю, не было идеи, и цѣли не было.

— А у васъ? — упавшимъ голосомъ спросилъ Вяльцевъ.

— Я вамъ сказалъ. Я опредѣлилъ вамъ общую цѣль. Но скажу и ближайшую: я здѣсь затѣмъ, чтобы раздавить нѣсколько паразитовъ — здѣсь въ Прагѣ.

— Они вамъ мѣшаютъ?

— Не столько мѣшаютъ, сколько позорятъ русское имя. Иногда я къ этому неравнодушенъ.

— Но вѣдь это все маленькіе люди...

— И я не трачу на нихъ особыхъ усилій.

Внезапная мысль осѣнила Вяльцева: «ужъ не оказалась ли Клеопатра Ивановна въ числѣ «паразитовъ»?

Онъ осторожно назвалъ ее имя. Азбелевъ сдѣлалъ судорожное движеніе головой и уставился на Вяльцева. Черты лица его обострились сухимъ и злымъ выраженіемъ.

— Вамъ что-нибудь извѣстно? — спросилъ онъ сразу измѣнившимся голосомъ.

— Я ничего не знаю, или, вѣрнѣе, знаю, что она слишкомъ несчастна. Вы не сдѣлаете ей зла?

Вяльцеву тяжело было произнести эти слова. Ему не хотѣлось ни о чемъ просить этого человѣка. Но онъ не простилъ бы себѣ, если бы упустилъ случай оказать ей защиту.

— Это можетъ зависѣть отъ васъ, — загадочно сказалъ Азбелевъ и, закуривъ папиросу, прибавилъ: — Ницше помните: — «падающаго толкни!» Дамъ, подобныхъ Клеопатрѣ Ивановнѣ, не спасешь, да и спасти не стоитъ... Но я, простите, шучу, я не знаю еще, что вамъ отвѣтить о ней. Я еще не разобрался.

— Нѣтъ, господинъ Азбелевъ, мы не уйдемъ отсюда, пока вы не общаете мнѣ, что эта бѣдная женщина будетъ пощажена вами. Я прошу васъ.

Прежняя усмѣшка заиграла на тонкихъ губахъ Азбелева.

— Хорошо, господинъ Вяльцевъ, объ этомъ мы поговоримъ, но теперь позвольте подвести итогъ нашей бесѣды.

— Безполезно. Я никуда и ни при какихъ условіяхъ за вами не пойду. Наши пути различны.

— Не такъ, какъ вы думаете. И вы и я — мы изгой изъ современнаго общества. Мы — не съ большевиками, ни противъ нихъ... я, по крайней мѣрѣ, поскольку они помогаютъ моей идеѣ истребленія лишнихъ людей...

— Что вы говорите! Они уничтожаютъ цвѣтъ интеллигенціи, духовно лучшую часть!..

Азбелевъ слегка тронулъ руку Вяльцева. Тотъ осторожно отодвинулся отъ него.

— Подождите. Слушайте. Къ большевикамъ мы не пойдемъ, да они и не примутъ насъ, ибо мы чужды имъ. Эмиграцію вы видите — пойдете вы къ ней? Если и пойдете, она встрѣтитъ васъ, какъ чужого, враждой и ненавистью. Какъ вы ни отрѣшайтесь отъ всего русскаго въ исканіи Человѣка, вы остаетесь русскимъ до мозга костей и, стало быть, среди иностранцевъ — чужой. А быть чужимъ всему міру — тяжело, Дмитрій Павловичъ, даже людямъ, какъ вы да я. Поэтому намъ не расходиться, но соединиться надо и свое общество создавать и свою почву найти.

Вяльцевъ съ жалостью взглянулъ на Азбелева. Минуту помолчали.

— Такъ или нѣтъ? — спросилъ Азбелевъ.

Вяльцеву показалось, что лицо послѣдняго не-то, чтобы стало добрѣе, но смягчилось, потеряло свою жесткую и, столь часто, жестокую рѣзкость. Вяльцеву стало жаль его, и снова замелькали передъ нимъ предположенія: безумецъ? фанатикъ? страдалецъ, дошедшій

до крайнихъ предѣловъ отчаянія? И онъ упрекнулъ себя за отчужденную холодность, быть можетъ — слишкомъ явно обнаруженную.

— Владиміръ Ивановичъ, — въ первый разъ обратился онъ къ нему по имени-отчеству, въ голосъ его слышались мягкія нотки, — вы много, слишкомъ много страдали, и потому я не смѣю судить васъ. Человѣкъ человѣку вообще не судья. Но я считаю, что вы стоите на ложномъ пути. И мы съ вами — тѣ же микробы, какъ вы выражаетесь. Лучше ужъ и намъ въ свое время лопнуть и расплыться въ окружающей атмосферѣ, чѣмъ итти въ судьи и болѣе того — въ палачи. Мнѣ не нужно искусственно создавать себѣ общество, да общества я вообще не люблю. А людей хорошихъ, добрыхъ, трудящихся и честныхъ, мечтающихъ о мирной и трудовой жизни, я встрѣчаю вездѣ... Жаль только, что они отрѣшиться не могутъ отъ того, за что держатся, — вотъ что ихъ губитъ въ нынѣшнемъ хаосѣ. Остановитесь, пока не поздно.

Азбелевъ опустилъ голову и долго молчалъ. И въ кафѣ было сравнительно тихо. Музыка перестала играть. Посѣтители разбрелись по домамъ, за семейную трапезу. Косые лучи, золотомъ ударявшіе въ окна, говорили о вечерѣющемъ днѣ.

Пробило семь. Азбелевъ озабоченно провѣрилъ свои часы и постучалъ лакею.

— Какъ мы съ вами засидѣлись!

И Вяльцевъ вспомнилъ, что въ семь часовъ онъ общалъ быть у одного студента.

— Да, уже поздно...

— Я не считаю, что мы разошлись, — сказалъ, вставая, Азбелевъ. — Я вамъ оставлю свой адресъ, и я надѣюсь, вы вспомните обо мнѣ, когда придете къ тѣмъ же выводамъ, что и я.

Онъ передалъ ему карточку. Вьяцевъ нерѣшительно взялъ ее.

— И помните, Дмитрій Павловичъ: жизнь — что карта. Или ее бьютъ, или она бьетъ. Средняго нѣтъ. Прощайте.

Конецъ первой части.

Е. А. ЛЯЦКІЙ

Романъ и Жизнь

Развитіе творческой личности

И. А. Гончарова

Жизнь и бытъ

1812 — 1857

Стр. 394.

Цѣна \$ 2.25.

Изъ отзывовъ печати: „...Развитіе художественнаго творчества Гончарова излагается въ книгѣ Е. А. Ляцкого въ тѣсной связи съ картиной духовной жизни эпохи и съ личными внутренними переживаниями писателя. Такъ, создание „Обыкновенной исторіи“ прослѣжено здѣсь на фонѣ живой характеристики кружка Майковъхъ — одного изъ оазисовъ тонкой артистической культуры въ пустынь строй обывательщины времени Николая I. Далѣе ясно раскрыто воздѣйствіе на развитіе замысла „Обломова“ романческаго увлеченія Гончарова Е. В. Толстой. Путешествіе Гончарова на фрегатѣ „Паллада“ освѣщено многими еще неизданными письмами Гончарова, особенно интересными въ сопоставленіи ихъ съ печатнымъ текстомъ описанія этого путешествія. Служба Гончарова по цензурѣ разобрана въ связи съ очеркомъ его общественнаго міросозерцанія и личнаго характера. Томъ заканчивается очеркомъ созданія „Обломова“ и первыхъ еще неясныхъ замысловъ будущаго „Обрыва“.

Все это изложеніе основано на богатомъ печатномъ и рукописномъ матеріалѣ, но весь этотъ грузный аппаратъ отнесенъ въ прилѣжанія, а самый текстъ выдержанъ въ формѣ живого разсказа, написаннаго прекраснымъ языкомъ, мѣстами нѣсколько приподнятымъ, въ стилѣ самой описываемой эпохи (40-е годы и начало 50-хъ), что очевидно и входило въ сознательныя namъренія біографа“.

А. А. К и з е в е т т е р зъ („С. З.“, кн. XXIV).

Бальмонт К. Д. Гдѣ мой дом? Очерки.

ц. \$ 0.36

Бальмонт К. Д. Мое — Ей. (Стихи). ц. \$ 0.40

Мережковский Д. С. Тайна трех. ц. \$ 1.20

Мережковский Д. С. Рождение богов. Тутан-
камон на Критѣ. Роман. ц. \$ 0.75

Ремизов А. М. Эга. Разказы. ц. \$ 0.90

Степун Ф. Из писем прапорщика артилле-
риста. ц. \$ 0.90

Тэффи Н. Вечерний день. Разказы. ц. \$ 0.45

Цвѣтаева Марина. Молодец. (Сказка) —
ц. \$ 0.54

Шмелев И. С. Неупиваемая чаша и др. раз-
казы. ц. \$ 0.60

4,98 (1987)

РЛ 7201 У

~~13.526~~

ЕВГ. ЛЯЦКІЙ

ТУНДРА

I

ПЛАМЯ

Центральные склады:
„PLAMJA“
Praha II, Ječná ul. 32.
—
„RODINA“
Berlin W 50,
Regensburgerstrasse 13.

ЕВГ. ЛЯЦКІЙ — ТУНДРА

П Л А М Я
П Р А Г А